

1 сентября
Классная работа

МАРИНА ТИШАНСКАЯ

ВЫ НАЗЫВАЕТЕ ЭТО АВТОБУСОМ?

Марина Антоновна Тишанская

Вы называете это автобусом?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69520201

SelfPub; 2023

Аннотация

Через много лет после окончания школы одноклассники собираются вместе, чтобы совершить экскурсию по параллельным мирам. Они и не представляют, какие приключения их ждут, иногда опасные для жизни...

Содержание

Лера	5
Лопатин	12
Георгий	18
Юрий	24
Виолетта	28
Лера	32
Рыбаков	40
Виолетта	47
Юрий	54
Лопатин	57
Лера	66
Рыбаков	76
Лопатин	85
Виолетта	91
Георгий	97
Лопатин	105
Виолетта	115
Лера	120
Георгий	126
Лопатин	136
Лера	143
Георгий	149
Лопатин	157

Юрий	166
Рыбаков	171
Георгий	183
Юрий	193
Юрий	196
Лера	206
Лера	223
Юрий	232
Виолетта	238
Лопатин	246
Рыбаков	258
Георгий	265
Лопатин	273
Заседание Совета	279
Георгий	285
Юрий	291
Оирон	298
Оирон	303
Юрий	311
Лера	322
Рыбаков	327
Эпилог	329

Марина Тишанская

Вы называете это автобусом?

Лера

Жирная муха крутилась вокруг лампы и противно жужжала. Это было хорошо слышно, поскольку в комнате царила тишина. На улице стояла невыносимая жара, а в комнате температура вообще зашкаливала. Штор у нас в редакции нет. Обещают жалюзи, но пока мы сидим на самом солнцепеке. Духота невыносимая.

«Странно, – подумала я, – на Марс и на Луну летаем, параллельные миры осваиваем, а починить кондиционер не можем».

С понедельника я собиралась в отпуск, поэтому в пятницу с трудом пыталась сосредоточиться на работе. Да и кто работает в такую жару! Вон все молчат – кто-то тихо дремлет в кресле, кто-то в стрелялки на компьютере играет. Без звука, конечно. Еще бы не хватало! Палыч живо наведет порядок, если увидит игры в рабочее время!

Перспективы на отпуск у меня складывались неважные. Хотелось если не в Майями, то хотя бы на море в Европу.

Другие вон на Марс собираются, а у меня таких денег никогда не было. И придется мне ехать на Волгу, к бабушке. Слава Богу, туда аэромобиль ходит каждые полчаса от аэровокзала. Приехать лучше всего к полднику – у бабули вкусные пирожки получаются, с клубникой или вишней, в зависимости от сезона. Конечно, там будет настоящий расслабон. Бабуля работать не даст, прогонит на пляж. Я там загорю икупаюсь, но компания – бабушкины подружки. А мне давно пора о собственной семье подумать. Но где знакомиться? В издательстве молодежь зеленая, средний возраст – двадцать два года, а мне под сорок.

Приходится ездить к бабушке, а для отчета перед коллегами рисовать в Фотошопе картинки, где я в море купаюсь или на горных лыжах катаюсь. Вряд ли кто-то верит, но в глаза врушкой не зовут.

Чтобы избавиться от грустных мыслей, я пошла варить кофе. Потом опущу в чашку кусок мороженого крем-брюле, и получится классный десерт.

Вдруг дверь шумно открылась, и в комнату влетела секретарша Наденька.

– Лерка, Новицкая, тебе путевку дали! – крикнула она.

– Как? Мне? Куда? – оторопела я.

– На автобус «Алая молния»! – вновь закричала Наденька.

– Не кричи, – попросила ее я, – объясни толком.

– Ну, стали думать, кому путевку отдать. Тут Палыч вспомнил, что ты по общественным работам в капустни-

ке на Новый год участвовала, лекцию о параллельных мирах школьникам читала и старушкам-ветеранам издательства помогала заказывать продукты на дом. Он и говорит: «Лере Новицкой надо путевку отдать», и все согласились.

– И когда надо ехать? – спросила я. Сердце гулко застучало, готовое от радости выпрыгнуть из груди.

– В понедельник, – ответила секретарша и скрылась за дверью.

«Алая молния», – подумала я, – это же параллельные миры! Я даже мечтать о таком путешествии не смела! А тут путевка бесплатная! Вот все говорили: «Что ты так стараешься с общественными работами?» А пригодилось».

Я тут же стала прикидывать, что взять с собой. Поеду в джинсах. Надеть надо майку и пару положить про запас. Это одежда универсальная, в ней и богатые, и бедные ходят. На случай холодной погоды в таких автобусах синтезируют теплую одежду, и это очень удобно – не надо тащить чемодан. Обойдусь рюкзачком, который мне Тоська подарила на день рождения. Она купила его в Италии, и он очень приличный.

От этих мыслей стало приятно. После такой жары немного охладиться... Как здорово! Еще надо взять платье. Вдруг мы в ресторан пойдем всей группой... А к платьям туфли. Конечно, я предпочитаю кроссовки, но женщина должна всегда выглядеть соответственно случаю. Может, и второе платье взять?

– А на какой срок путевка? – спросила я, и тут обнаружи-

ла, что Наденька давно ушла. Я открыла дверь и побежала по коридору в дирекцию. Нади в приемной не оказалось. Но там было так хорошо, прохладно! Вверху мирно и тихо гудел кондиционер.

– Новицкая? – произнес вышедший из кабинета главный редактор, – повезло тебе, девонька. Вот мне путевки никто никогда не оплачивал.

– А мне кто оплатил? – спросила я.

– Не знаю, кто. Благодетель предпочел остаться неизвестным, – пожал плечами Владимир Анатольевич.

– А разве это не издательство? – удивилась я.

– У издательства, дорогая, нет таких денег – экскурсии в параллельные миры оплачивать. Так что, бери повыше, – загадочно произнес главный редактор.

– А разве мне не за общественную работу путевку дали? – не отступала я.

– Ну, в общем, да. Но твои заслуги были перечислены в письме твоего благодетеля, а Дмитрий Павлович только зачитал письмо, – ответил Владимир Анатольевич.

– Спасибо, – тихо сказала я и вышла в коридор.

Как странно, подумала я, кто-то оплатил мне путевку и не хочет признаваться. Да, я ответственно выполняю свою часть работы, связанной с общественными нагрузками, но ведь не я одна... И Вадик хорошо работает – ходит в вечернее время с патрулем, следит за порядком. И Верочка в детском саду ставит утренники. У нее музыкальное образование есть. Все-

таки такое впечатление, что кто-то решил отправить на экскурсию именно меня, и непонятно, по какой причине. Надеюсь, рано или поздно это выяснится.

Надо Тосе позвонить, посоветоваться. Вот кто молодец! Умеет добиваться поставленной цели. После журфака сразу устроилась переводчиком в солидную фирму, а я – в издательство общества «Знание». Хиловатое такое издательство. Никто наши брошюры не читает. Я бы пробилась в какой-нибудь журнал типа «Богатые тоже плачут», но там тоска, а здесь у меня интересная работа.

Тоська оказалась дома. Вчера у нее были переговоры, закончившиеся в час ночи в ресторане, и она отсыпалась. Начальство ее после таких мероприятий на работе раньше обеда не ждало.

– Тось, привет, – поздоровалась я.

– Здорово, – зевнула в трубку подруга.

– Нужен твой совет, – сказала я и почувствовала, как на том конце провода возникло заметное оживление. Тоська обожала советовать.

– Что, мужика сняла? – с любопытством произнесла Тоська.

– У тебя одно на уме, – разочаровала ее я, – мне путевку дали.

– Езжай и не думай, – тут же прореагировала Тося.

– Ты подожди, – я попыталась ее немного охладить, – путевку в тур по параллельным мирам.

– Иди ты! – воскликнула подруга, – это же бешеные деньги. Неужели твое издательство раскошело?

– В том-то и дело, не издательство. То есть, посылает издательство, но оплатил кто-то другой, – объяснила я.

– Что ты мне голову морочишь? – обиделась Тоська, – как это посылает один, а платит другой?

– Сама не знаю. Мне главред сказал, что кто-то оплатил, но не хочет называть своего имени, – сказала я.

– Обалдеть! А что ты наденешь? – подруга вывела меня на вторую любимую тему – тряпки.

Она предложила мне взять ее хлопковый сарафан, черное коктейльное платье и комбинезончик. Еще час мы обсуждали проблему моей одежды. Я наконец поняла, что если не прекращу разговор, то останусь голодной. Все уже пообедали, и мне хватило бы времени только попить принесенного из дома компота с засохшим печеньем из шкафа. Наконец, я попрощалась с подругой. Во время перекуса мысли продолжали вертеться вокруг отпуска.

Вот интересно, что за компания там будет? Вряд ли старики – пенсионеры в параллельные миры ездят. Дорого, да и попасть можно незнамо куда. Бабули и дедули предпочитают более комфортный отдых.

Работать совсем расхотелось. Хорошо, что до двух часов осталось всего сорок минут. Высижу как-нибудь. В выходные столько дел – нужно и в парикмахерскую успеть, стрижка и маникюр, и в магазин. Майки все старые и растянутые.

Нужно купить парочку приличных.

И есть дома нечего – нужно идти в супермаркет или заказать еду по коммуникатору. Но я не люблю это делать. Пойти в магазин – совсем другое дело. Там можно увидеть что-нибудь вкусное, о чем сначала и не думаешь. Если мне не надо платить за путевку, можно позволить себе икорки, колбаски сухой и пирожных. Хотя, пирожные есть вредно для фигуры. Пока у меня все в порядке, но поостеречься в моем возрасте уже пора.

А куда же я дену Муську? Живу я одна, и ухаживать за животным во время моего отъезда некому. Придется опять просить Мариванну, чтобы приютила кошку на отпуск. Наша дворничиха живет во втором подъезде. Очень она сердобольная, не оставит мою Муську в одиночестве.

Что это я о всякой чепухе думаю? Главный вопрос, кто меня на экскурсию тянет и зачем?

Лопатин

За всю свою жизнь не помню ни одного отпуска, который бы я провел, как собирался. От слова «совсем». Вот и в этот раз Архипыч, сделав значительное лицо, сказал:

– Ваня, тебе повезло. Поедешь на экскурсию, о которой и мечтать не мог.

– Точно, не мог, – тут же ответил я. – На море хочу. Лежать на песочке, потягивать холодный компот из смородины и купаться до одури.

– В другой раз, – отрезал Архипыч.

Я прикрыл глаза. Передо мной плескалось море. Бледное небо, еще не отошедшее от ночной тьмы, медленно наливалось голубизной. Густая бирюза воды срывалась под утренним ветром белыми барашками. Они ласкали ноги прекрасной незнакомки, шедшей навстречу золотому солнцу, край которого поднимался из-за горизонта.

– Хочу с девушкой хорошей познакомиться, – уже понимая, что не отвертеться, жалобно протянул я.

– Вот на экскурсии и познакомишься! – обрадовался Архипыч. – Жениться тебе надо, Ваня.

– А я о чем?

Но Архипыч всем своим видом показывал, что дискуссия закончена. С тех пор, как его назначили диспетчером по персоналу, старик воспрял духом, а вот характер у него испор-

тился.

– Увлекательную экскурсию по параллельным мирам организует фирма «Зори Земли». Остановка на Гее не предусмотрена, но тебя переправят на Землю XVIIIа заранее, чтобы успел освоиться с техникой.

– Зачем мне техника на экскурсии? – все еще прикидываясь дурачком, спросил я.

– Потому что ты будешь не экскурсантом, а вторым пилотом.

За годы службы я успел побывать на многих планетах, был даже на Земле. Нашей. Ее активно расчищают, дезактивируют. Возможно, скоро на ней опять можно будет жить. Неужели в параллельных мирах людям хватило ума не загаживать родную планету? Но все эти вопросы я оставил на потом.

– Архипыч, не темни. Зачем им второй пилот именно с нашей параллели?

– Не им, а нам. Видишь ли, Ваня... На одной из параллелей, которую собирается посетить экскурсия, живет человек. Такой рождается раз в тысячу лет, да еще и не на каждой планете. Зовут его Еремей Двадцать пятый. У них так принято, вместо фамилии. Ну, да не суть. Главное, что этот самый Еремей изобрел одну штучку, размером с ладонь, с помощью которой любой может переходить в параллельные миры по собственному желанию и в любой момент. Но не это главное, не размер. Штука в том, что собрать это устройство может даже ребенок, если, конечно, у него руки не из зад-

ницы растут, – объяснил Архипыч и внимательно посмотрел на меня.

Эта его новая учительская манера меня порядком раздражает, но не обижать же старика упреками.

– Отлично. Моя задача, я так понимаю, получить у него чертежи или записи, что там у него есть. Или купить, если там деньги в ходу, – бодро отрапортовал я.

– Не спеши. Все не так просто. Сейчас на той Земле путешествия в параллельные миры – штука очень дорогая, – снова завел Архипыч.

– У нас тоже, – ляпнул я, а потом задумался.

У нас такое путешествие означает расход энергии на переход, сравнимый с обеспечением небольшого города в течение суток. Но если у них еще в ходу деньги...

Архипыч посмотрел на меня внимательно и кивнул.

– Понял, значит. Твоя задача – вывезти к нам самого Еремея. Если этого не сделать, погибнет не только открытие, но и ученый. Посылаем тебя потому, что помощи ждать не от кого. Ты уже во многих передрыгах бывал, должен справиться.

Вот тут я и понял, что это будет за отпуск. Сразу пришел на ум Заповедник, где меня чуть не сожрал гигантский гриб. Даже мурашки по спине побежали. Но везде у меня была хоть какая-то подстраховка, а здесь я буду один. Вот спасибо Архипычу за доверие! Я хотел возмутиться, но старик уже даже не смотрел в мою сторону. Мол, я свое дело сделал,

теперь давай ты.

***

Штука, которую мне предстояло пилотировать, называлась автобусом. Кажется, в древние времена это имя носило какое-то транспортное средство. Чтобы попасть на борт этой штуковины, я перебрался на Землю, к счастью, на уже расчищенную территорию, а уже оттуда – в параллельный мир. До начала экскурсии оставалось два дня, за которые мне предстояло ознакомиться с конструкцией автобуса и научиться им управлять.

За свою жизнь я на чем только не летал, но когда увидел это... сооружение, решил, что Архипыч шутил. Потом, конечно, понял, что в принципе автобус никуда не поедет, поэтому форма значения не имеет. И все же, большой сарай или склад, сиявший ярким фиолетовым цветом (для привлечения туристов?), поражал своей конструкцией. Ни одной гладкой линии, зализанного или острого носа. Три этажа жилых помещений, лежащих один на другом, как листы пластика. Причем лежащих неровно. Вдобавок во все стороны торчали железки и куски пластика неведомого мне назначения.

Смехотворное время, выделенное мне на знакомство с миром пребывания и устройством транспортного средства, заставило прибегнуть к гипноинформированию. Иными словами, сутки из отведенного на подготовку времени я проспал. Зато, проснувшись, уже точно знал, как устроена жизнь

на Земле отправления.

По счастью, одежду, принятую в этой параллели, мне носить приходилось. Такая же была в ходу и на нашей Земле где-то пятьсот лет назад. Брюки, рубашки, джинсы, футболки – я знал, что это такое. Кстати, довольно удобные вещи. Во многих местах одежда гораздо менее функциональная. Как пилот, я мог не соблюдать тонкостей этикета, поэтому джинсы и футболку выбрал на свой вкус.

Управлять автобусом тоже оказалось несложно. Эта нелепая штука перемещалась только между параллельными мирами, ни по воде, ни по земле, ни по воздуху не могла проехать и метра. Зато под днищем были смонтированы гравитаторы на случай, если пилот промахнется и автобус окажется в незнакомой параллели над неподготовленной площадкой. Гравитаторы позволяли удержать судно над водой или скалами, над любой непригодной для посадки поверхностью. Правда, при этом жрали массу энергии. Хотя промазать было нелегко: прием на планетах назначения осуществлялся на специальных платформах. Опасность могла возникнуть при посещении параллели, не входящей в экскурсионную систему, однако пилот, залетевший в незнакомый мир, рисковал не только пассажирами, но и собственной головой. Так что желающих поэкспериментировать в компании не помнили.

Автобус делился на три этажа. На верхнем располагалась хоззона. Второй состоял из отсека управления и двенадцати кают. В нижнем двигательный отсек соседствовал с ресто-

раном и большим бальным залом. Гравитаторы находились под днищем машины, и увидеть их было сложно. Билеты по меркам Земли XVIIIа стоили безумных денег, но пилоты и экскурсанты жили в совершенно одинаковых помещениях. Стандартная каюта в четырнадцать квадратных метров содержала санузел и собственно комнату. Моя и первого пилота располагались на условном носу судна, дальше шли предназначенные для пассажиров. Им, в отличие от персонала, полагались картины на стенах, подсветка потолка, бархатные диваны, но сути это не меняло – та же комнатуха и душ с туалетом.

Не знаю, как это нашим удалось, но фирма «Зори Земли» приняла меня на работу год назад, на другой параллели. Так что в автобус меня просто перевели на время, пока напарник Антона был в отпуске. С первым пилотом мы поздоровались и разошлись. Что он за человек, выяснится позже. А пока я бросил рюкзак в своей каюте и улегся на койку, ждать прибытия экскурсантов.

Георгий

Моя биография была предрешена с рождения. Отец уже тогда владел сетью банков, мать не работала. Естественно, когда родился наследник, отец сразу решил, что ребенок, когда вырастет, будет продолжать семейный бизнес.

В детстве меня вовсю баловали. У меня был и игрушечный электромобиль, и железная дорога, и собственный компьютер. Но играм отводилось определенное время. С семи лет отец начал готовить меня к ведению бизнеса. Дети в школе читали букварь, а мне объясняли основы экономики. Надо сказать, что я был не против. Родителям в целом я благодарен.

Отец также учил меня быть лидером. В школе с первого класса я был старостой. В институте с первого курса – председателем учебного совета.

Кстати, в институте меня накрыла первая любовь. Лана Романова училась в параллельной группе. Я сразу ее заметил – девчонка вроде не модель – рост средний, фигура полноватая, но что-то в ней было гипнотизирующее. Какая-то чертовщинка в глазах. Я стал садиться с ней рядом на общих лекциях. Мы познакомились. Оказалось, что она меня тоже сразу выделила среди других ребят. Короче, через год мы расписались.

Хорошо, что в этом браке не случилось детей. Оказалось,

мы – абсолютно разные. Лану тянуло на природу, в походы, в палатки, на речки, сидеть у костра и петь песни. Меня же всегда привлекал комфорт. В качестве отдыха я предпочитаю поехать на море, в шикарный отель. Вечера я люблю проводить в дорогих ресторанах. Лана этого не понимала.

Я любил и до сих пор люблю качественную одежду, Лана одевалась на китайском рынке. Мне нравятся боевики и триллеры, Лане – отечественные мелодрамы. Короче, брак продлился три года. Получив дипломы экономистов, мы расстались.

После этого я долго не женился. История с Ланой сильно ранила мою душу. Но все в конце концов забывается. В тридцать лет я стал председателем правления одного из отцовских банков. Отец сказал, что на таком посту нужны семейные люди. И я стал подбирать жену. Сдуру решил жениться на модельке.

Я увидел будущую супругу на показе мод, куда меня затянула мама. Анфисе едва стукнуло двадцать. Она была необыкновенно хороша – рост под метр восемьдесят, талия тонкая, ноги длинные, большие серые глаза и пышные белокурые волосы. Отец ее одобрил. Сказал, что такая не будет вмешиваться в дела, а детей родит красивых.

Эту идиотку я терпел еще три года. Как странно, мои браки дольше трех лет не длятся. Анфиса была глупа, как пробка. Она спрашивала меня про дела, а когда я начинал рассказывать, засыпала, сидя в кресле. Единственный ее плюс –

она ничего не решала сама. Все решения принимал я. Но и это не спасло наш брак.

Отец был против моего развода, но я решил твердо. Кстати, у Анфисы достало ума нанять адвоката, и тот вытребовал у моего отца содержание для моей бывшей жены. Отец сказал, чтобы я не спешил жениться в третий раз, выбрал бы жену с умом. И я стал перебирать знакомых женщин на предмет, с кем бы я смог мириться при ежедневном общении.

Но это все – лирические отступления. Мне уже исполнилось тридцать восемь. Жену я пока не выбрал. Стукнуло двадцать лет, как я закончил школу, и мне пришла в голову идея встретиться с одноклассниками. Вот только не хотелось слушать нытье неудачников. Но как сделать, чтобы на встречу пришли исключительно успешные люди?

Идею подала мама. Она предложила организовать поездку по параллельным мирам. Есть такая фирма – «Зори Земли» – которая этим занимается. Путевка на такую экскурсию стоит так дорого, что неудачники туда не поедут.

Самому мне заниматься организацией – обзванивать одноклассников, собирать деньги, заказывать тур – было некогда. Я вспомнил, что в школе такими делами занималась Летка Пятакова, и решил ей позвонить. Она, говорят, вышла замуж за Вовку Корсарова, а он стал директором киностудии и загребает большие деньги. То есть, насколько я знаю Пятакову, она на экскурсию поедет.

Я уже собрался звонить, но тут вошла мама. Она до сих

пор считает, что меня нужно контролировать и направлять. Хотя, признаюсь, ее советы иногда весьма уместны.

– Жорик, – сказала мама, – а врач с вами поедет?

– Что ты, мам, – ответил я, – врачи столько не зарабатывают, чтобы по параллельным мирам путешествовать.

– А у вас в классе никто не стал врачом? – спросила мама, – ты подумай, ведь на экскурсии кто-то может и заболеть.

Тут я вспомнил, что вроде Юрка Толстоухов собирался в медицинский поступать.

– Есть один, – сказал я.

– Давай папа за него заплатит, и пусть он едет с вами, – предложила мама.

– Мамуля, я и сам в состоянии заплатить за одноклассника, – возразил я.

– Ну смотри, а то мы с папой поможем.

Я чмокнул маму в макушку и пошел к телефону. Все номера моих одноклассников остались в его памяти. Летка Пятакова, наверное, теперь Корсарова и живет в другом месте, но я набрал ее старый номер.

– Алло, – послышался капризный женский голос.

– Пятакова, привет, – сказал я, – это Гоша Гольдман.

– Я не Пятакова, а Корсарова, – поправила меня Летка.

– Лет, тут такое дело, – начал я, – исполняется двадцать лет, как мы школу закончили.

– Не стоит напоминать мне о возрасте, – продолжала капризничать Пятакова.

– Да подожди ты с возрастом, – не выдержал я, – я по поводу встречи с классом.

– Ой, как здорово! Ты молодец, что позвонил. Я очень хочу встретиться с ребятами, – наконец сменила гнев на милость Пятакова.

– Я тоже, – поддержал ее я, – знаешь, что я придумал? А не заказать ли нам экскурсию по параллельным мирам?

– Но это же страшно дорого, – удивилась Пятакова.

– Ну и что? Ты не сможешь заплатить, что ли? – спросил я.

– Я-то как раз смогу. Мой Володя – директор киностудии. У него хороший доход, – похвасталась Летка.

– Вот и хорошо. Понимаешь, не хочется встречаться с теми, кто ничего не достиг в этой жизни, а то начнется нытье и просьбы, – пояснил я.

– Это ты верно решил, Гольдман, – одобрила Пятакова, – я тоже не люблю неудачников.

– Давай так, – предложил я, – я организую экскурсию, а ты обзвонишь всех и соберешь деньги. Учти, что в автобусе десять мест. Если соберется больше народу, то возьмем два автобуса. Но я сомневаюсь, что это понадобится.

– Вот всегда вся организационная работа на мне, – Пятакова снова начала ныть.

– Леточка, на тебя вся надежда, – я постарался ей польстить, поскольку она именно этого и ждала, – ты же у нас в классе самая активная и самая красивая.

– Ну ладно, – согласилась Пятакова, – я обзвоню. Но два

места резервирую для себя и мужа.

– Конечно, Лета, все будут рады вас видеть, – поддержал ее я.

На этом наш разговор закончился. Завтра я съезжу в фирму «Зори Земли» и куплю у них горящий тур по параллельным мирам, а потом Летка отдаст мне деньги, которые соберет с наиболее успешных одноклассников.

Юрий

В тот день я оперировал шесть часов. Парень, напорившийся животом на арматуру, остался жив, но сил радоваться у меня уже не осталось.

Я сидел, тупо уставившись в серую стену перед рабочим столом. Мне следовало написать отчет о проведенной операции, и это после стольких часов напряжения! Кто и зачем придумал такую ерунду? Все равно по моим описаниям никто ничего не повторит. Требуется доказать, что я работал?

Запах больницы немного отступил, когда сестра Зинаида принесла мне стакан кофе. Чашек у нас тут никогда не водилось, но женщин это не смущало. В сестринской они ставили чайник, пили дешевый растворимый кофе с сушками и перемывали кости врачам и начальству. Зинаида вспомнила обо мне, поскольку простояла последние шесть часов рядом, подавая инструменты и стирая с моего лба пот марлевой салфеткой. Я так устал, что даже не смог ее поблагодарить, но ей это и не требовалось. Поставив стакан и взглянув на меня с сочувствием, она тихо ушла.

В этот момент позвонил Георгий. Не скажу, что был рад услышать одноклассника, с которым не виделся со дня выпуска. Мы и в школе не слишком общались. Его отец, владелец банка, и мои родители находились в разных весовых категориях.

Мои считали каждый цет. Когда в школе собирали на шторы или ремонт по пол кванзата, мать, сцепив зубы, доставала коробку из-под леденцов, в которую складывала мелочь – копила, доставала требуемую сумму и горестно качала головой. Как не бились отец с матерью, денег в доме никогда не было.

А отец Георгия однажды, когда тот порвал штаны, подарил нашему классу стулья. Классная, биологичка, долго благодарила, расхваливала его Георгия, чуть не в ноги благодетелю порывалась пасть. Никогда в жизни мне не было так стыдно! Она старенькая уже была, биологичка. В тот момент, если бы у меня были деньги, я купил бы ей все стулья в мире, только чтобы она не унижалась.

Георгий радостно сообщил мне, что прошло двадцать лет с окончания школы. Наши одноклассники собираются отметить это событие и меня тоже приглашают. В честь юбилея решено отправиться на экскурсию автобусом «Алая молния». Билет стоит тысячу кванзатов, деньги надо сдать на этой неделе.

Тысяча кванзатов! В месяц я получаю шестьдесят. Если бы у меня была тысяча, я нашел бы, куда ее потратить. Естественно, я Георгия послал. Туда, куда в таких случаях полагается. Делать такое предложение работающему за обычную зарплату человеку – просто издевательство.

Видимо, Георгий мало изменился со школьных лет. Он никогда не был обидчивым. Вместо того, чтобы бросить

трубку, он сказал:

– Толстый, не сердись. Давай так: ты поедешь на экскурсию в качестве врача. Путевку оплачу я. Считаю, я тебя нанимаю. Положен же тебе отпуск в больнице? Вот и проведешь его со старыми друзьями, заодно и подстрахуешь по медицинской части. Подумай, – и повесил трубку, не дожидаясь моего ответа.

Я так устал, что ни перезванивать, ни ругаться сил не было. Просто ушел домой. Жоркино предложение означало, что собирается не весь класс, а только самые успешные, богатенькие. Следовало бы плюнуть и забыть.

На улице лил дождь. Даже не дождь, ливень. Но удивительным образом жара от этого не отступала. Видавшие виды ботинки тут же набрали воды. Давно пора было купить новые, но тогда пришлось бы отказаться от подписки на «Медика», а для меня это смерти подобно.

Бедность – это не только голодно и холодно. Это, в первую очередь, унижительно. Почему ты не можешь позволить себе съесть то, что другие едят каждый день? Почему надо решать, купить ботинки или брюки? Делать вид, что не любишь ходить в кафе, а новый фильм видел, и он тебе не понравился? Гордо отказываться от экскурсии, потому что тебе и за всю жизнь не скопить на билет?

Промокший насквозь, я пришел домой. Ветер стучал в окно голыми ветками старой яблони, ему аккомпанировали струи дождя. Сквозь мокрое стекло нельзя было понять,

день сейчас или ночь. Я рухнул в постель, не ужиная. Не было сил варить пельмени или хотя бы макароны. Вот если бы я был женат... Но с моей зарплатой думать об этом нечего.

Ночь я спал, как полено, а утром решил уступить. Видеть одноклассников не хотелось, зато очень хотелось посмотреть другие миры. Я мечтал об этом давно, и вот мне выпал тот единственный шанс, который больше никогда не повторится. Плевать на всех, я увижу миры, в которые еще сто лет назад никто не верил. Полученных впечатлений наверняка хватит до конца жизни. Не вечно же в серую стену смотреть.

Я позвонил Георгию и сказал: «Да».

Виолетта

Я с самого нежного возраста понимала, что всем в этом мире руководят женщины. Не все мужчины готовы принять это, как факт. Мой красавец дед не смог – перебежал от бабушки к молодой из Задрипанска. Матери повезло больше. Отец знает, что его дело – деньги приносить, а остальное в доме решают жена и теща. Правда, они пока не смогли заставить его приносить из магазина продукты бесплатно. Он хоть и директор супермаркета, а по-прежнему старается за все платить. Но я считаю, что они просто недостаточно строго с ним говорят.

Мать с отцом познакомились в институте. Она приехала из небольшого городка в Сибири, а он родился и вырос в Москве. Мать молодец, ей удалось его убедить, что лучшей жены ему не сыскать.

Надо признать, отцу с самого начала удавалось успешно взбираться по карьерной лестнице. Через несколько лет после окончания института он стал старшим товароведом, потом зав. отделом мясной секции продуктового магазина. А когда я заканчивала школу, его назначили директором супермаркета.

В это же время предки купили приличную квартиру. Сначала-то у нас была двушка. В одной комнате жили родители, а в другой – мы с бабушкой. Теперь же у нас стало четыре

комнаты. Получилось даже много, поскольку я вскоре после одиннадцатого класса вышла замуж. Но это – отдельная история.

Дело все в моей простецкой фамилии. Имя-то мне дали красивое – Виолетта, а вот фамилия по папеньке – Пятакова. Он еще меня Дуней хотел назвать, как девку деревенскую. Хорошо, мать настояла на Виолетте. Но в школе, как все знают, одноклассники зовут друг друга по фамилии.

Идея выйти замуж за парня с красивой фамилией пришла мне в голову классе в восьмом. Мне приглянулся Вовка Корсаров. Я сразу подумала – Виолетта Корсарова звучит неплохо. К тому же, Вовка уже в старших классах блистал талантами. Он ходил в драмкружок, и там его увидел не помню чей папа, который работал помощником режиссера и как раз набирал народ на эпизодические роли в фильме про войну. И Вовку взяли. В кино его заметили и предложили поступать во ВГИК. Он попал туда с первого раза. Короче – перспективный паренек.

Я тоже поступала во ВГИК, но провалилась. Только со второго раза поступила, когда мать настояла, чтобы отец позвонил известному актеру Рудольфу Ягодкину, который набирал курс. Этот Рудольф у папы в магазине отоваривался и всегда просил, чтобы ему хорошего мяса оставили.

В институте я училась не очень хорошо, но перед сессиями мама, которая успела лично познакомиться с Рудольфом, ему звонила и спрашивала, не надо ли ему оставить хоро-

ших продуктов. После этого Ягодкин ставил мне на экзаменах четверки.

Распределения у нас не было, но я не волновалась. Я сразу заявила Вовке, чтобы он соглашался сниматься, только если мне тоже роль дадут. И роли у меня были, маленькие, правда. Вот когда Вовка стал совладельцем киностудии, я потребовала, чтобы он дал мне главную роль в какой-нибудь мелодраме. Он вертелся, как уж в сковородке, все говорил, что ролей моего масштаба у него пока нет. Только недавно дал мне роль. Оказалось, что это фильм, который в качестве дипломного проекта снимал какой-то двоечник. Ну и закатила я благоверному скандал!

А теперь так кстати позвонил Гольдман! Конечно, я хочу на экскурсию в параллельные миры! И мужу сообщу, что это для него шанс со мной помириться. Вот и он, с работы возвращается.

– Володя, у меня к тебе важный разговор, – начала я, не поцеловав его как обычно.

– Лапонька, – обрадовался Корсаров, – ура! Кончилось молчание!

– Я готова дать тебе шанс, – холодно сказала я.

– Все, что хочешь, – согласился мой супруг, – только не проси о роли. Пока у меня ничего подходящего нет.

– Роль тут ни при чем. Наш класс собирается встретиться, чтобы всем вместе поехать на экскурсию, – сообщила я.

– Если в выходные, то можно денек урвать, – задумчиво

произнес Володя.

– Не в выходные, а на две недели, – сказала я.

– Ну тогда ты поезжай, а я останусь, – предложил мой муж.

– Нет уж, дорогой, – скептически произнесла я, – хочешь, чтобы я уехала, а ты тут с какой-нибудь шалавой развлекался!?

– А куда ехать-то? – спросил он.

– В параллельные миры, на автобусе «Алая молния», – ответила я.

– Дорогая, но это же страшно дорого, – заметил муж.

– У нас что, нет денег? – спросила я.

– Что ты, деньги есть. Но понимаешь, у меня фильм скоро выходит. Мне нехвати сейчас уезжать, – пытался открититься от мероприятия муж.

– А ты не боишься меня одну отпускать? – осведомилась я, – я все-таки еще достаточно привлекательна.

Я знала, что Вовка ревнив, и такой довод его убедит. Так и вышло.

– Хорошо, – сказал он, – когда мы едем?

Я сообщила ему подробности и порадовалась, что мне очередной раз удалось одержать победу.

Лера

Наконец настал понедельник. Гравилет прибыл за мной в восемь часов утра. Я еле-еле успела встать, почистить зубы и накраситься. Конечно, стоило встать пораньше, чтобы попить кофе, но я очень устала накануне, собираясь в дорогу. Накинув поверх футболки легкую ветровку, поскольку утром было еще прохладно, я взяла рюкзак и выскочила во двор.

Пилот гравилета – лысоватый дядечка лет пятидесяти – оказался неразговорчивым. Вся поездка прошла в молчании. Я смотрела в окошко, чтобы не задремать. Мимо проносились другие гравилеты – народ спешил на работу. Дома и деревья мелькали так быстро, что действовали на меня гипнотизирующе, глаза слипались сами собой.

Наконец появилось здание фирмы «Зори Земли». Это оказался трехэтажный дом из мерцающего всеми цветами радуги пластика. Рядом стояло почти такое же мерцающее сооружение типа барака, со всех сторон которого торчали какие-то железяки.

Около дверей фирмы стоял высокий мужик с вьющимися черными волосами и длинным носом.

– Привет, Новицкая! – крикнул он, и я узнала Гошку Гольдмана из нашего класса.

– Гольдман, как я рада тебя видеть! – воскликнула я, вы-

лезая из приземлившегося гравилета.

Он подскочил ко мне и стал обниматься. В школе мы с Гольдманом особо не дружили, а сейчас я встретила его как родственника, которого много лет не видела.

– Как ты здесь оказался? – спросила я.

– Сюрприз, – улыбнулся он, – ты попала не просто на экскурсию, а на встречу с одноклассниками. Ведь двадцать лет прошло!

– Ой, и правда! – вспомнила я, – а кто же все это организовал?

Я не стала спрашивать у Гольдмана, кто оплатил мне поездку. Дело-то щекотливое, а мы не такие близкие друзья.

– По-моему, все организовала Пятакова, – сказал Гошка, – и знаешь, я тоже страшно рад тебя видеть.

Я немного смутилась и посмотрела на правую руку Гольдмана. Обручального кольца на ней не было.

– Здесь уже Летка Пятакова с мужем, – поведал мне Гошка, стараясь заполнить неловкий момент.

– Да что ты? А кто ее муж? – спросила я.

– Так Вовка же Корсаров, – пояснил Гольдман, – они сразу после школы поженились.

Тут из здания фирмы вышла модная дама в красной шляпе и в туфлях на высоченных шпильках. Одета она была в серое мини-платье из полупрозрачного креплорпета.

– Лерка! – закричала она.

– Пятакова! – ответила я.

– Я не Пятакова, а Корсарова, – поправила меня Пятакова.

– Ты классно выглядишь, – сказала я ей, и она тут же оттаяла.

– А где Вовка? – спросила я.

– Он там внутри, добивается, чтобы нас поселили в двоянную каюту, – пояснила Виолетта.

– А кто знает, что это за автобус, где мы будем жить? – поинтересовалась я.

– Да вот же он, – сказал Гольдман, указывая на сооружение в виде барака с железками.

– Ничего себе автобус! – заметила я, – как же он поедет?

– Он никуда не едет, – объяснил Гошка, – это же параллельные миры. Принцип передвижения по ним основан на эффекте Огородникова.

– Я, честно говоря, плохо помню школьный курс физики, – призналась я, – у меня специальность гуманитарная.

– Да тут никто физику не помнит, – успокоил меня Гольдман, – я, к примеру, только название этого эффекта помню.

Тут около нас приземлился многоместный гравилет, и из него вылезли какие-то люди. Рассмотрев их поближе, я поняла, что это Юрка Толстоухов, Марсель Маевский, Олег Кочетков и Сеня Протасов. Сзади всех вышагивал Веня Рыбаков.

В общем-то все были узнаваемы. Марсель отпустил длинные волосы и надел какую-то малиновую фуфайку. А поверх воротника голубой шарф. Мне вспомнился художник из дет-

ской книжки про Незнайку. Он там выглядел так же.

Юрка опровергал свою фамилию. Он остался довольно худым и с тонкими лопухими ушами. Свитер висел на нем, как неродной, а в джинсах угадывались тонкие ноги. Протасов приехал в строгом костюме с галстуком. Он был тщательно выбрит, подстрижен и надушен мужским одеколоном. Кочетков со школы совсем не вырос – остался таким же щуплым и юрким. И одет был, как и я, в джинсы с ветровкой. А Веня вообще стал каким-то малозаметным, как будто специально одетым в серый летний костюм. На улице таких полно. Я бы не заметила его в толпе. Но увидев меня, он так хорошо улыбнулся, что я узнала его по ямочке на левой щеке.

Мы начали здороваться и расцеловываться и не обратили внимания, что из дверей фирмы вышел парень лет двадцати пяти, выделяющийся из общей массы своей накачанной мускулатурой. Оказалось, это представитель фирмы. Потом я все гадала, зачем фирме в качестве расселяющего такие качки. Будь он охранником депутата, я бы не удивилась. И тут мне в голову пришла мысль, что, возможно, путешествие будет не слишком безопасным, если эти «Зори Земли» держат в качестве сотрудников таких спортсменов.

Качок представился. Звали его Матвей Кузякин. Смешная фамилия при его внешности. Он повел нас внутрь барака, на второй этаж, где размещались каюты.

Моя каюта мне понравилась. В номере стояла удобная полуторная кровать, шкаф, стол и кресло. Имелась также дверь

в санузел. На покрытой неброской бежевой краской стене висела репродукция картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи», и это единственное, что меня смутило – не слишком жизнерадостный сюжет. Но я промолчала.

А вот Пятакова закатила скандал. С одной стороны, она хотела сдвоенную каюту, чтобы жить вместе с мужем, а с другой – хотела быть ближе к рубке. Но около рубки располагались каюты первого и второго пилотов. Один из находящихся на борту пилотов – Антон, рыжий конопатый парень, сказал, что готов с ней поменяться, но его каюта одноместная. А сдвоенная в автобусе вообще одна.

Тут в автобус влетел Макар Бархатов. Оказывается, он адвокат, встречался со своим клиентом и не мог приехать раньше. Так он сказал. Марик стал очень солидным. На голове уже наметилась ощутимая лысина, и брюшко заметно подросло. Но он, как и Протасов, пришел в костюме и белой рубашке с галстуком. В школе он дружил с Марселем. Их так и называли – Марик и Марсик.

Когда все расселились, стали ждать вечера. Фирма, зная о том, что это не просто экскурсия, а встреча одноклассников, приготовила нам банкет. Но я уже жутко хотела есть, поэтому пошла на первый этаж, где нашла кофемашину и автомат со свежими булочками. После того, как я перекусила за стоявшим около этого автомата столиком, я пошла к себе. Около своей каюты я заметила Пятакову. Она стучала ко мне в дверь.

– Пятакова, ты ко мне? – спросила я.

– Корсарова! – крикнула Виолетта.

– Ну да, ну да, – согласилась я.

– Ты тут одна из девчонок, – сказала Пятакова, – больше поговорить не с кем.

– Ну заходи, – пригласила ее я.

– Лер, как тебе наши ребята? – спросила Виолетта, присев на кресло и элегантно закинув ногу на ногу.

Я села на кровать, поскольку других мест в каюте не было.

– Да ничего, Летка, все узнаваемы, – ответила я.

– А Макар-то как растолстел! – заметила Пятакова.

– Да, он постарел что-то, – поддержала ее я.

– А Рыбаков такой серенький, неприметный, – продолжала охаивать одноклассников Виолетта.

– У него улыбка замечательная, – возразила я.

– Ну, мне он не улыбался, – с издевкой сказала Пятакова, – зато Гольдман – красавец.

– Да, Гошка хорош, – согласилась я.

– Ты еще не все знаешь, – загадочно проговорила моя одноклассница.

– В каком смысле? – осведомилась я.

– Вот тебе путевка как досталась? – спросила Летка.

– Так на работе дали, – я решила ей ничего не объяснять.

– А вот и нет, – возразила она, – это Гольдман тебе путевку оплатил.

– А ты откуда знаешь? – спросила я.

– Мне Гоша сам рассказал, – пояснила Летка, – он тебе путевку оплатил и Юре Толстоухову.

– Зачем? – удивилась я.

– Ну, Юрке – потому что он врач. А тебе – не знаю почему, – с этими словами Пятакова противненько захихикала и подмигнула мне.

– Знаешь что, Пятакова, ты иди. Я спать хочу, – холодно сказала я.

Виолетта нахмурилась и, ни слова не говоря, вышла из моей каюты. «Обиделась, – подумала я, – ну и фиг с ней. Мы подругами никогда не были и не будем».

Я и впрямь приняла душ и легла вздремнуть. Но заснуть мне не удавалось. Мысль о Гошке крутилась в голове. С какой стати он оплатил мою путевку? Что он хочет от меня взамен? Он даже не слишком хорошо меня знает. То есть, про детство он, конечно, знает, но с тех пор двадцать лет прошло. Может, он книгу хочет опубликовать в нашем издательстве? Но тогда разумнее оплачивать путевку главреду, а не мне. В качестве любовницы он мог бы найти кого-то помоложе. Что еще с меня можно взять? У меня же ничего нет, кроме кошки и однокомнатной квартиры. А с его деньгами вряд ли он претендует на однушку.

Я закрыла глаза и попыталась вспомнить что-то хорошее. Все-таки вечером будет банкет. Нужно туда прийти со свежим лицом. Вспомнила бабушку, от которой мне досталась квартира. Бабуля была такой уютной, мягкой. При воспомин-

нании о ее больших теплых руках меня все-таки сморил сон,
и я задремала.

Рыбаков

Жара в этом году высосала все силы. На улицу выходишь, как в духовку. Почему-то в такую погоду портится настроение. Казалось бы – лето, в реке вода теплая. Но это для тех, кто отдыхает. Тем же, кто должен ходить на работу в рубашке с пиджаком, сохранять невозмутимый вид и быть готовым в любой момент броситься выполнять задание, солнце только мешает.

Мне и без жары веселиться нечего. На службе все забываешь, а приходишь домой... Элли и Данька смотрят на меня с надеждой одинаковыми огромными печальными глазами.

Мы с Элли мечтали о ребенке несколько лет, с самой свадьбы. Вы знаете, как трудно сейчас получить разрешение. Элли пришлось сдать кучу анализов, пройти бездну исследований, пока ее признали пригодной к деторождению. Мне было немного проще. Все-таки в нашей конторе всех сотрудников проверяют два раза в год. Оставалось сдать несколько обязательных тестов, и все.

Признаюсь, я совершил преступление. Скрыл тот случай в Недвигове, когда мы с Крыловым спускались в пещеру. Крылов ничего не заметил, скачок напряженности поля видел только я. Что это было за поле, так никто и не выяснил, потому что я промолчал. Стоило мне в припадке восторга заявить об открытии, и о ребенке пришлось бы забыть. За

то время, пока ученые установили бы источник и природу скачка энергии, мы с Элли вышли бы из разрешенного возраста деторождения. И я промолчал.

Данька родился хорошеньким и крепким. Только через год выяснилось, что у него серьезное генетическое заболевание. Сначала казалось, что все можно легко исправить. Я неплохо зарабатываю, да и связи есть. Крылов, кстати, пошел на повышение, стал моим начальником. У него тоже знакомства. Даньку он ждал не меньше нас, своих-то детей у него нет и уже не будет.

Малыша посмотрели все возможные врачи, светила в области медицины, специалисты по генетическим болезням. Единственное средство, которое они смогли предложить – глизин, дорогущее и дефицитное лекарство из параллельного мира. Одна его доза должна поставить Даньку на ноги. Вопрос только в цене. За эту самую дозу надо заплатить двадцать тысяч кванзатов.

Я получаю сотню, бывают премии. Такую сумму мне взять нигде, даже если не есть всю жизнь.

Каждый раз, отправляясь на новое задание, я думаю о жене и сыне. Если я совершу что-то по-настоящему важное, достигну успеха в практически безнадежном деле, меня наградят. Могут повысить в звании, а это прибавка к окладу. Но главное, мне могут оплатить глизин. Ради этого я готов рисковать, жизнь положить.

Отправляясь на задание, я стараюсь не думать о том, что

станет с Элли и Данькой, если я не вернусь. Нельзя об этом думать. Я – последняя их надежда.

Служба Оперативного Реагирования редко занимается простыми мирными делами. Оперативно реагировать обычно приходится на что-то опасное, неприятное, неожиданное. Вопросы задавать не положено, надо выполнять. Как именно реагировать, решаю не я.

Вот и в этот раз СОР сочла, что встреча выпускников – отличное прикрытие для операции. То, что я учился в школе с экскурсантами, избавит меня от проблем. Конечно, сам я бы не смог, да и не стал отдавать такие деньги, но родная организация все сделала за меня. К тому же, я получил очень приличные командировочные, так что выдавать себя за успешного чиновника будет несложно.

Задание из тех, что я не люблю, но оно вряд ли окажется опасным. Если все пройдет удачно, это будет еще один маленький шаг к получению глизина.

***

До автобуса, который повезет нас в неведомые края, я добирался вместе со всеми. Так получилось дешевле, да и присмотреться к одноклассникам следовало заранее. Большой гравилет до турагентства заказал Гольдман. Он у нас самый преуспевающий. Зачем он устроил эту встречу, на которую смогли поехать всего десять человек, я пока не знаю, но данные на своих бывших соучеников, конечно, изучил.

Заказав гравилет, Гольдман сам на нем не поехал. Я при-

шел к месту посадки первым и устроился у двери, чтобы хорошо разглядеть входящих. После меня появился Юра Толстоухов. Вот уж кому фамилия досталась неизвестно как! Уши у него большие, но тонкие. Да и сам он оказался страшно худой, дерганый какой-то, пальцы дрожат. Я знал, что он классный хирург. Не могут у такого человека нервы быть плохими. Видно, волновался из-за встречи.

Юрка никак не мог накопить денег на путевку, значит, кто-то ее оплатил. Видимо, произошло это недавно, иначе я уже получил бы соответствующую информацию.

Марсель приветливо улыбнулся мне и хлопнул по плечу. Удивительно! Люди, вполне безразличные мне в школьные годы, сейчас казались родными. Можно было представить, что я не на задании, а просто встречаюсь с одноклассниками в экзотическом туре.

После Марселя вместе пришли Сеня Протасов и Олег Кочетков. Сеня в отличном костюме и при галстукe.

До автобуса ехали минут двадцать. Я помалкивал, слушал, как взрослые люди, словно скинув два десятка лет, болтают на школьные темы, вспоминают учителей и ребят из класса.

Когда приехали, оказалось, что все, кроме Бархатова, уже на месте.

Гольдман по-прежнему преуспевал, работал директором папашиного банка, со временем станет его владельцем. Дела там шли хорошо. Кстати, фирма «Зори Земли» держит свои средства именно в его банке. Жорка отрастил волосы, отчего

кажется, что и сам он, и его нос стали еще длиннее.

Леру Новицкую я узнал бы, даже если бы не готовился к встрече. Она мало изменилась за двадцать лет. Те же пушистые волосы, удивленные серые глаза, милая улыбка. Возраст даже пошел ей на пользу: фигура оформилась. Грудь округлилась, талия стала заметней на фоне сильной, подтянутой попки.

Она обрадовалась мне, как будто мы с ней расставались навсегда и вдруг встретились. Лера всегда была хорошей. Почему ей не посчастливилось встретить настоящего мужика, который оценил бы и внешность, и мягкий характер?

Корсаровы произвели на меня странное впечатление. Вовка оказался не только удачливым бизнесменом, но и талантливым режиссером. Как его угораздило жениться на Пятаковой? Наша Леточка осталась такой же самоуверенной и шумной, как и была. Теперь она требовала называть ее по новой фамилии, выставляла напоказ дорогие серьги и кокетничала со всеми напрапалу.

Последним примчался Бархатов. Он изрядно полысел и растолстел. Дела у Марика шли отлично. Его акции в фирме, специализирующейся на грузовых перевозках по параллельным мирам, росли в цене с каждым днем. Вдобавок он служил юрисконсультom в этой же фирме, что тоже приносило неплохие деньги. Вот только со спортом он так и не подружился, благодаря чему напоминал сказочного Колобка.

К моменту его появления мы уже загрузились в странный

агрегат, напоминающий неровно сложенную стопку книг или плоских коробок с торчащими в разные стороны железными и пластиковыми деталями. Фиолетовый цвет выбрали, видимо, для того чтобы это средство передвижения было видно на любом фоне. Почему его назвали молнией, да еще и алой, так и осталось для меня загадкой.

Оказалось, что в поездке у нас будет сопровождающий, он же второй пилот. Крепкий парень лет тридцати с небольшим показался бы обычным, если бы не глаза. Раз взглянув в них, я решил, что и лет ему больше. Этот Иван Лопатин был единственным, о котором у меня не было полной информации. Известно только, что в фирму «Зори Земли» он устроился год назад. В этой поездке он подменял другого пилота и сопровождающего Виталия Туруханова, отправившегося во внеочередной отпуск в связи со свадьбой.

Первый пилот, Антон Стариков, был моложе, лет двадцати пяти, и далеко не так интересен. Лишь его накачанное тело привлекало дам. По крайней мере, Пятакова сразу на него глаз положила.

При выполнении задания всерьез опасаться можно только пилотов и Юрку с Гольдманом. Остальные вряд ли смогут со мной справиться, даже все вместе.

Нас начали расселять по каютам. Леточка тут же устроила скандал. Ее не устраивало отведенное ей помещение. Думаю, это ее способ обратить на себя внимание, так как комнаты все одинаковые, качки тут не бывает, и расположение каюты

значения не имеет.

Свою я первым делом тщательно осмотрел. В отличие от двояной каюты Корсаровых, в моей никакой лепнины не оказалось, что очень упростило дело. Видеокамер я не обнаружил, да и жучков тоже. Впрочем, их и не должно было быть, никто не мог предполагать, что представитель СОР отправится на элитную экскурсию. Вероятность же того, что «Зори Земли» следят за своими клиентами, с самого начала казалась мне незначительной.

Я понял, что в каюте смогу расслабиться, не ожидая никакого подвоха. В этот раз очень важно, чтобы окружающие считали меня преуспевающим государственным чиновником. Я не должен привлекать внимания, но следует продумать все возможные повороты событий и наметить пути отхода. Забывать про Элли и Даньку никак нельзя. Ведь я – их последняя надежда, а работа у меня непростая.

В этот раз моя задача – избавить мир от некоего субъекта, проживающего на Земле XXII. Что уж там натворил этот бедолага, не моего ума дело. Главное – он представляет опасность для человечества, так что придется ему переместиться в мир иной. Если опасность достаточно серьезна, смерть этого человека может спасти моего Даньку, поэтому я пойду до конца.

Виолетта

Какая грубая эта Лерка Новицкая! Я с ней по-дружески хотела поговорить, обсудить, что она нравится Гольдману, а она спать улеглась... Интересно, как она на банкет пойдет? У меня так перед встречей в концертном зале не было времени на сон.

Конечно, я еще до экскурсии побывала и в салоне красоты, и в модных бутиках. В салоне мне сделали сногшибательную прическу, а также маникюр, педикюр, маску для кожи лица и шеи, короче – по полной программе. Но прическа с утра уже немного растрепалась, да и макияж нужно обновить. Конечно, тридцать восемь – еще не старость, но следить приходится буквально за всем, чтобы мужики продолжали при виде меня головы сворачивать.

Банкет нам организовала все та же фирма «Зори Земли». У них специальный отдел есть, занимающийся организацией праздников. Еще бы! Мы им такие деньги платим! В программу вечера входил ужин с вином, выступление артистов и танцы. А потом фейерверк. Хорошо, что женщин в группе мало. Мы с Леркой будем нарасхват. Наконец Корсаров увидит, что его жена пользуется бешеным успехом.

К началу праздника я, конечно, опоздала. Приличные женщины должны немного задерживаться, чтобы кавалеры слегка поволновались. Хотя я зря старалась. Эти оболтусы

начали пьянствовать, не дожидаясь меня. Вовка успел нагреться парой стаканов текилы. Это такая гадость! И что он в ней находит?

Для банкета ресторан объединили с концертным залом. В зале убрали все стулья, чтобы было, где танцевать. Там осталась только сцена. А стену между двумя помещениями раздвинули в стороны. Я села за стол между Бархатовым и Гольдманом.

Жорик любезничал с Леркой. В ее ухагеры записались и Протасов с Кочетковым. Кстати, если все оделись в костюмы и галстуки, то Кочетков приперся в джинсах и свитере. Вроде Жорик говорил, что он – писатель-сценарист. Не по случаю одетым оказался и Марсик Маевский. Но он при первой же встрече сказал мне, что стал успешным художником. Вид у него был как раз такой – вольный живописец. Тем не менее, его трехцветный свитер выглядел достаточно дорого, а парусиновые брюки явно не на отечественной фабрике шили.

Я подошла к компании поближе и громко сказала: «Привет, друзья!» Ребята тут же повернулись ко мне. Я с удовольствием заметила, что от Новицкой все, кроме Жорика, отвернулись, чтобы разглядеть меня получше.

– Пятакова, ты превзошла всех красавиц из гляцевых журналов! – сказал все же повернувшийся ко мне Гольдман.

– Летка, садись скорее, мы тут юность вспоминаем, – предложил Марсик.

– Помнишь, как в школе праздничные вечеринки прохо-

дили? – спросил Марик. Видно, он уже подвыпил и забыл, что является успешным адвокатом.

– Ну так... – промямлила я, – что там вспоминать?

– Ты что, – крикнула Лерка, – не помнишь, как физик пел на всех вечерах? У него в репертуаре две песни – «Ярче ты любой звезды» и «Нас с тобой ждет дальняя планета».

– Нас с тобой ждет дальняя планета,

В космолете будем ты и я,

Полетим вдвоем быстрее света,

Чтоб услышать трели соловья, – замурлыкал Марсель.

– Жуткая глупость, – поморщился Толстоухов.

– Я помню, что Протасов у него в любимчиках ходил. Он мечтал, чтобы ты, Сеня, поступил на физфак и занимался наукой, – вспомнила я.

– Да, не оправдал я его надежд, – улыбнулся Сеня, – пошел в бизнес.

– Сенечка, а какой у тебя бизнес? – нежно спросила я.

– Я, Пятакова, владею сетью стоматологических клиник.

Если у тебя проблемы с зубами, прошу пожаловать, – ответил Протасов.

– Во-первых, Корсарова, а во-вторых, с зубами у меня все нормально, – холодно заметила я.

– Юрка, – продолжал Марик, – помнишь, как мы по полкванзата сдавали на ремонт, а ты забыл принести. Физик же у всех, кто не сдал деньги, забирал портфели и запирали их в лабораторке. А ты пришел без портфеля и говоришь: «Порт-

фель я забыл. Пиджак снимать?»

Толстоухов смущенно заулыбался.

– А еще физик говорил, что любит, когда девушки дарят ему фиалки, – вспомнил Гольдман.

– А директрису помните? – спросила Лерка, – как она на входе ловила всех, кто пришел без сменной обуви. Смотрела только на ноги. А тут математик приходит. Она его схватила за рукав и орет: «Где сменка?»

Все дружно расхохотались.

Толстоухов с улыбкой смотрел на Новицкую, и Гольдману это явно не нравилось.

– А помните нашу первую после школы встречу? – спросил Жорик, – все тогда напились, закуски почти не было. И Юрка заснул стоя, положив голову на орущую магнитолау.

Лерка смутилась и дернула Гольдмана за рукав. Но Толстоухов вовсе не обиделся на это воспоминание и хохотал вместе со всеми.

Так за разговорами прошел ужин. Хорошо, что собрались только успешные ребята, за исключением Новицкой, которая работала в каком-то захудалом издательстве. Еще непонятно, где работал Рыбаков, но он все больше молчал и про себя ничего не рассказывал.

– Венечка, – спросила я его, – а ты кем работаешь?

– Я чиновник в государственной конторе, – непонятно сказал он.

Про Толстоухова я знала, что он – неплохой хирург. Прав-

да, вряд ли зарабатывает большие деньги. Остальные: Марик – адвокат, Марсик – художник, Сеня – бизнесмен, Гольдман – банкир, Кочетков – писатель.

Последний, кстати, привязался к моему мужу. Где-то он прослышал, что Вовка выкупил киностудию и снимает художественные фильмы. А у Олега, как он сам сказал, получился отменный сценарий про девятнадцатый век. Любовь, дуэль, королевский двор и все такое. Вовка отбрыкивался от него, как мог, но пришлось пообещать, что он посмотрит сценарий Кочеткова.

После ужина и даже во время него оркестр играл танцевальную музыку. Когда воспоминания закончились, мы пошли танцевать. Я со всеми повальсировала. Только Вовка так нагрузился, что не пригласил на танец собственную жену. Ну ничего, в каюте я ему выскажу, что об этом думаю.

Лерку тоже приглашали. Это и понятно – нас всего две девушки, а кого приглашать, если я уже занята?

Выступления артистов я не видела. Марик повел меня на свежий воздух. Я уже предвкушала легкий отпускной роман, но он только и говорил, что о работе, клиентах и судебных ошибках. Потом еще оказалось, что он женат и обожает свою жену. Разрешение на детей они, правда, пока не получили. Я уже начала зевать. Спасло меня то, что я лихорадочно думала, с кем из класса завести необременительный роман, чтобы досадить Вовке, но пока ничего не надумала и решила отложить решение этого вопроса.

Фейерверк был неплох. Фирма не ограничилась только запуском петард, а сделала крутящийся салют, как двести лет назад в царском замке. Я такие видела в кино. Все-таки я актриса и жена владельца киностудии.

Потом все отправились спать, а я подошла к нашему первому пилоту Антону.

– Антон, вы, наверно, такой умный, – начала я, – ведь все кнопки на пульте надо запомнить...

– А откуда вы знаете, что там кнопки? – довольно невежливо спросил он.

– Ну я в кино видела про космонавтов, – я притворилась дуручкой. На мужиков это действует безотказно.

– Там действительно кнопки, – улыбнулся пилот.

– А вот если пожар, что вы будете делать? – испуганно спросила я, – да и мы, ведь мы все в одну дверь не протиснемся. Кто-то может задохнуться и погибнуть.

– Вам совершенно не о чем волноваться, – успокоил меня Антон, – в рубке есть еще одна дверь. Чтобы ее открыть, нужно только нажать на зеленую кнопку справа на пульте.

– Вы мне покажете эту кнопку, а то я от страха не засну? – поинтересовалась я.

– Конечно, заходите в мою смену, я все покажу, – предложил пилот.

– А туда же экскурсантов не пускают, – заметила я.

– Со мной можно, – ответил Антон.

Тут я заметила, что почти рядом с нами стоит Гольдман

и гаденько улыбается. Еще мужу донесет! С такого станется.
Пришлось прервать милую беседу и уйти в каюту.

Юрий

Не зря я не хотел соглашаться на Гошкино предложение, ох, не зря. Не успели заселиться, даже никуда еще не уехали, как администрация этих самых «Зорь» устроила нам банкет. Меня это, конечно, не порадовало, но отвертеться нечего было и думать. Нас здесь всего десять человек, не отговоришься и не спрячешься.

Прежде всего – в чем идти? Все мои костюмы (одна штука) времен выпуска из института. Я взял его на всякий случай, но потом решил не надевать. Все-таки в джинсах и свитере я не выгляжу таким переростком в старой школьной форме. Плевать на аристократов – капиталистов, все равно выбора нет. Велико было искушение объявить бывшим одноклассникам, что я здесь не экскурсант, а наемный работник. Но, подумав, я решил обойтись без демаршей.

Конечно, остальные блистали. Гольдман и Бархатов выглядели шикарно и солидно. Так обычно богачей изображают в фильмах. Пятакова сияла бриллиантами. Все, кроме Марсея, пришли в костюмах, поэтому, чтобы не слишком выделяться, я старался держаться поближе к нашему художнику. Потом подтянулся Кочетков, который тоже решил отдохнуть по-простому и пришел без костюма, так что на меня никто особо не смотрел.

Стол накрыли шикарный. На свои шестьдесят кванзатов в

месяц я такого не видал даже на Новый год. Я пытался держать себя в руках, но не уверен, что получилось.

Танцевать я не собирался, но Пятакова настояла, не могла она допустить, чтобы хоть один кавалер остался в стороне. Вытащила меня вальсировать. Вот когда я вспомнил маминьи уроки и мысленно ей поклонился! По крайней мере, здесь я оказался не хуже других.

Лера пришла в черном платье. Я не знаток моды, но от него у меня захватило дух. Довольно короткое и какое-то очень простое, оно превратило Новицкую в изящную статуэтку. На ней не было никаких украшений, только что-то длинное и нежное в ушах. Пушистые волосы она заколола, стала видна шея...

Лера сидела за столом и разговаривала с Веней. Пятакова то и дело приставала к ней, чтобы та шла танцевать. В результате мужики потянулись. Больше всех старался Гольдман. Я тоже хотел ее пригласить, но не решился. Если бы она отказалась, не знаю, как я пережил бы две недели экскурсии.

Интересно, как Лера сюда попала? Я слышал, что она работает редактором в каком-то издательстве. Вряд ли там такие зарплаты, чтобы сотрудники могли позволить себе «Зори Земли». Наверное, вышла замуж за богатого. Что ж, кто – кто, а она это заслужила.

Понемногу все расслабились, да чему удивляться: вина хозяева выставили щедро. Ребята стали вспоминать школу, разные глупые случаи, которые теперь почему-то казались

милыми. Лера раскраснелась, глаза горели, она так хорошо смеялась, стала похожа на школьницу.

Было очень весело, но вскоре ребята захмелели. Как меняются люди, когда выпьют! Бархатов сделался важным и загадочным, словно боялся выдать государственную тайну. Жорка раскрепостился. Он и так весь вечер клеился к Лере, а под конец пошел в разнос. Я по понятным причинам пил мало: все-таки на работе. Марсель пришел в возвышенно-романтическое состояние, хотел писать наш общий портрет, всем улыбался и кивал. Выглядело это смешно, но трогательно. Удивительно он добрый и незлобивый. Лучше всех держался Веня. Видно, годы работы на государственной службе научили не расслабляться.

В конце вечера был неплохой фейерверк. Я думаю, его устроили, чтобы гости немного проветрились на свежем воздухе. Так оно и вышло, только Вовка Корсаров остался расслабленно висеть в кресле. Пришлось оказать ему первую помощь и проводить в постель.

Лопатин

Признаюсь, самого перехода я не заметил. Почему-то в автобусе нет окон. То ли для создания контраста, то ли потому, что при переходе не на что смотреть. Вот только что мы были на улице города, рядом с шикарными магазинами и ресторанами – и вдруг уже на побережье теплого моря. По нервам бьет сильно, хотя разницы с морем на Гее я не увидел.

Путешествие по параллельным мирам всегда представлялось мне странной штукой. Ведь мы перемещаемся на ту же самую Землю, на несколько делений сдвинутую по отношению к нашей по оси... чего? Реальности? Да и деления эти условны. Непрерывная цепь Земель живет в тесном соседстве, если можно так выразиться. А промежутки для скачка определяются всего лишь энергией, затраченной на переход.

К чему я все это? Когда делаешь крошечный прыжок, ожидаешь увидеть минимальные отличия от родной планеты. Но чем дальше забираешься от своей параллели, тем больше отличия. На этой Земле море раскинулось там, где в нашем мире должна быть суша на многие километры. Это завораживает и пугает, ведь значит, что и на нашей старушке подвижки коры или другие причины могут привести к тому же самому.

Правда, эта параллель отличается от нашей еще сильнее,

чем кажется на первый взгляд. Признаюсь, сведения почерпнуты мной из буклета, найденного на прикроватном столике в местной гостинице. Интересно было бы подлететь к здешней Земле на космолете, увидеть совершенно другую голубую планету. Впрочем, на нашей материке сейчас еле просматриваются, настоящая поверхность видна лишь там, где ее уже расчистили от железки. Однако соседние параллели, та же Земля XVIIа, сохраняют очертания, известные по глобусу еще со школьной скамьи.

Чудно, эта планета вращается вокруг Солнца так, что всегда повернута к ней одной стороной, фактически сутки равны году. Впрочем, длину здешнего года я не уточнял.

Вся жизнь сосредоточена в средней полосе. При этом средняя полоса и в северном, и в южном полушарии располагается гораздо ближе к полюсам, чем к экватору. Ближе к югу слишком жарко, севернее – холодно. Конечно, и там есть люди, но условия не курортные. На обращенной к Солнцу стороне всегда лето, на противоположной – зима. Там не только не живут, посещение царства льда запрещено для частных лиц. Можно предположить, что на той стороне обитают какие-нибудь звери вроде белых медведей или другие любители холода.

После скачка автобус оказался на побережье. В километре от нас светились огни небольшого города, но по инструкции отдыхающим выходить на улицу пока было нельзя. Всех экскурсантов утром полагалось поселить в гостиницу, а пока

после завершения банкета они ночевали на борту. Их оказалось десять человек, что соответствовало числу кают. Дорогие билеты давали каждому право занять комнату одному, хотя в ней спокойно могли спать и двое. Во всяком случае, я надеюсь, что Еремей Двадцать пятый легко проживет в моей каюте пару дней, пока мы не прибудем на нашу Землю.

Так вот, о гостях. Врал мне Архипыч. Женщин оказалось всего две, причем одна, яркая и вертлявая, была давно замужем. Вторая, с добрыми живыми глазами, выглядела лучше, но тоже для флирта не подходила. По-моему, из таких выходят отличные жены, верные друзья, вот только героем ее романа был вовсе не я. В общем, как всегда.

Мужики, в количестве восьми человек, отличались завидным разнообразием. Один, высокий и черноволосый, был инициатором поездки. В своем мире имел большие деньги и мог искать в поездке новых ощущений. Другой, художник, очень старался не выйти из образа. Его одежда и манеры напоминали детское визио, но рисовал он хорошо – я видел его наброски.

Толстенький лысенький дядечка оказался адвокатом. Эта вымершая на Гее профессия высоко котировалась на Земле XVIIIа, поэтому с деньгами у него все было хорошо. Еще два, в деловых костюмах и при галстуках, выглядели успешными и уверенными в себе. Что за люди, я так быстро понять не смог.

Муж модницы, приятный дядька с усталыми глазами, тер-

пеливо сносил капризы своей супруги, так что я как-то сразу проникся к нему сочувствием.

Поразил мое воображение врач. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Должно быть, деньги на поездку он у кого-то занял или получил в качестве платы. Богатым он точно не был. Его худоба, почти прозрачные лопухие уши, цепкий взгляд обращали на себя внимание, но никакой информации о нем, как о человеке, не давали. Другое дело руки! Таких длинных и тонких пальцев я не видел никогда. Даже у известного пианиста Грибера пальцы не дотягивали до этих.

Руки врача жили своей жизнью. Длинные пальцы словно ощупывали воздух. Мне казалось, что он не смотрит на людей, а осязает их, как кошка вибриссами. Наверное, он прекрасный диагност и хирург. Кажется, что ощупывает тебя на предмет неполадок. Постоянно угрюмое и напряженное выражение лица смягчалось только при взгляде на ту самую женщину, которую звали Лера.

Последний из гостей заставил меня насторожиться. Его серость, незаметность, желание держаться в тени выдавали человека авантюрной специальности. Он мог бы оказаться очень полезным при спасении ученого, но вполне мог стать и врагом. К нему следовало присмотреться повнимательнее, но пока возможности для этого не представилось.

После банкета мы с местным представителем «Зорь Земли» развели подгулявших экскурсантов по каютам. Вот зачем фирма организовала праздник на борту автобуса! Опре-

деленно, они не хотели вылавливать своих клиентов по всему городу и выручать из непредвиденных ситуаций.

На завтра у моих подопечных должна была состояться экскурсия в местный Париж. Любопытно бы глянуть, ведь на нашей Земле от всех знаменитых городов остались только горы желейки, но поехать должен Антон. Очень уж он мечтал об этом самом Париже. Ладно, в другой раз увижу.

Зачем нужно дежурить в автобусе, когда все гости в отъезде – ума не приложу. Разве что чтобы никто его не угнал, но вряд ли местное хулиганье такое продвинутое, чтобы управлять переходами в параллельные миры. А может, фирма боится как раз экскурсантов? Но на борту остался только один – Рыбаков. Он планировал провести свободное время в санузле, так что ждать от него активных действий не приходилось. Мне показался бедовым долговязый Георгий. Может потому, что в прошлом году, как раз между двумя рейсами на Феофиону, мы с Петькой Качаном выручали одного такого. Решил порыбачить на водной планете, на Лее. Не учел только, что жители Леи вовсе не хотели, чтобы их ловили на удочку.

Вообще, странное представление люди имеют о разумных существах. Почему-то считается, что они обязательно должны быть похожи на нас. На нашей Земле тоже долго не признавали, что дельфины разумны. Раз городов не строят, в машинах не ездят, значит – животные. А то, что они разговаривают, заводят семьи, имеют свои имена, это все ерунда. Даже

то, что им с нами скучно, мы слишком медленно думаем – и это не повлияло. Сколько времени потеряли! Сколько дел могли бы сделать вместе!

А муравьи! Тоже ведь разумные, правда, не отдельные муравьи, а муравейники. Странные составные организмы, с которыми люди боролись вместо того, чтобы договориться. Муравьи и города строят, но это никого не насторожило.

Потом, правда, выяснилось, что так называемые «братья по разуму» только по разуму нам и братья. А так никакого сходства.

Но это я отвлекся. Так тот дурень на Лею собрался. Лодку с собой привез, удочки, наживки всякие. Представляю себе состояние жителей, у которых над головами эта лодка стала плавать, да еще куски плоти неизвестных существ на леске спускала. Рыболова, конечно, отловили. Только держать его было негде, суши там вообще нет. Заблокировали беднягу в его же собственном суденышке и послали на Гею запрос, что теперь с преступником делать. Насилу мы с Кочаном его вызволили. Надеюсь, Георгий ничего такого не устроит.

Сидеть в пустом автобусе было скучно. Я уже и почитать успел, и вздремнуть. Главное, если выглянешь наружу – в ста метрах от нас плещется море. Очень хотелось окунуться, ведь на Гее моря искусственные, а тут настоящее. Может, есть разница? Но пост я, само собой, не бросил.

В открытые двери залетал свежий бриз, пахло солью, водорослями и еще чем-то приятным, что будило воспомина-

ния раннего детства. Наверное, мечтой о далеких путешествиях. Всю жизнь мотаюсь по Галактике, видел полсотни планет, но ту старую жажду приключений так и не утолил. Видимо потому, что мои поездки обыденные, по делам, а юношеские мечты бесцельны и иррациональны.

Пока никого не было на борту, я решил обследовать хоззону. Там стояла кухня, способная синтезировать блюда средней и даже высокой сложности. Только вот названия мне ничего не говорили. Что такое капрезе? Шоколадный фондан? Янтык и ламаджо? На борту нашу нехитрую трапезу обеспечивает Антон, но спрашивать его я не хочу – чтобы потом не вспомнил в самый неподходящий момент. Сам я знаю программы борща и клюквенного киселя, больше ничего. Надо будет справочник проштудировать. Очень хорошо, что модель синтезатора оказалась знакомая. Должен же я буду чем-то кормить Еремея, когда он окажется в автобусе.

Интересно, как я должен его уговаривать покинуть родной мир и ехать с нами на Гею? Кто в здравом уме вдруг поддастся на уговоры совершенно незнакомого человека и разрушит всю свою жизнь? Я ведь не психолог, не специалист по контактам. Говорить бедолаге, что его скоро убьют, нельзя. Мало ли как он прореагирует. Ладно, этот вопрос придется решать на месте.

Кстати, рядом с кухней был и синтезатор одежды. Вот с ним у меня возникли сложности. Привычные мне модели изготавливали рабочие комбинезоны разных размеров и все. А

этот мог создавать изысканные туалеты, пригодные для использования в разных мирах. Тут были и бальные платья для женщин, и туники для мужчин, шубы, унты, манишки и еще куча какой-то ерунды. Я долго искал что-нибудь простое и практичное, ничего не нашел и стал пробовать сам.

Первым делом я решил изготовить штаны. Самые простые. Будут это брюки или джинсы, да хоть полотняные порты, без них не обойтись. Тщательно вглядываясь в картинки и строго соблюдая последовательность нажатия кнопок, я изготовил белоснежные лосины своего размера. Вот только вышивки шелком и серебряных пуговиц я не заказывал. Как-то само собой получилось. Пришлось сунуть их в утилизатор и начать заново. Про вторую модель и говорить не хочется. Розовые перламутровые штаны с рюшечками и в мелкую кружевную дырочку не надела бы и девушка. Следующая попытка привела к созданию комбинезона. Выглядел он отлично, хоть и был ярко-желтого цвета. Вот только надеть его не смог бы никто – застежки не было. Придется искать готовую программу и вводить ее в синтезатор, когда гости отбудут на очередную экскурсию.

Не сможет Еремей ходить в тоге или вязаном балахоне и не привлекать внимания. Знать бы хоть, как он выглядит. Будет ли хоть со спины напоминать Антона или меня?

Кстати, Антон – самая большая моя проблема. По долгу службы мы должны общаться. Если один отлучается, другой встает на вахту, так что поиски Еремея невозможны без его

помощи. Как выяснить, что он за человек, пока не знаю. Видно только, что равнодушен к женскому полу. Вертлявая дамочка пыталась с ним заигрывать и, кажется, он не возражал. Но это ни о чем не говорит.

Гаврилов тоже любит слабый пол, а в полете надежнее человека не найти.

Лера

Утром нас подняли рано, в пять утра. Зачем – не пойму. Светло было всю ночь. Видимо, экскурсоводу хотелось показать нам как можно больше интересных памятников истории, поэтому в семь мы уже завтракали, а еще через час выехали.

Я, как всегда, надела любимые джинсы и майку с надписью «Будва, Монтенегро». Виолетка облачилась в яркий летний сарафан и сабо на высокой танкетке. Это выдавало ее намерения обратить на себя внимание мужчин. Мальчики пришли кто в чем.

Около автобуса стояла яркая блондинка с сильно накрашенными губами. Она представилась Нелли Петровной и пояснила, что будет рассказывать нам про Париж.

Сначала я не поняла, на каком виде транспорта мы поедem. Но тут Нелли Петровна встала на незамеченный мной большой темный диск и пригласила нас встать рядом, что мы и сделали. Экскурсовод вынула из сумочки черный пульт и нажала какую-то кнопку. От этого из края диска вдруг хлынули потоки темной жидкости. Они огибали нас, превращаясь в прозрачный шар. Мы оказались внутри шара.

– Можно его потрогать? – спросила я.

– Конечно, – ответила Нелли Петровна, – это же обычный пузырелет.

Я дотронулась до прозрачной стенки и поняла, что это – очень прочный материал. Я даже покарябала его немного ногтем, но следов не осталось. Тут экскурсовод нажала на еще одну кнопку, и из пола пузырярелета вылезли прозрачные кресла. Нелли Петровна пригласила всех сесть.

Как я поняла, шофера нам не полагалось. Управление летательным аппаратом осуществляла экскурсовод при помощи своего небольшого пульта. Не успела я испугаться, как аппарат взмыл в воздух. Я вцепилась в ручки кресла, но вроде бы пузырярелет надежно держался в небе.

Внизу проносились леса, реки и поля. Городов было не так много, но с высоты они казались очень красивыми. Полет продолжался около часа. Я только привыкла к этому аппарату, как он стал спускаться вниз.

– Уважаемые экскурсанты, мы с вами прибыли в город любви и моды Париж. В то же время это – старинный город с интересной историей. Сейчас мы пролетаем над Марсовым полем. Стоящий здесь дворец Людовика XIV разрушен во время войны, и сейчас вы видите перед собой современный спортивный центр, – рассказывала Нелли Петровна.

– Постойте, – удивилась я, – а где же Эйфелева башня?

– Девушка, все знают, что Эйфелева башня находится в Лондоне, где она была построена ко Всемирной выставке 1889 года.

– Как же так? – воскликнула Виолетта.

– Женщины, не отвлекайте меня, – раздраженно ответила

экскурсовод. Сейчас мы спустимся к улице Гренель и повернем к собору Парижской Богоматери.

Пузырелет сильно замедлил ход и позволял осматривать архитектуру Парижа. Я знала, что на этой улице расположен знаменитый Дом инвалидов, построенный по указанию самого Наполеона. Но как ни странно, я его не увидела.

– Простите, а Дом инвалидов здесь находится? – осторожно, чтобы экскурсовод не обиделась, спросила я.

– Дома престарелых и инвалидов расположены в предместьях. Там чище воздух и приятнее гулять, – ответила наша начальница.

– А тот, который Наполеон построил? – спросила я.

– А кто такой Наполеон? – осведомилась экскурсовод.

– Ну как же, – поддержала меня Пятакова, – я читала, что в Париже вся история связана с Наполеоном.

– Не путайте меня, – снова рассердилась Нелли Петровна, – в Париже вся история связана с Королем Солнце, Людовиком XIV. Мы подъезжаем к собору Парижской Богоматери. Это католический храм, построенный на месте первой парижской христианской церкви – базилики Святого Стефана. Возведение собора заняло двести лет – с двенадцатого по четырнадцатый века.

Экскурсовод подробно рассказывала про храм, но меня так заинтересовало отсутствие в истории французского народа Наполеона, что я пропустила половину информации мимо ушей.

Я оглянулась на Виолетту. Она единственная меня поддержала. Мужчины сонно хлопали глазами. Они явно не слушали проникновенные речи экскурсовода. Но и Виолетта отвлеклась. Она с интересом разглядывала одноклассников, словно что-то замышляла.

Тут наш пузырьлет подлетел к Лувру. Хорошо, что его не Наполеон построил, а то бы я и Моны Лизы не увидела. Пузырелет сел, и мы вышли наружу. У входа была длинная очередь, но наша Нелли Петровна ухитрилась провести нас, минуя ее. По залам мы пробежались быстро. Собственно, я и так знала, что Лувр – это бывший королевский дворец. Все мы читали «Трех мушкетеров» Александра Дюма, где все в подробностях описано.

Одним глазом я увидела Венеру Милосскую и Нику Самофракийскую. А вот картины «Коронация Наполеона I» естественно, не увидела. Около Моны Лизы стояла толпа японцев. Они подпрыгивали и старались во время полета сфотографировать знаменитую картину Леонардо да Винчи на мобильники. Этого я не могла понять. Фотографиями Джоконды Интернет полон, и они явно лучшего качества, чем фото на мобильном телефоне.

Устав от лицезрения шедевров, мы, выйдя из Лувра, побрели в сад Тюильри. На улице было довольно жарко, а в саду не так много тени. Он, в основном, состоял из аккуратно постриженных газонов и огромных цветущих клумб. Но мы нашли несколько деревьев и сели в тенечке прямо на траву.

Я оказалась в компании Пятаковой, Гольдмана, Бархатова и Протасова. Рядом пристроился и наш рыжий пилот Антон. Он еще в автобусе в разговоре с Пятаковой обмолвился, что хочет поехать с нами на экскурсию в Париж, о чем он давно мечтал, но то денег нет, то времени. Его напарник Иван милостиво его отпустил с нами. Нелли Петровна тоже примостилась неподалеку.

Я же оглядывалась, пытаюсь понять, где расположился Юра Толстоухов. Оказалось, он вместе с Маевским и Вовкой Корсаровым стоял около другого дерева и, судя по всему, они ругались из-за политики. Обсуждали какое-то постановление правительства. Кто-то был за, а кто-то против.

Я думала, изменился Юрка с времен нашей совместной учебы или нет. Вроде он перестал быть таким застенчивым, но в нем появился какой-то надрыв.

– Мальчики, какая благодать, – с лисьей хитринкой проговорила Пятакова, – мы находимся в городе любви.

– Ты намекаешь на то, что тут борделей много? – спросил Гольдман.

– Ах, какая пошлость, – скривилась Летка, – я о романтике. Сеня, ты бы хотел обнять любимую и прыгнуть вниз с собора Парижской Богоматери?

– Что я, идиот? – изумился Протасов.

– А я бы не отказалась на Монмартр съездить. Нелли Петровна, мы поедем на Монмартр? – продолжала Пятакова.

Экскурсоводша, которая что-то рассказывала Бархатову,

замолкла на полуслове и посмотрела на Виолетту.

– Да, конечно, – ответила она.

– Я слышала, там жили, любили, страдали множество знаменитостей, – протянула Летка.

– Монмартр – самая высокая часть Парижа, – сказала Нелли Петровна, – в том же районе находится и знаменитое кафе-кабаре Мулен Руж. С этим холмом связаны такие имена, как Писсаро, Ван Гог, Жан Маре, Далида. Имре Кальман написал оперетту «Фиалки Монмартра».

– Ах, как это романтично! – воскликнула Пятакова, – Марик, ты хочешь посетить Мулен Руж?

– Если это запланировано в нашем туре, – буднично произнес Бархатов.

– А давайте сделаем что-то незапланированное, безрасудное, – не унималась Пятакова, – пойдемте сегодня ночью купаться. Марик, ты пойдешь?

– Нет, я ночью люблю отдыхать, – сказал неромантичный Бархатов.

– А ты, Сеня, – спросила Летка Протасова, – и ты, Жорик?

– Извини, Лета, у меня поздно вечером разговор с женой, – ответил Протасов.

– А я пойду, если Лера пойдет, – сказал Гольдман.

– Нет, Жорик, я ночью не купаюсь, – сообщила я.

– Антоша, может быть, ты пойдешь ночью на море? – спросила Пятакова, и я поняла, что именно для этого она и завела разговор про морские купания.

– Я могу, почему бы нет, – согласился наш пилот. И Виолетта наконец замолчала.

Немного отдохнув, мы продолжили прогулку по Парижу. Пузырелет полетел в направлении Вандомской площади. Как и следовало ожидать, на месте Вандомской колонны стоял памятник Людовику XIV. На холме Шайо не оказалось Триумфальной арки, а площадь Оперы называлась по-другому, и самого здания Оперы на ней не было. Поэтому я немного расстроилась, что не смогла увидеть все достопримечательности Парижа. В своем мире я туда не ездила по финансовым причинам.

На обратном пути я пыталась сесть вместе с Юркой. Я запомнила, в каком кресле он сидел раньше, и заняла соседнее. Но Толстоухов устроился в другом ряду. Это меня жутко обидело. Я начала думать, по какой причине он не хочет со мной общаться, и настроение вконец испортилось.

Прилетели мы, когда еще было светло. Собственно, на этой стороне планеты тьмы вообще не бывает. Мы поужинали в столовой в автобусе, а потом я все же решила пойти на море, но не говорить об этом Гольдману. Дело в том, что я не собиралась купаться ночью. Хотелось просто посидеть на берегу, посмотреть на море и подумать о жизни в одиночестве.

Чего я добиваюсь? Наша совместная учеба закончилась двадцать лет назад. Юрка давно мог забыть меня. Он мог десять раз жениться и родить кучу детей. Хотя нет. Для кучи нужно особое разрешение, но один – два ребенка у него мо-

гут и быть. Я для него – чужой человек. Это он для меня много значил. Оба моих романа закончились ничем, потому что я всех сравнивала с Юркой. При этой мысли я чуть не заревела, но меня остановило чужое присутствие. Чтобы заплакать в одиночестве, я и пошла на пляж. Черный вулканический песок делал окружающую картину нереальной.

Я сидела за большим валуном, и меня не было видно с тропинки, а по ней как раз спускались Пятакова с Антоном. Пилот ласково обнимал Летку за талию.

– Тошенька, ты такой сильный, – ворковала Виолетта.

– Да, со мной женщина может ничего не бояться! – самодовольно подтвердил Антон.

– У тебя такие мускулы, – продолжала петь дифирамбы Пятакова, – ты, наверно, как сожмешь в объятиях, то сердце зайдет.

– Хочешь попробовать? – спросил пилот, и не дожидаясь ответа, повернул Летку к себе лицом и впился в ее губы.

Смотреть на это мне было почему-то немного противно. Возможно, я хорошо относилась к Вовке Корсарову, и мне не хотелось, чтобы его обманывали. И в этом было все дело. Встать и уйти я не могла – парочка сразу поняла бы, что за ними подсматривают. Поэтому я затихла и старалась дышать через раз.

Вдруг Летка вырвалась из объятий Антона и побежала вдоль берега. Он кинулся за ней вдогонку. Немного пробежав, Пятакова остановилась, ойкнула и села на гальку.

– Ты что, – спросил пилот, – ногу подвернула?

– Нет. Антоша, смотри какие камушки красивые! – воскликнула Летка.

Камни на берегу были и вправду очень красивые – разноцветные и блестящие. Антон стал собирать их, сняв майку и сделав на ней узел. Получился своеобразный мешок, куда он складывал добычу. Я видела все это уже издалека, но акустика была настолько хороша, что разговор я слышала прекрасно.

– Тошенька, ты сделаешь мне из них бусы? – просительно заголосила Пятакова.

– Сделаю, когда вернемся в свой мир, – пообещал ей Антон, – тут у меня нужных инструментов нет.

– Тогда давай возьмем их с собой в автобус, – попросила Летка.

– Ладно, хоть и не положено нам что-то из чужих миров брать. Вернее, сувениры из магазинов провозить можно, а вот предметы живой природы нельзя, – с сомнением произнес Антон.

– Ну Тошенька, ты же такой хороший, – заскулила Пятакова.

– Я же сказал, что сделаю тебе бусы, – ответил Антон.

Купаться они, видимо, передумали. Пятакова хотела побыстрее донести камни до автобуса и спрятать там, пока никто не увидел. Вечером, когда все устали после экскурсии и пошли спать, сделать это было проще всего.

Я подождала, пока Пятакова с Антоном уйдут, и медленно побрела к автобусу. Думать о Юрке было бессмысленно, и я решила просто получать удовольствие от интересного отпуска.

Рыбаков

Смотреть Париж я не полетел. В конце концов, я сюда не отдыхать приехал. Пришлось сказать, что от непривычной пищи у меня расстроился живот. Все уехали, и я получил некоторую свободу передвижения. Жаль только, в рубке торчал Иван.

Мне надо было проверить автобус, выяснить, нет ли у кого-нибудь из моих одноклассников или у персонала оружия, средств спецсвязи или других вещей, выдающих в них работников секретной службы. Или преступников. Поэтому следовало осмотреть все каюты.

Начал я с Корсаровых. Они вызывали наименьшие подозрения. Конечно, глупость Виолетты могла быть прикрытием, но я знал ее со школы, так что не сомневался, что она и в самом деле умом не блещет.

Я, кажется, уже упоминал, что перед началом экскурсии получил полную информацию о каждом из одноклассников. Вовка стал известным продюсером и режиссером, добившись всего своим трудом. Я читал информацию о нем и даже немного завидовал. Начинал он с малого.

До сих пор помню, как в школьном спектакле он играл Карабаса-Барабаса. Он тогда был тощий и невысокого роста, но поражал такой грозной силой, что даже Буратино, на голову выше, терялся на его фоне. Тогда-то его и заметил

отец Игната Кольцова из параллельного класса.

Старший Кольцов работал режиссером на телевидении, известным так и не стал, но имел некоторые знакомства. С этого у Вовки и началось.

После института он снимал короткометражки, а потом начал приглашать ребят с улицы и из кружков художественной самодеятельности. У него обнаружился прямо нюх на таланты. Все его непрофессиональные артисты со временем вышли на большой экран.

Уже получив признание, Вовка продолжал мотаться по городам и весям в поисках неизвестных талантов. В его фильмах появлялись новые лица, а это всегда приятно – смотреть на героя, а не видеть одних и тех же артистов во всех картинах. Так что свою славу и деньги Корсаров заслужил, вот только с Виолеттой ему не повезло...

К двери Корсаровых подошел универсальный ключ, полученный мной еще дома. Сдвоенная каюта представляла собой комнату площадью метров тридцать, перегороденную раздвижной стеной. Это позволяло гостям обеспечить себе уединение, если вдруг возникнет такая потребность. Вспомнив, как Леточка общалась с мужем, я решил, что Вовке стенка не поможет. Наша красавица всегда отличалась завидной настойчивостью, можно даже сказать, упертостью, и спастись от нее было делом непростым.

Не знаю, как «Зори Земли» планировали организовать обслуживание клиентов. Горничные в автобусе не запланиро-

ваны, а ждать, что богатеи сами будут поддерживать порядок в каютах, я бы не стал. У Корсаровых так и оказалось. Большая кровать в правой половине комнаты застелена не была. Из-под нее торчал огромный чемодан, застегнутый лишь до половины. Я выдвинул его и быстро просмотрел содержимое.

Очевидно, он принадлежал Леточке. Плотно утрамбованные платья и костюмы следовало бы развесить в шкафу, но руки у нее до этого не дошли. Ничего подозрительного в чемодане не оказалось, однако меня насторожило отсутствие драгоценностей. Сразу пришла мысль, что в каюте должен быть сейф.

В левой половине помещения также стояла двуспальная кровать, которой, похоже, еще не пользовались. Вообще, в этой половине порядка было больше. Вовкин чемодан оказался в шкафу. Его я тоже проверил, и тоже безрезультатно. Одежду он развесил, а из личных вещей обнаружился только начатый сценарий, который он почему-то писал от руки.

Поскольку отделка половин сдвоенной каюты различалась, я начал искать сейф в той, что выглядела более строгой, без рюшечек на покрывале и эротических картин в плафонах потолка. Сейф нашелся легко, его скрывала портьера, драпирующая ту стену, где в настоящей комнате было бы окно.

Открыть железный шкафчик было делом двух минут. И потом вряд ли кто заметит, что его открывали без ключа. Но внутри обнаружили лишь карточки и немного налич-

ности в разных валютах – тех миров, что мы собирались посетить. Все это меня не интересовало. Закрыв сейф, я перешел в другую половину каюты.

Леточкин сейф я вскрыл просто для очистки совести. В нем лежали ее драгоценности, среди которых было несколько по-настоящему ценных, и какая-то косметика. Возможно, составы были дорогие, из других миров, поэтому наша модница и хранила их с такими предосторожностями.

Я закрыл и этот сейф, проверил, не оставил ли каких следов в Леточкином беспорядке, и тихо покинул супружеские покои. В коридоре никого не было, видно, Иван дремал в рубке в ожидании экскурсантов.

Следующая каюта принадлежала Лере. Ее я осмотрел тоже очень внимательно, хоть эта милая тихоня и не похожа на секретного агента. Сейф в ее каюте стоял нараспашку, а вещи, развешанные в шкафу, подтвердили мою догадку, что билет она оплатила не сама. Уж больно все было скромненькое и недорогое. Это должно было бы насторожить, но я не верил, что Новицкая способна причинить кому-то зло, так что на секретного агента она не тянула.

Пользуясь отсутствием Антона, нашего первого пилота, я посетил и его каюту. Она, очевидно, была его постоянным жилищем. Здесь многое выглядело не как на прогулочном судне, а как дома. У него был свой чайник, стояли какие-то кубки, видимо, выигранные в спортивных соревнованиях. Аккуратно застеленная кровать и шкаф с вещами первой

необходимости меня не заинтересовали. А сейф раскрыл новую сторону его жизни. Там лежали дорогие вещицы совершенно разного рода. Я так понял, что это подарки от женщин. Наш красавчик, похоже, пользовался успехом у молодых экскурсанток. Но ничего криминального не было и у него.

Решив рискнуть, я направился к каюте Ивана. Он не должен был меня обнаружить, если бы только не решил покинуть пост. Но выбирать мне не приходилось – когда еще в автобусе будет так пусто и свободно!

Мой универсальный ключ его каюту не открыл. Это настораживало. Значит, кто-то озаботился установить ему надежный замок. Зачем? На этот случай у меня имелись разные приспособления, применяющиеся в преступном мире. Но ни отмычки, ни другие специальные средства замок открыть не помогли. Пришлось отложить осмотр каюты нашего сопровождающего на другой раз. Будет ли он? В любом случае, Иван оказался под подозрением. Придется присмотреться к нему повнимательнее.

Очень интересовал меня Гольдман. Леточка проболталась, что инициатива нашей встречи исходила от него. Зачем ему это понадобилось? Его каюта, без сомнения, была лучшей. Никакой лепнины и позолоты, зато везде натуральное дерево. Строгий и удобный шкаф, в комплект к нему стол и отличное кресло. Кровать с упругим высоким матрасом застелена идеально чистым бельем. Бар с дверцей из хрусталь-

ного стекла, за которой просматривались напитки не только из разных стран, но и из разных параллельных миров.

Костюмы в идеальном порядке и на все случаи жизни. В сейфе, который, впрочем, открывался так же, как и в других каютах, личные документы, приличная сумма денег в разных валютах и договор на оказание экскурсионных услуг. Вот эта находка заинтересовала меня больше всего. Г-н Гольдман оплатил фирме «Зори Земли» поездку на десять человек, перечислив личные средства на счет в банке «Надежность», который этому самому Гольдману и принадлежит. Точнее, его отцу. Выходит, популярная туристическая фирма держит свои средства в Жоркином банке! Вот и нашелся первый союзник в нелегком деле нейтрализации Еремея Двадцать пятого. Если благосостояние Гольдмана зависит от «Зорь Земли», то вряд ли он будет рад гибели фирмы и ее бизнеса. Значит, когда будем на третьей параллели, можно ожидать помощи и содействия. Пока это был единственный результат обыска, но результат обнадеживающий.

Надеюсь, ни Элли, ни Данька никогда не узнают, чем мне приходится заниматься. Конечно, это не первый обыск в моей жизни, и все же... Рыться в вещах своих одноклассников, которые к тому же так мне обрадовались, было особенно неприятно. Но СОР – не место для сентиментальных и впечатлительных.

В каютах Кочеткова и Протасова ничего интересного не обнаружилось. Обычный набор вещей, характерный для пу-

тешественника. Меня это порадовало: видеть Кочеткова своим соратником я бы не хотел. Здесь он представился сценаристом и липнет к Корсаровым. Не могу открыть Вовке глаза, я ведь не должен ничего знать. Но уверен, многие после этой экскурсии будут долго отмываться от грязи.

У Толстоухова каюта оказалась полна медицинских инструментов и лекарств. Причем он, похоже, не получил их для работы у нанимателя, а притащил свои из дома и из больницы, поскольку все они были приобретены в разных аптеках и в разное время. Я и раньше был уверен, что Юрка здесь по долгу службы, а сейчас получил этому доказательства. Не такой он человек, чтобы за бешеные деньги покупать путевку. Вся его жизнь – в медицине, и он нашел бы деньгам более достойное применение. Встает вопрос: кто его нанял? Но всему свое время, выяснится и это.

У Марсея в каюте страшно воняло растворителями. На кровати лежали наброски разной степени завершенности. Пол он заляпал краской, да и на мебели встречались пятна. Вещи висели в шкафу, но он их оттуда не доставал. Все время ходил в одном и том же, дополняя гардероб тем, что выдавали в автобусе. Он хороший художник. Я не специалист в живописи, но на его картинах все живое. Вода плещется, лес шелестит. Не знаю, как ему это удастся. Я рисовать не могу совсем. Мое наивысшее достижение – заяц в альбоме за первый класс. Я тихо закрыл его дверь и проверил, не вляпался ли в краску. Такой человек, как Маевский, не будет строить

козни, что-то скрывать, просто не способен на это.

Напоследок мне осталась каюта Бархатова. Я хотел осмотреть ее без спешки, поскольку Макар всегда казался мне скользким типом. Еще в школе он слыл ловчилой и дельцом. Для адвоката идеальная репутация. Правда, я никогда не слышал о его громких делах, выступлениях в суде. Видимо, он специализировался на чем-то другом.

Порядку в его каюте могла бы позавидовать профессиональная горничная. Идеально застеленная кровать, вещи в шкафу развешаны по сезонам и назначению, обувь внизу – под соответствующими костюмами и тоже в образцовом порядке. На столе книга, очки – вот номер! Ручка, стопка бумаги – все выровнено, как по линейке. В ящиках стола пустота, если не считать запечатанной пачки визитных карточек. Я вскрыл ее – очень осторожно, чтобы можно было потом запечатать назад. На сером фоне черными буквами было оттиснуто: «Бархатов Макар Андреевич, юрисконсульт фирмы «Товары из Зазеркалья». Вот так! Значит, и Макар – зажиточный человек. Да иначе он и не оказался бы в автобусе. Значит, должен быть лоялен властям, при случае может оказать помощь. Иметь такого хитрого и проницательного союзника неплохо, вот только доверять ему не стоит.

Самая опасная часть работы завершилась. Я быстро пробежал по столовой и салону. Здесь меня интересовали видеокамеры и подслушивающие устройства. Конечно, современные средства слежения визуально не обнаружить, но ме-

ня хорошо экипировали в эту поездку.

Видеонаблюдение велось только за входом. Это и понятно, личные дела клиентов фирму не интересовали. Я для порядка обследовал еще коридор и со спокойной совестью отправился к себе. Конечно, в хозблоке тоже могли быть опасные предметы, но я там не бывал и быть не планировал, так что для моей миссии они интереса не представляли.

Лопатин

Ночь я спал плохо, видно, выдряхся днем. Хорошо было бы выйти погулять, но вернулись все наши подопечные, так что я решил остаться на борту и не терять бдительности.

Звукоизоляция в нашем автобусе на высоте. Никаких перешептываний и даже громких разборок за пределами каюты не слышно. Однако шаги в коридоре вполне можно разобрать.

Не то, чтобы я прислушивался. Просто не спалось. Вспоминалась Гея. Как раз перед отпуском, если можно его так назвать, я познакомился с Таей. Тая... Какое имя! Кусочек тайны, еще не раскрытой, но манящей. Если бы не Архипыч, лежал бы я сейчас на песочке пусть и у искусственного моря, зато с настоящей девушкой. Будет ли она когда-нибудь смотреть на меня так, как Лера на своего доктора?

Хотелось бы знать, что вообще женщины ищут в мужчинах? Вид у этого Толстоухова недокормленный, вечно он угрюмый, и надо же – такая женщина!

Но это все лирические отступления. Было, наверное, три часа ночи. Точно не скажу, на часы не глядел, но определенно позже двух. В дверь ко мне постучали. Я вскочил и открыл.

На пороге стоял Антон. Вид у него был нелепый и растерянный. В свитере, но при этом в трусах и босиком, первый

пилот смотрел на меня с надеждой и молча протягивал какую-то безделушку.

Я ничего не понял, но машинально взял то, что он принес. Это оказался круглый, зализанный волнами камушек со слабым собственным свечением.

– Это что? – спросил я.

Антон посмотрел на меня безумными глазами.

– Они ушли.

– Кто они? – не понял я.

Антон тупо смотрел на камень и не отвечал. Ох уж, эти юные герои! Пришлось втащить его в каюту, дать хлебнуть из аварийной фляжки и гавкнуть как следует.

– Говори!

Потрясенный парень рассказал, что они с липнувшей к нему богатой пассажиркой насобирали на пляже красивых камушков, и он обещал даме сделать из них ожерелье. А ночью он вдруг проснулся от странного шуршания и увидел один из камней у себя на кровати.

Вся добыча, увязанная в майку, валялась возле двери в санузел. Антон бросился туда и обнаружил, что камней нет. Остался только тот, что залез к нему на постель.

Я оставил парня в своей каюте и выскочил наружу. До подъема было еще далеко, но темноты не было. Позади нас, над городом, мерцало розовое зарево. Оно отражалось в воде и делало песок на пляже не таким черным.

Пляж являл глазам поразительную картину! На темной

песчаной подстилке лежали камни, подобные тем, что поймал Антон. Они мягко светились в полумраке, каждый своим цветом. Иногда какой-нибудь из них начинал медленно меняться, радужные волны проходили в глубине, и вот уже синее сияние сменялось розовым, фиолетовое зеленым. Эта завораживающая картина сама по себе вызывала оторопь, но только ей дело не заканчивалось.

Над морем собирался дождь. Огромные лохматые тучи лиловыми клубами завивались в небе, напоздали на наш берег. Вот первые капли выбили из затихшего моря фонтанчики брызг, порыв ветра принес запахи дождя и свежести. Камни будто только того и ждали, их свечение стало более интенсивным. Наконец струи воды достигли береговой линии, пролились на россыпь сияющих огней на песке. Будто бесшумный фейерверк пронесся над пляжем! Камни разбухли, в их прозрачной глубине что-то взрывалось, ослепляя буйством красок. Такой сказочной картины я не видел ни на одной планете!

Я огляделся по сторонам. Вдали, слева от автобуса, там, где пляж становился круче и закрывал море от городских огней, стоял человек. Он, как и я, любовался фантастическим пейзажем.

Местный житель был бы сейчас очень кстати. Я быстро пошел к нему, опасаясь, что он уйдет. Но человек и не думал трогаться с места. Высокий худощавый мужчина обернулся ко мне и улыбнулся.

– Не спится? – спросил он.

Я показал ему на светящиеся камни.

– Не подскажите, что это такое? Я здесь с экскурсией, в жизни не видел такой красоты.

– Это светляки. Я часто прихожу сюда в дождь полюбоваться на них. Здесь уединенно, да и в дождь мало желающих гулять по берегу, – ответил незнакомец.

Видимо, я смотрел на него как-то не так, потому что он продолжил:

– Вообще-то это камни. Минеральная форма жизни. Любят воду, но в море не лезут. Когда я был мальчишкой, мы бросали их в море и смотрели, как они разбухают и не могут вылезти на берег. Вода нужна им в период размножения.

– Размножаются? Каким образом? – насторожился я.

– Они впитывают воду, причем очень избирательно. Чаще дождевую. Кстати, обычно они практически неподвижны. В путь пускаются, когда собираются оставить потомство. Что происходит дальше, никто не видел. Но через некоторое время в песке появляются крошечные яркие бусинки. Бывает это раз в несколько лет, от чего зависит – не знаю. Да и какая разница? Ведь это рождение самой красоты!

Для моего собеседника разницы, действительно, не было, а вот для меня – очень даже большая. Раз камни разбрелись, стало быть, надумали почковаться. Да еще вода им нужна! А человек, как известно, на две трети состоит из воды, и еще неизвестно, не понадобится ли эта вода будущим родителям.

Стало ясно, что без дезинфекции не обойтись. Я вернулся в автобус. За это время Антон несколько пришел в себя. Он надел штаны, да и глаза уже не казались такими безумными. Однако утешить его мне было нечем.

– Придется докладывать по начальству, – строго сказал я, чтобы сразу пресечь всякие возражения.

– А может не надо, а? – заныл Антон. – Переловим их быстренько, и дело с концом.

– Переловим. Обязательно. Сколько их было? – спросил я, заранее зная ответ.

– Кто их знает... Я не считал, – Антон уже и сам понял, что влип.

Докладывать мы решили из рубки, прямо сразу, не дожидаясь утра. Заспанный голос дежурного резко переменился, как только он узнал, в чем дело.

Вообще-то это вина «Зорь Земли». Если отправляешь людей в чужое место, надо проводить инструктаж, точно определять, что там можно делать, что нельзя. А они даже собственного первого пилоте не подготовили. Откуда ему было знать, что эти камни живые?

Через пять минут выяснилось, что минеральная форма жизни охраняется законом, вывоз экземпляров запрещен. Тут уж дежурный разбудил начальство, нам приказали быстро и тихо обыскать весь автобус и собрать возможно большее количество светляков. Камни мы должны были высыпать на берегу, а в автобусе «Зори» решили-таки провести дезин-

фекцию. Все равно не выяснишь, не остался ли какой-нибудь местный красавец в укромном уголке.

А чтобы заткнуть рты экскурсантам, их в полном составе решили отправить на зимнюю сторону планеты, любоваться цветными льдами и северным сиянием. Так что, можно сказать, им даже повезло.

Виолетта

Меня все считают душой, ну и на здоровье. Я-то знаю, что это не так. Я с самого начала определилась, чего хочу от жизни. Даже когда после одиннадцатого класса вышла замуж за Вовку, понимала, что у него большое будущее. Он парень талантливый и рано или поздно пробьется. Так и вышло.

А все наши «умненькие» остались при своих. Кто-то вышел замуж за однокурсника, и теперь крутится на две зарплаты. Другие все еще в поиске. Женька Петракова вышла замуж за технаря, получила разрешение и родила аж двоих. Дальше родного города нигде не была и теперь, похоже, уже не будет.

Что-то меня на философию потянуло. Такая рань, а все разбрелись по каютам. Я прошла в концертный зал, служивший нам гостиной, пока не намечались какие-нибудь мероприятия. Я надеялась, что кого-нибудь тут увижу и мне удастся поболтать, но там никого не было. Антон вместо того, чтобы сидеть рядом и говорить мне комплименты, завалился спать. Но я не обиделась. Подумаешь! Он же просто мальчишка и нужен только для поддержания тонуса.

В зале поставили удобные кресла и торшеры. Около кресел расположили низкие журнальные столики. На них можно книжку положить или чашку с кофе поставить. Был тут и один стол побольше для карт или других настольных игр.

Так вот, когда я вышла замуж за Вовку, он только поступил в театральный институт на режиссерское отделение. Я думала, что он станет ходить на кастинги, сведет знакомство со знаменитыми актерами и меня с ними познакомит. Но ничего этого не случилось. На кастинги ходила я и иногда получала эпизодическую роль в сериалах.

Я терпеливо ждала. Понятно, что муж режиссер станет снимать в своих фильмах жену. Но после окончания института Вовка поступил на работу в одну из телестудий, и там ему поручали снимать ничем не примечательные телефильмы – однодневки, которые выпускали на экран только один раз и потом про них забывали. Естественно, я мечтала не о таком фуфле. Вовка давал мне роли в своих телефильмах, но их никто из серьезных людей не смотрел.

Денег нам вечно не хватало. Я пыталась внушить мужу, что настоящая актриса должна ходить в брендовой одежде, носить бриллианты и ездить в кабриолете, а он лишь смеялся.

Помню, лет десять назад я случайно повстречалась на одной премьере с Макаром Бархатовым. Он очень мне обрадовался и даже пригласил к себе домой на день рождения. Я обычно не отказываюсь от таких предложений. Никогда не знаешь, кого встретишь в компании и как это повлияет на твою судьбу. Что я замужем, я, естественно, его не предупредила.

Я думала, что на его дне рождения будет много друзей,

но оказалось, что этот праздник он отмечает в кругу семьи. Тогда он еще не был женат и жил с родителями.

Его мать Раиса Матвеевна работала помощником нотариуса, а отец Григорий Федорович оказался ювелиром. Он служил в какой-то артели, где ювелирные украшения делали своими руками в единственном экземпляре. Естественно, на матери Макара я увидела необыкновенной красоты серьги и брошь. Сама она красотой не отличалась, но одета и экипирована была блестяще. Бархатов мне потом объяснил, что камни в ее вещах полудрагоценные, но они все равно стоят дорого, поскольку это ручная работа.

Тут я задумалась, а не бросить ли мне Вовку. Когда он еще начнет зарабатывать столько денег, чтобы покупать мне такие вещи? Но не такая я дура. Сначала нужно создать себе запасной аэродром.

Вечером я думала, на ком мне остановиться? На Макаре или на его отце? Макар в то время учился в юридическом, где работал его дядя Родион Матвеевич. Получал повышенную стипендию. Но его денег не хватит даже на то, чтобы в ресторане хорошем посидеть. Григорий Федорович выглядел в этом отношении более привлекательно. Правда, он женат, но жена у него старше меня на двадцать лет. Кого он предпочтет, понятно без долгих рассуждений.

Бархатов старший выглядел для своих лет прилично. Волосы, правда, слегка поредели, и седина немного пробивалась, но фигура неплохая. Видно, он регулярно посещал

фитнес-центр. Ходил он одетым по-простому – в джинсах и клетчатой рубашке. Но это неважно. Если я выйду за него замуж, то прослежу, чтобы он одевался более солидно. Так я тогда думала.

Методику соблазнения я выбрала свою обычную – для начала задавала ему вопросы про его работу и слушала с открытым ртом, как будто все это мне страшно интересно. Затем поговорили о театре и живописи. Как ни странно, Бархатов старший оказался любителем искусства. Я ему поддакивала и приговаривала, какой он умный. В какой-то момент Григорий не выдержал и сказал:

– Леточка, вы лучше с Макашкой поговорите. Он в живописи лучше меня разбирается.

– Мне никогда не нравились ровесники, – соврала я, – зрелые люди намного интереснее. У них жизненный опыт...

– Зато Макар свободен, а я уже занят, – улыбнулся Григорий.

– Григорий Федорович, пойдете танцевать, – не слушая его, предложила я.

– Да я уже разучился, – стал отбрыкиваться он, – и танцев современных не знаю.

– А я несовременная, – возразила я, – люблю вальс.

Ему ничего не оставалось делать, как включить музыкальный центр, завести допотопный вальс и пригласить меня на танец. Тут я не растерялась, стала к нему прижиматься и голову ему на плечо положила. Вдруг он резко остановился и

сказал:

– Макарушка, потанцуй с гостьей, а то у меня живот прихватило. И газы распирают.

Такой откровенности я удивилась, но тут Макар подошел и стал со мной танцевать.

– Ты к моему старику зря клеишься, – сказал он, – он мать любит. А к девицам, которые на него из-за денег вешаются, у него свой подход. Сейчас придет и будет тебе подробно рассказывать, как ему в поликлинике клизму ставили. Редко кто это выдерживает.

– Да ни к кому я не клеюсь, – разуверила я его, – просто у красивых девушек инстинкт. Они хотят нравиться всем присутствующим мужчинам. И потом деньги мне ни к чему. У меня муж – успешный кинорежиссер.

– Так ты замужем? – удивился Бархатов младший, – что ж не сказала? А за кем?

– За Вовкой Корсаровым, – ответила я.

– А я и не знал, а то бы и его пригласил, – сказал Макар, – мы так давно не виделись. А когда встретились с тобой, я почувствовал, что мы как родные. И Вовку я бы с удовольствием повидал.

Такого я уже точно выдержать не могла! Оказывается, он ко мне родственные чувства питает! Ну и фиг с ним! Не очень-то он и нужен. Толку от него мало. Мой Вовка гораздо перспективнее. Только надо еще немного подождать. Лишь бы Корсаров не затягивал с успехом, а то годы идут, и мы не

молодеем. Кому в кино старушка нужна?

Но потом он стал успешным, а меня, как оказалось, на главные роли так и не приглашает. Говорит, неудобно ему – скажут, что, мол, жену по блату снимает.

И что это меня на воспоминания потянуло? Вообще-то я этого не люблю. Что старое вспоминать? Вперед надо глядеть. Не в одном кино счастье.

С этими мыслями я поднялась и пошла в свою семейную каюту. Вовка, наверно, уже дрыхнет. И мне пора на боковую.

В коридоре бегали какие-то люди. Я увидела растрепанную и раскрасневшуюся Нелли Петровну.

– Что случилось? – крикнула я ей, но она только рукой махнула.

Пробегавший мимо Лопатин сказал, чтобы я шла обратно в концертный зал, сейчас будет инструктаж. Надо собирать камни, которые принесли мы с Антоном. Интересно, что они так переполошились? Куда они денутся, камни эти?

Георгий

После идиотского поступка Пятаковой и пилота в автобусе пришлось делать дезинфекцию. Это не входило в нашу программу, но деваться нам было некуда. И тут фирма постаралась – нам предложили на время санитарной обработки автобуса экскурсию на зимнюю сторону планеты.

Наверно, эту красоту лучше всего описал бы Марсель. Он, кстати, и не знает, что стал отличным художником благодаря мне. Но сейчас не об этом.

Летели мы довольно долго. Внизу в основном разливался бесконечными водами океан. Маршрут пузырьрелета проходил вдали от материков. Еще до пересечения линии, где вечное лето менялось вечной зимой, я спросил у экскурсовода, не замерзнем ли мы без зимней одежды, ведь синтезатор шуб остался в автобусе.

– Не волнуйтесь, – ответила Нелли Петровна, – в пузырьрелете тоже есть синтезатор. А пока что его стенки защитят вас от мороза. Пузырелет – это однонаправленный термос. Он не пропустит внутрь мороз или жару, но свежий воздух с моря тут свободно циркулирует.

Я успокоился и посмотрел вниз. Это оказалось весьма своевременно. Я увидел первый привет с зимней стороны – по свинцовому морю плыла белоснежная гора.

– Ой, смотрите, айсберг! – крикнула Виолетта.

Постепенно небо темнело. В пузырелете зажглись неяркие огоньки, которые не мешали нам видеть звездное небо. Такой красоты в столице я не видел.

– Над нами Южный крест, – сообщила экскурсовод.

Вдруг посреди темного неба брызнули всполохи разноцветного яркого света.

– Полярное сияние! – ахнула Лера, – а мы тут сядем?

– Да, – ответила Нелли Петровна, – сейчас я раздам вам теплую одежду и обувь, и можно будет выйти на материк. Далеко от пузырелета не отходите. Сейчас ясно, но если начнется метель, мы не найдем друг друга, стоя на расстоянии вытянутой руки от своего товарища. К тому же, на поверхности имеются трещины, заполненные раскрошенным льдом или снегом. Чтобы посещающие материк люди не провалились, вокруг пешеходных троп поставлены флажки, которых также не видно во время метели.

– И мы так и будем толкаться возле пузырелета? – недовольно спросил Кочетков.

– Поскольку погода позволяет, мы немного прогуляемся, – смилостивилась Нелли Петровна, – но пойдем как в детском саду. Я возьму длинный канат и закреплю один его конец в пузырелете. Вы все возьметесь рукой за канат и будете идти след в след, пока позволит длина веревки.

– Ой, какая красота, – опять воскликнула Пятакова, – что это?

Действительно, было на что посмотреть. В свете полярно-

го сияния на небе появились перламутровые облака.

– Эти облака находятся на высоте двадцать пять километров от уровня моря, – сказала Нелли Петровна, – их появление говорит о том, что температура воздуха упала ниже минус семидесяти градусов. Сейчас я выдам вам нужную одежду и подшлемники, которые укроют от мороза ваши лица. А вместо перчаток вы наденете меховые варежки.

Нам выдали одежду эскимосов. Она состояла из двух меховых костюмов – курток и штанов. Один костюм надо было надеть мехом внутрь, а сверху него еще один – мехом наружу. А под костюмы надевалось шерстяное белье. Верхняя одежда шилась из шкур оленей. Ее преимуществом было то, что шерсть состояла из полых волосков. Если какой-нибудь болван провалится в воду, то костюм позволит ему долго держаться на воде. Сверху на подшлемник надевался и плотно застегивался капюшон. Сапоги тоже были меховыми. Естественно, все это рассказала нам экскурсовод. Сам я таких тонкостей не знал.

Мы вышли наружу, и сразу же мороз обжег кожу лица. Я сдуру не застегнул заранее капюшон, но тут уж перестал выпендриваться и застегнулся на все пуговицы. Правда, для этого пришлось снять варежку, и рука тут же начала болеть. Я быстро снова надел рукавицу и ухватился за канат.

Вся поверхность материка представляла собой снежные равнины, снежные горы, снежные валуны. При свете Полярного сияния снег переливался всеми цветами радуги. Каза-

лось, что вокруг рассыпаны миллионы небольших бриллиантов.

– Если вам холодно, мы можем вернуться в пузырелет, – предложила Нелли Петровна, – оттуда все красоты зимнего материка видны ничуть не хуже.

Но народ словно окаменел при виде немыслимой красоты. Никто ничего не ответил.

– А мы увидим пингвинов? – спросила Лера.

– Для этого нужно подлететь к берегу, – ответила экскурсовод, – забирайтесь обратно в наш транспорт.

– А когда тут будет рассвет? – спросил Марсик.

– Скоро вы увидите, как окрестности на несколько минут озарятся светом, – ответила Нелли Петровна, – это хорошее время, чтобы посмотреть на пингвинов.

– А кто еще живет тут в снегах? – спросила Лера.

– В основном это морские обитатели, – ответила экскурсовод, – киты, морские котики, морские леопарды, тюлени. Но есть и птицы – баклан, крачка, белая ржанка, снежный буревестник, поморник.

– Хочу пингвина, – капризно сказала Летка.

Народ рад был вернуться в пузырелет. Никому не хотелось признаваться, что он замерз. Так что каприз Пятаковой оказался очень кстати.

Видно, наш экскурсовод не работала раньше в детском саду. Она не попросила нас посмотреть, все ли соседи сели на свои места. А народ был так огорошен невиданными красо-

тами, что никто ничего не заметил.

Мы сели в пузырелет и полетели к берегу океана. Тут случилось небывалое чудо. Кругом было темно. Светили только звезды. Вдруг пространство стремительно посветлело, и мы увидели на белом берегу сотни черных с белым пингвинов самых разных размеров. Тут были целые семьи – большой папа, немного меньших размеров мама и рядом малыш. Были и холостяки, которые сражались за внимание молодых самочек. Крик стоял такой, что Нелли Петровне пришлось включить противозумовую защиту на пузырелете. И через пару минут снова стало темно.

– Мы возвращаемся домой, к автобусу, – объявила наша начальница.

– Но тут так красиво! – капризно сказала Пятакова.

– По возвращении в автобус вы сможете посмотреть документальный фильм про зимнюю сторону планеты, – утешила ее Нелли Петровна.

На обратном пути мне удалось сесть рядом с Лерой.

– Жорик, хорошо, что ты тут сел, – сказала она, – я как раз хотела с тобой поговорить.

– О чем, солнце мое? – спросил я.

– О путевке, – ответила Лера, – зачем ты мне ее оплатил?

– А ты не догадываешься? – удивился я.

– Нет, – сказала Лера.

– Послушай, Новицкая, – начал я, – ты одинокая женщина. Я узнавал, у тебя сейчас нет мужчины.

– Ну и что? – обиделась Лера.

– Ты не обижайся, – попросил я, – ты очень красивая и умная. А мужики не любят умных. Но не все. Мне умные нравятся.

– Давай по делу, – строго сказала Лера.

– Я по делу, – ответил я, – я тоже одинок. Мне нужна женщина, которая будет меня понимать. Видишь ли... Суп сварить и котлеты пожарить мне может и автокулинар. А я ищу женщину, на которую смогу опереться, которая сможет меня утешить в трудную минуту, с которой хотя бы просто интересно поговорить.

– Ты намекаешь, что я тебе подхожу? – осведомилась Лера.

– Вот именно. Не век же тебе по Юрке страдать.

Лера попыталась меня остановить, но я продолжал.

– Ты не обижайся, Лера. Про твоё отношение к Юрке все знают. Но ты посмотри на это без эмоций. Юрке кроме его скальпеля и больных никто не нужен. И зарплата у него маленькая, а взятки он не берет, – убеждал ее я.

– А ты берешь? – спросила Лера.

– У меня нет такой необходимости. Ты же знаешь, я банкир и сын банкира. Я смогу достойно обеспечить семью. Наши дети пойдут учиться в элитные школы, поступят в престижные институты, станут богатыми людьми, – я говорил это, поскольку хотел, чтобы Лера поняла, что я ей подхожу.

– А может, тебе не дадут разрешение заводить ребенка, –

звительно произнесла Лера.

– Это невозможно, – парировал я, – у отца есть знакомые среди нужных чиновников.

– А как же любовь, Жорик? – спросила глупая Новицкая.

– Да что любовь, – ответил я, – у тебя все будет: квартира, машина, тряпки, отпуска за границей и даже в параллельных мирах.

– А мне этого мало, Жора, – перебила меня Лера.

– Ты подожди, – сказал я, – я тебя не тороплю с ответом.

И ухаживать красиво я умею. Вот увидишь.

– Мы с тобой говорим, как слепой с глухим, – грустно сказала Лера.

Я не понял, о чем это она, но промолчал. Я и не надеялся на скорую победу. Я умею ждать.

Когда мы вернулись в автобус, дезинфекция уже закончилась. В каютах пахло свежестью и лесными цветами. От живых камней не осталось и следа.

Все мы устали и мечтали поскорее поужинать и завалиться в постели. В столовой мое место было рядом с Лерой, чему она, возможно, пока не была рада. Слева от меня все эти дни сидел Марсель, но почему-то он не пришел на ужин.

– Лер, не знаешь, куда Маевский делся? – спросил я, чтобы о чем-то говорить.

– Нет, – сказала Лера, – слушай, а в пузырьрелете он с кем сидел?

– Наверно, как всегда, с Мариком, – предположил я.

– Марик, ты Марсеся не видел? – крикнула Лера Бархатову.

– Нет, – ответил тот, – я сам удивлен. Хотел позвать его на ужин, а в его каюте пусто.

– А с кем он в пузырьрелете сидел? – обеспокоенно спросила Новицкая.

– Ой, – сказала Пятакова, – он со мной рядом сидел. Только, когда мы обратно летели, его в соседнем кресле не было.

– Что ж ты молчала? – заорал на нее муж.

– Понятно, – сказал молчавший до сих пор пилот Лопатин, – один человек остался на зимней стороне планеты.

Он резко встал, вынул рацию и вышел из столовой. Стало понятно, что об отдыхе можно забыть. Нужно спасать этого идиота. Небось, засмотрелся на красивые пейзажи и отстал от группы.

В столовую вбежала Нелли Петровна. Она начала судорожно нас пересчитывать. Ясно, что получалось одиннадцать человек – девять экскурсантов и двое пилотов.

Потом в течение часов двух мы обыскивали автобус, пока стало абсолютно ясно, что этого романтического дуралея тут нет.

Лопатин

У каждого есть свой крест. Или своя звезда – как посмотреть. Одни всегда выигрывают в лото, другие – как мисс Марпл, вечно расследуют преступления. Кому-то везет на открытия, а кому-то – в любви. Я постоянно кого-то спасаю. Судьба такая. Ну и тут выбора никакого не было.

Когда выяснилось, что на зимней стороне забыли художника, шум поднялся изрядный. И вот ведь странно! О том, что бедолага может замерзнуть, сказал Рыбаков. Лера ударилась в слезы, а вот Нелли Петровна, коза, которая не удосужилась пересчитать подопечных, принялась уверять, что ее вины тут нет. Я вызвал представителя «Зорь Земли». Тот сначала пыхтел и раздувался, а потом понял, что дело плохо.

Первым делом надо было решить, кто полетит. Ясно, что рассчитывать на Антона, после истории с камнями, не стоило. Отправлять на поиски одних экскурсантов нечего было и думать, это могло закончиться их гибелью. И без того неизвестно, что там, на зимней стороне, поделявает художник, и куда он, в частности, запропастился. Мог ведь и в щель ухнуть, и под воду уйти. Шансы его спасти таяли с каждой минутой.

Конечно, по правилам следовало обратиться к властям. На этой параллели, как и везде, есть спасательные службы. Люди без труда отыскали бы нашего потеряшку, но «Зорям

Земли» пришлось бы несладко. Нашу экскурсию завершили бы досрочно, да и вообще деятельность компании могли свернуть.

Не могу сказать, что мне было бы их жалко, но я должен был думать о Еремее. Чтобы не завалить задание, пришлось прикрывать безответственность этой гадской компании.

Решать все вопросы с «Зорями» и местной администрацией пришлось Нелли Петровне. Она попробовала заикнуться о том, что безопасность пассажиров – проблема пилотов, но я с ней дискутировать не стал, а Антон ответил так, что повторить это я здесь не могу.

Пузырелет быстро заправили всем, что ему нужно, и осталось только сформировать команду. Я спросил мужиков, кто со мной. Вызвались Рыбаков и, как не странно, Георгий. Вот уж от кого не ожидал! Как я понял, он банкир, к тому же успешный. И вдруг решил рисковать жизнью ради бывшего одноклассника! А я-то считал, что умею разбираться в людях!

После гипноинформирования, как по-научному называется наше ускоренное обучение во сне, в голове клубится куча разрозненных знаний, не успевших найти свое место. Шутка ли – за двое суток узнать все о жизни трех параллельных Земель, изучить их средства передвижения, обычаи, моды, да мало ли что еще. В теории все эти знания должны всплывать в памяти по мере необходимости, на самом же деле голова идет кругом. Через месяц все, конечно, уляжется,

но к этому времени я надеюсь быть уже дома.

Как управлять пузырелетом, я вспомнил. Да и без учебного сна смог бы сам разобраться. Некоторые функции были мне внове, но уж полететь труда не составляло. Команду из трех здоровых молодых мужиков тоже можно было считать удачей. Не хватало нам только оружия.

Странная конфигурация моря и суши на этой параллели привела к тому, что на полюсах плескалась вода. Точнее, воду покрывали льды, а вот суши там не было. Для меня значение имело только то, что вся живность испокон веков расселялась на опоясывающей планету суше. Нелли Петровна, понятно, рассказывала только о тех животных, что известны науке. Но зимнюю сторону люди почти не беспокоили, так что там реально было встретить гадов, приспособившихся к морозам или хотя бы к пограничным зонам, где свет и тепло уступают место холодной ночной тьме.

Учебники Геи ничего не говорили об обитавших там животных, но я и тогда уже подозревал, что в ледяном спокойствии холодной стороны планеты могли уцелеть виды, не сохранившиеся на нашей Земле в период, когда там еще могли жить люди. Сразу вспомнились чудовища Горвица. Да мало ли еще какая нечисть живет в темноте и холоде вдали от человеческого жилья!

Из оружия «Зори Земли» предложили мне только ракетницу, которой мы могли бы отпугнуть какого-нибудь зверя, и один неведомо откуда полученный ими бластер, малой мощ-

ности и короткого радиуса действия.

Ракетницу я отдал Рыбакову. Он оружие взял, но посмотрел на меня как-то странно. Тогда я не придумал этому значения. Конечно, кое-что было и у меня самого, но использовать средства, полученные на Гее, я не хотел. Это сразу выдало бы меня с головой.

Мы оделись сразу тепло, хотя пузырелет мог обеспечить нас даже шубами. Но кто знает, что там подделывает художник? Может быть, на синтез одежды у нас просто не найдется времени.

Я повел пузырелет над землей на малой высоте, чтобы освоиться с его поведением в воздухе. Как только понял, что летательный аппарат меня слушается, прибавил скорость. Лететь пришлось над морем, чтобы не привлекать к себе внимания. Тем же путем летела и экскурсионная группа. Путь получался длиннее, но приходилось быть осторожными.

До сумеречной зоны мы добрались за час, и тут пришлось уже быть внимательнее. Мои попутчики прильнули к прозрачным стенам, вглядываясь в разрезаемую светом прожекторов тьму. Место, где приземлялся пузырелет во время экскурсии, мы знали. Точные координаты позволяли сесть прямо туда же, но ведь художник мог уйти! Заметив, что эти дураки улетели без него, бедняга мог двинуться в ту сторону, в которой скрылся прозрачный шарик с экскурсантами. Поэтому подлетал к стоянке я на предельно низкой высоте,

стараясь разглядеть каждый ледяной холм, каждый сугроб.

Я много раз бывал на холодных планетах, но они, как правило, были безводными, и их поверхность ничем не напоминала Землю. Оказалось, лед бывает разного цвета! Зеленые и голубые глыбы вспыхивали в лучах света, так что больно становилось глазам. В какой-то момент я испугался, что пропущу дорожку флажков, вокруг которой следовало искать художника.

Цветные тени скользили по гладкому льду, прятались в наметенных ветром горках снега. Вдруг Вениамин вскрикнул. Я на автомате остановил пузырелет. Хорошо, что эта машина способна зависать в воздухе.

Длинная цветная лента извивалась среди блестящих глыб.
– Да это же шарф Марселя! – воскликнул Георгий.

Я осторожно посадил пузырелет между огромными ледяными склонами. Эта машина устроена по принципу Ваньки-встаньки. Была раньше такая детская игрушка. Центр тяжести смещается вниз при любом положении корпуса. Это происходит за счет хитрого крепления всего оборудования и даже пассажирских кресел.

Георгий рванулся к выходу, но Рыбаков бесцеремонно ухватил его за шиворот, заставил застегнуть шубу, завязать уши шапки и прикрыть лицо. Предосторожность оказалась нелишней. Ледяной воздух перехватывал дыхание, ресницы смерзлись.

Мы с Вениамином без спешки покинули пузырелет, я взял

большой фонарь и веревки. Флажки дорожки, вдоль которой гуляли экскурсанты, были сделаны из морозостойкого пластика и отсвечивали в лучах прожекторов. Мы медленно побрели вдоль тропы. Рыбаков зачем-то трогал каждый флажок, словно пробовал его на крепость. Возможно, это его успокаивало. Постепенно добрались до потерянного шарфа. Эта печальная находка вызывала массу вопросов, в частности, почему художник не остановился, не взял его и не намотал обратно на шею?

Но главное – шарф, зацепившийся за последний флажок дорожки, не был последним, что оставил художник. Дальше, в том направлении, куда улетал экскурсионный пузырелет, тянулись пятна, ярко красневшие в свете нашей машины. Значит, что-то случилось с ним именно здесь.

Перед тем, как выйти, я включил не только прожектора, но и все возможное освещение. И теперь гигантский светящийся шар, напоминающий елочную игрушку, позволял разглядеть каждый осколок льда, каждый самый легкий след на снегу.

Мы пошли вдоль зловещей цепочки пятен. Кто или что могло напасть на беднягу в холоде и тьме зимней стороны планеты? Ни птицы, ни морские обитатели не могли представлять для него опасности хотя бы потому, что место посадки пузырелета находилось далеко от берега.

Цепочка следов закончилась метров через пятьдесят довольно неожиданно. Здесь на снегу обнаружилось большое

пятно, но вовсе не красное. Чистые зеленые, синие, желтые краски расплескались по снегу, почти не смешиваясь даже в месте соприкосновения.

У меня отлегло от сердца. Похоже, незадачливый художник просто повредил контейнеры с красками. Сначала вылилась красная, а затем и другие. Возможно, причиной тому был холод, пластик не выдержал и лопнул. Все это давало надежду на то, что наш потеряшка жив. Но где же он, в таком случае?

– Марсель! – заорал Георгий и тут же схватился за горло.

– Не кричи, – тут же попытался остановить его Вениамин. – От крика может начаться движение снега по склонам. Как бы Марселя не засыпало.

Все это было правильно, но как искать художника? Даже дыхание обжигало горло морозом, но Георгия это не остановило. Отдышавшись, он заорал снова:

– Марсель!

Казалось, от звуков его голоса что-то лопнуло в мире. Послышалось шуршание, треск льда, какие-то царапающие звуки. Совершенно невозмутимый Вениамин ходил кругами возле радужного пятна, все увеличивая радиус. И вдруг...

– Он здесь, – произнес Рыбаков.

Прозвучало это несколько мрачно, и, подойдя ближе, я понял, почему. В нескольких шагах от того места, где художник разлил краски, в глубь льда уходила узкая трещина. Конца ей видно не было, свет пузырярелета не доставал до дна.

Я осветил щель фонарем. Художник застрял метрах в пяти от поверхности. Под ним трещина уходила в бездну, но толстая одежда не позволила бедолаге провалиться.

– Эй, приятель! – негромко позвал я, боясь не услышать ответа.

Наш пострадавший слегка приподнял голову. Видимо, шевелиться он не решался. Хорошую одежду дают экскурсантам в «Зорях Земли»! За то время, что его искали, он должен был превратиться в сосульку. Забегая вперед, скажу, что он по собственной инициативе приобрел костюм с автономным обогревом. Это и позволило ему сохранить тепло.

Надо было вытаскивать его, и срочно. Прочный трос, крючья и прочие необходимые вещи у нас, конечно, были. Сложность состояла в том, что я не мог лезть в расщелину: ребята не смогли бы без меня вернуться обратно. Ни Георгий, ни Вениамин пузырелетом управлять не умели. На их Земле XVIIIа таких летательных аппаратов не было.

Спасать художника рвался Георгий, но быстро выяснилось, что никаких полезных навыков в этой области у него нет, поэтому рисковать выпало на долю Вениамина. Мы спустили веревку с крюком на конце, и Рыбаков очень ловко, как опытный рыбак, зацепил застрявшего беднягу за капюшон. Страховка так себе, но все же лучше, чем ничего.

Вениамин не сказал, есть ли у него альпинистский опыт. Он вообще удивительно немногословен, но спускался он грамотно. Страховку для него я предварительно закрепил на ле-

дяной глыбе, но все равно стоял на страже и придерживал трос на случай непредвиденных неприятностей. Георгий лежал на животе, смотрел в расщелину и шумно вздыхал каждый раз, когда нога Вениамина соскальзывала с ледяного выступа.

Рыбаков добрался до художника и очень ловко закрепился между стенками трещины. Не ожидая помощи от пострадавшего, он обвязал его тонким тросом и знаком показал, чтобы мы тянули. Удивительно невозмутимый человек! Он интересует меня все больше и больше. В автобусе он представился государственным чиновником, но в какой области он служит? Кабинетные работники такими не бывают. Я и восхищался им, и невольно думал о том, что Вениамин не так прост. Что понесло его на эту экскурсию?

Бедного художника пришлось тащить, как бревно. Георгий дежурил у края расщелины и подхватил страдальца сразу, как только я смог его вытянуть. Вениамин карабкался по склону рядом с пострадавшим, чтобы подстраховать, если трос вдруг соскользнет или зацепится за лед.

Я тянул потихоньку, стараясь не дергать. Вместе с шубами и прочей амуницией наш бедолага весил изрядно, так что пришлось попотеть. Потом мы подняли его, как бревно, и понесли в пузырелет. Тут-то и выяснилось, что на нем, кроме шуб, еще и белье с электрообогревом. Заряда аккумулятора оставалось совсем немного, так что мы подоспели вовремя.

Георгий принес снега, мы раздели художника и принялись

дружно растирать ему все тело. Он хрипел и стонал, но сказать ничего не мог. Лицо Маевский обморозил основательно, пострадали и руки. Хорошо хоть, он догадался надвинуть на лицо капюшон и сунуть руки под борт верхней шубы.

Пока тюбики не лопнули, чудака пытался на таком морозе писать здешний мимолетный закат, тогда и растерял все краски. Лишь после этого он заметил, что экскурсия улетела без него, и пошел в сторону моря. Тут-то ему и подвернулась та самая щель.

Правда, все это выяснилось уже в автобусе, когда золотые руки Толстоухова вернули пострадавшему возможность говорить.

Виолетта

Мне было совершенно нечего делать. Мужики уехали спасать этого дурика Марсея. Вовка, правда, не поехал. Но к нему пришел Кочетков, они выгнали меня из каюты, сказав, что у них разговор по работе. Олег же сценарии пишет. Вовка будто не понимает, что в сценарии вполне может оказаться подходящая для меня роль.

С тоски я пошла в каюту Кочеткова. Не сидеть же мне как белой вороне в столовой, будто я никому не нужна. А в каюте можно какую-нибудь передачу посмотреть.

У Кочеткова оказалось не заперто. Я вошла – бардак кругом немислимый. Ну я сгрэбла с кресла всякие грязные носки и села напротив визора, щелкнула пультом, попала на передачу «Секреты звезд». Я люблю про личную жизнь своих коллег посмотреть, только Вовка всегда фыркает и велит мне переключить канал. А сейчас я одна, что хочу, то и смотрю.

На тумбочке рядом с креслом лежал красный блокнот. Я уже после Парижа заметила, что Кочетков что-то записывает, и подумала: «Надо же, какой он эрудит. Записывает историю города любви». Пока по телеку запустили рекламу, я взяла блокнот посмотреть, что же такого интересного туда записал Олег. Оказалось, к Парижу это не имеет отношения. Он набрасывал статью в газету «Без запретных тем». Я невольно начала читать.

«Дорогие мои читатели. Вы, наверно, хотите знать, как живут богатые и знаменитые. Я вам в этом помогу.

Мне удалось совершить удивительную поездку по параллельным мирам. Конечно, это очень дорого, но я ведь еду по работе, за казенный счет. И моя газета не прогадала.

В одной группе со мной оказался известный банкир Георгий Гольдман. Он входит в список ста богатейших людей страны. И он, милые дамы, не женат. Но поторопитесь действовать, а то он достанется другой.

В этой поездке он встретился с очаровательной одноклассницей Лерой Новицкой. И он не уберется от ее чар. Я случайно услышал, как наш герой предлагал Лере руку и сердце. Он обещал ей купить новую квартиру, дорогую машину, эксклюзивную одежду. А от таких предложений, милые дамы, мало кто из вас откажется. Лера решила поломаться и сделать вид, что деньги для нее – не главное. Но я не сомневаюсь, что после отпуска она станет мадам Гольдман.»

Тут я расхохоталась. Так Кочетков, оказывается, вовсе не сценарист, а журналист, причем низкого пошиба. Пишет для бульварной прессы. Попалась Лерка! Но что там дальше?

«И это еще не все новости. Многие из вас, милые дамы, мечтают стать известными артистками».

Что, что?!

«И у вас скоро появится шанс. В поездку вместе со мной отправилась известная в кинематографических кругах пара – супруги Корсаровы. Но если кинорежиссер и владелец ки-

ностудии Владимир все свободное время придумывает новые повороты в своих гениальных фильмах, то его супруга не теряет времени зря.

Она давно замечена в симпатиях к молодым дон Жуанам. И тут в поле ее зрения попал статный красавец – пилот межмирового автобуса Антон. Пока обманутый муж сидит в супружеской каюте, его женушка ходит на ночные купания с предметом своей страсти. Я сам был свидетелем их жарких поцелуев. А поскольку Корсаров не потерпит измены со стороны супруги, это место вскоре может оказаться вакантным».

Вот негодяй! Подлец, скотина! Так он подсматривал, как мы прогуливались с Антоном?! Еще, чего доброго, расскажет Вовке! Газету-то мне бояться нечего. Вовка такое барахло не читает. Но кто-нибудь из знакомых может ему рассказать! Придется поговорить с Кочетковым. Возможно, предложить ему денег. Пусть он про Гольдмана отошлет в редакцию, а про меня все сотрет. Или сказать Антоше? И я пошла его искать.

Антон оказался в рубке. Он заполнял какую-то форму на экране главного компьютера.

– Антоша, ты не представляешь, в какую историю мы попали! – воскликнула я, заломив руки.

– А что случилось? – спросил он, по обыкновению потеряв пальцем свой конопатый нос.

– Среди нас есть крыса – Олег Кочетков. Он за всеми сле-

дит и кропает низкопробные статейки в паршивую газетенку, – ответила я.

– Но у нас с тобой, вроде, ничего не было, – удивленно произнес мой герой.

– Вот именно. А этот негодяй написал, что я изменяла с тобой своему мужу, и муж меня скоро бросит, – тут я не смогла удержаться от слез.

– Не плачь, Леточка. Я его научу, как статейки в газеты пописывать, – прорычал Антон и ринулся из рубки в коридор.

Кочеткова, который уже ушел из нашей каюты, мы нашли в буфете, где он заправлялся текилой и виски.

– А, ребята! – радостно воскликнул он.

Антон, ни слова не говоря, подошел и двинул негодяю в нос.

– За что? – прогнусавил Кочетков.

– За статейку про Корсаровых, – ответил пилот и размахнулся еще раз. Следующий удар попал горе-писателю в ухо. Он упал около мини-бара.

– Вы все не так поняли, – зажимая рукой окровавленный нос, запричитал Кочетков, – это просто шутка. Я не собирался статью никуда посылать. Хотел вас разыграть.

От страха он даже не спросил, откуда мы знаем про статью. Его кровь капала на светлые брюки.

– Больше так не шути. Узнаю – убью! – хрипло сказал Антон и повернулся, чтобы выйти из комнаты.

– А как у вас в дирекции относятся к пилотам, которые избивают пассажиров? – вдруг осмелел Кочетков.

– Пока мы доберемся до дирекции, много времени пройдет, – пообещал Антон, – ты можешь случайно остаться на какой-нибудь планете. А в дирекции я скажу, что ты напился, что запрещается правилами перевозок, упал и разбил себе рожу. А мое начальство мне верит.

– А Пятакова все видела! – продолжал хорохориться журналист.

– На меня в качестве свидетеля не рассчитывай, – охладила его я.

И мы вышли. Антон пошел на дежурство, я осталась одна.

– Статью я не напишу, – прошептал мне вслед писака, – а Корсарову могу и рассказать.

– Мало получил? – осведомилась я. И Кочетков поспешил обратно в буфет.

«А вдруг он и правда расскажет мужу»? – подумала я.

С испорченным настроением я пошла к себе в каюту. Мне уже было не до «Секретов звезд». К счастью, Кочетков за мной не пошел. Наверно, опять за кем-то подглядывать собирается. А Вовка сидел над какими-то записями.

– Ну что, нашли уже Марсея? – спросил он меня.

– Понятия не имею, – буркнула я и прошла в свою половину номера.

Лера

Я подустала после экскурсии на зимнюю сторону планеты и решила отдохнуть до ужина в каюте. Скинула верхнюю одежду и прилегла на кровать. Я, конечно, волновалась за Марсея, но помочь ничем не могла. Поспать мне не дали – через десять минут послышался стук в дверь. Хорошо, что я взяла с собой халат – не пришлось заново натягивать джинсы.

– Ну кто там? – недовольно спросила я.

– Лерочка, это я, – раздался хлюпающий голос.

Я накинула халат, открыла дверь и с удивлением обнаружила в коридоре Кочеткова с разбитым носом. От него сильно пахло спиртным, а из носа текла кровь.

– Олег, что с тобой? – воскликнула я.

– Один идиот чуть не сломал мне нос, – прогнусавил Кочетков.

– Заходи скорее, – сказала я.

В комнате я усадила раненого на кресло, достала из мини-бара лед, завернула его в свой носовой платок и приложила к носу Олега. Вскоре кровь перестала капать ему на майку.

– Ты единственный нормальный человек в этой компании, – сказал Кочетков, – у тебя спиртное есть?

– Ты подрался? – спросила я, проигнорировав вопрос о

спиртном.

– Я вопросы решаю цивилизованно, – возразил Олег, – это другие любят кулаками махать.

– Расскажи, в чем дело, – предложила я.

– Да просто я не сценарист, а журналист. Написал статью, в которой делился своими впечатлениями от поездки, а этот идиот Антон прочитал и полез в драку, – пояснил Кочетков.

– Понятно, – сказала я, – ты в статье что-то написал про своих одноклассников.

– Ну и что? – крикнул раненый, – я писал только о том, что сам видел. А все прикидываются такими белыми и пушистыми, один я плохой!

– Кто прикидывается? – холодно спросила я.

– Да хоть твой Гольдман, – ответил Кочетков.

– Во-первых, он не мой, – резко сказала я, – во-вторых, он ничего про себя не скрывает. Я знаю, что он богатый человек, сын владельца банка.

– И не слишком честный, – добавил журналист, – я вот тебе про него расскажу.

– Ну давай, – подбодрила я его, уверенная, что ничего он про Жорку не знает.

– Слушай. Пошли как-то два одноклассника, Гольдман и Маевский, сдавать вступительные экзамены в Институт экономики. У Маевского в школе по математике была пятерка, а Гольдман, как ты знаешь, с двойки на тройку перебивался. Сели они в аудитории за парту рядом. Им дали листки

с заданием и наклейки с номерами. У Гольдмана был номер семь, а у Маевского – двадцать два. Сидели они и решали свои задачки. А как время почти вышло, Марсик говорит другу: «Мне в сортир надо. Приклей, пожалуйста, мой номер к моей тетради и сдай ее. А то если я выйду, меня по правилам обратно уже не пустят». И ушел. А Гольдман, не будь дураком, посмотрел, что там Марсель нарешал. Сам-то Гошка из семи задач только три решил, а Маевский все задание выполнил. Ну наш Жорик взял и номер семь приклеил к тетрадке с решенными задачами, а номер двадцать два – к своей тетради. И сдал все преподу.

– А ты откуда знаешь? – спросила я.

– Так экзамены мой отец принимал. Он же в институте экономики доцентом работает, – ответил Кочетков, – он заметил, что Марсель вышел и номера Гошка приклеивал. А потом стал проверять работы и страшно удивился – двоечник все решил, а отличник с грехом пополам до третьей задачи дошел. Отец же часто бывал на родительских собраниях у нас в классе и слышал, как математичка Жорку ругает.

– И как же он поступил? – спросила я про Кочеткова старшего.

– Он взял в приемной комиссии заявления о поступлении в институт – Гольдмана и Маевского, и сравнил почерки, – сказал Олег, – и понял, что Гольдман приклеил свой номер на чужую работу.

– И что, Гошка провалился? – поинтересовалась я.

– Нет, какое там, – возразил Олег, – его приняли, а Маевский провалился.

– Почему? – не поняла я.

– Так ты же знаешь, кто у Гольдмана папа. Мой батя не решился против его сынка идти, – пояснил Кочетков.

– А что с Маевским стало? – задала я следующий вопрос.

– Я с ним говорил во время банкета. Он попал в армию. А потом вернулся и поступил в художественное училище. Так что он на Гольдмана зла не держит. Если бы не Гошка, он не стал бы художником, а ведь это его призвание, – ответил Олег.

После этого рассказа мне захотелось подумать, и Кочеткова я быстро выставила. Кровь у него уже не шла, а более качественную медицинскую помощь он мог получить у Юры.

Если честно, я никогда не была влюблена в Гольдмана, но его внимание мне льстило. Он казался совсем неплохим человеком, несмотря на свое богатство – вот и сегодня поехал Марсея спасать вместе с нашим сопровождающим. Может, конечно, его совесть мучает после той давней истории, и он хотел загладить свою вину перед Маевским? Хотя, вряд ли. Это я узнала про его поступление в институт сегодня, а ведь с тех под прошло двадцать лет. Потом, Маевский же на него зла не держит. Наоборот, он благодарен, что смог осуществить свою мечту.

Конечно, я не собиралась выходить замуж за Жорку. Я даже не восприняла его предложение всерьез. Но то, что за

мною ухаживает крутой парень, поднимало мою самооценку. Надо, кстати, будет спросить самого Гольдмана про ту историю, или Маевского. Все-таки Кочетков – журналист, он привык преувеличивать и даже откровенно врать. Возможно, с Жоркиной точки зрения все было совсем не так. Они могли специально договориться с Марселем, поскольку тот не хотел поступать в Экономический, но и ругаться с родителями, которые настояли на сдаче им туда экзаменов, тоже не планировал.

Эта мысль меня успокоила, но снова ложиться спать я не стала. Скоро нужно будет идти на ужин, там выяснится, что случилось с Марселем. Хорошо бы немного привести себя в порядок. Вон какие у меня тени под глазами, и прическа растрепалась. Косметики с собой у меня было мало, но тональный крем и пудру я на всякий случай взяла. Еще в косметичке лежал блеск для губ, хотя им я пользоваться не стала. Все равно во время еды он бы стерся.

Для подготовки к банкету я просила косметику у Виолетты. Она, конечно, капризная и глуповатая, но в жадности ее обвинить трудно. Конечно, я не знаю, дала бы она денег взаймы, а тушь для ресниц и тени предложила мне сама.

Тут я подумала, а что вообще я знаю про ребят? Они мне все кажутся добрыми и симпатичными. По крайней мере, встретились мы, как родные. Вот Кочетков несколько подпортил впечатление о себе. К Юрке я всегда хорошо относилась. Да и к остальным, конечно, не так, как к Толстоухову,

но тоже – неплохо. С этими мыслями я пошла одеваться к ужину.

Георгий

Вчера после спасательной операции я слегка перебрал с Бархатовым, все-таки я здорово промерз и напрягся. Мы с Макаром завалились в уютный ресторанчик и дегустировали местные вина, поэтому с утра побаливала голова. Но даже это я смог обратить себе на пользу. Слегка постанывая, пошел к номеру Лерки и стал просить у нее что-нибудь обезболивающее. Но она, чуть опухшая со сна, что ее только красило, выглянув в коридор в симпатичной голубой пижамке, не пустила меня в комнату, сунула пару таблеток Астируса и направила в бар выпить чашку кофе. Сказала, что у нее лично кофе нет.

Пришлось тащиться в бар. Там я, преодолевая боль, вспомнил, что на сегодня запланирована экскурсия в Афины. От этой мысли стало совсем плохо. Не привык я чувствовать себя помятым ботинком. Единственное, что могло меня спасти – какое-нибудь подстегивающее выработку адреналина мероприятие. Например, хорошо было бы на горных лыжах покататься или прыгнуть с вышки на автокрыльях. А скучная экскурсия в древний город ничего кроме тоски не навевала.

После кофе мне стало лучше. Я зашел к себе в номер, переоделся в свежее и побрел в холл на первом этаже, где собирались наши. Лерка тоже успела переодеться и навести

макияж. Ее сиреневая кофточка и переливающийся всеми цветами радуги комбинезон могли затмить любую достопримечательность Афин.

Почти все одноклассники уже были на месте, не хватало только Пятаковой. Наконец, с пятнадцатиминутным опозданием, явилась и она. Экскурсовод Нелли Петровна посмотрела на нее укоризненно, но Летка и глазом не моргнула. Привыкла, что все всегда ее ждут. Зато нарядилась она как елка новогодняя, да еще туфли на каблуках сантиметров пятнадцать.

– Вы зря надели такую обувь, – сказала ей Нелли Петровна, – у нас в программе длинный пешеходный маршрут.

– Ничего, я привыкла, – буркнула Пятакова.

И вот мы опять погрузились в пузырелет и полетели в чистое небо. Возможность управлять этим средством передвижения с небольшого пульта меня уже не удивляла.

Общий вид города мне понравился – кругом горы, а посередине небольшое плато, на котором и расположилась столица Греции. Но потом начались достопримечательности, про которые я ничего не запомнил. Тем более, что я вновь пробился поближе к Лерке и время от времени как бы случайно касался рукой ее бедра.

– Гошка, не мешай мне слушать, – осадил меня, но я, будто не услышав, взял ее за руку. Она же видимо решила, что пусть я лучше держу ее за руку, чем касаюсь попы, и не среагировала на мои действия.

Экскурсовод надрывалась про храм Парфенон, построенный за пять столетий до нашей эры, про храм Зевса Олимпийского, про Византийский музей, амфитеатр Одеон и еще про что-то. Меня заинтересовал только Афинский Акрополь. И не он сам, а театр Диониса, который находился не то в Акрополе, не то рядом с ним. Я не запомнил.

Дело в том, что на этой параллели театр Диониса восстановили в том виде, в каком его построили в том же пятом веке до нашей эры. Только тогда он был деревянным, а теперь переливался на солнце, будто его воссоздали из драгоценных камней.

– Нелли Петровна, – восхищенно воскликнула Пятакова, – а что это за материал?

Та почему-то смутилась:

– Это новая разработка наших ученых, экспериментальный вариант. Театр воссоздан всего пять лет назад.

– И что, там спектакли показывают? – заинтересовался Кочетков.

– Нет, не только спектакли, – загадочно произнесла экскурсовод.

И если я до этого, поглаживая Леркину руку, разглядывал ноги Пятаковой сквозь ее полупрозрачное платье, то тут инстинктивно насторожился.

– В этом театре в древней Греции устраивали различные бои, которые не запрещали. И сейчас там полулегально устраивают бои фороракосов. Но мы отвлеклись. Я хотела

сказать, что в театре 64 ряда. Как вы видите, он похож на Колизей в Риме. Трибуны могут разместить семнадцать тысяч зрителей.

– А кто такие фороракосы? – с любопытством спросил Кочетков.

– Это же древние птицы. Они вымерли! – удивилась Лерка.

– Лучше я расскажу вам про фольклорные фестивали, которые тут проходят весной и осенью, – неуверенно произнесла Нелли Петровна.

– Да что там фестивали, их везде полно, – произнесла Пятакова, глаза у которой загорелись от мысли о возможности посмотреть на необычное зрелище.

– Ну что ж, – сказала Нелли Петровна, как мне показалось, с удовольствием, – желание клиентов для нас – закон. Правда, у нас намечалась пешеходная часть экскурсии с изучением граффити – любимого искусства греческой молодежи. Но если вы настаиваете... Фороракосы – это, как правильно заметила дама в комбинеzone, древние хищные птицы с неразвитыми крыльями. И у нас на планете они сохранились. Они практически не умеют летать. В боях используются их брачные периоды, когда за одну самку борются сразу несколько самцов. В природе они убивают друг друга острыми и сильными клювами, но в театре Диониса самцам подпиливают клювы, поэтому случаев летального исхода гораздо меньше.

– А бывают бои, чтобы на поражение, прямо до смерти? – прошипела возбужденная Пятакова.

– Такие бои запрещены. Ведь фороракосы – очень ценные птицы. Они сохранились только в Южной Америке, у которой Греция выкупает для боев подходящие экземпляры за очень солидные деньги.

– А все-таки? – не отставала от нее Пятакова.

– Ну если человек готов заплатить два миллиона кванзатов за две особи, то для него в виде исключения проводится такой бой.

– Летка, отстань от человека, – вмешался ранее молчавший Корсаров, – у нас таких денег нет. Твоя машина стоит дешевле.

– Жадный ты, Вовка, – насупилась Пятакова.

– А как проводятся бои фороракосов? – вступил в разговор Бархатов.

Я-то знал, что Макар – человек не азартный, и его участие в предстоящем бое будет абсолютно пассивным.

– Существуют несколько видов таких боев, – продолжала рассказ экскурсовод. – В театре Диониса более популярен Уэльский вариант – когда восемь пар птиц борются между собой, затем четыре пары победивших между собой, и так далее, пока не останется одна пара, и еще есть Королевская битва. Сегодня вашему вниманию представят Королевскую битву. Она заключается в том, что на поле одновременно выпускают восемь самцов. Самка в огромной клетке будет по-

мещена в середину поля. Самцы дерутся до тех пор, пока не выявится явный победитель. Проигравших, потерявших возможность держаться на своих ногах, служители уносят с поля.

– А потом что с ними делают? – спросила сердобольная Лерка.

– Они проходят курс реабилитации и к следующему сезону опять будут способны драться, – ответила Нелли Петровна.

– А ставки на победителя принимают? – спросил я, почувствовав, что вскоре получу тот адреналин, которого мне не хватало с самого утра.

– Да, – ответила экскурсовод, – для того, чтобы зрители могли сделать ставку, на спине фороракоса люминесцентной краской рисуют номер. Потом букмекер раздает таблички с номерами птиц и записывает на них величину ставки. А зрители соответственно платят. После боя выигравшие зрители получают у букмекера свой выигрыш, предъявив свои карточки. Как вы понимаете, величина выигрыша зависит от суммы поставленных денег и от количества выигравших зрителей.

– Ну что, друзья, – воскликнул я, – кто за то, чтобы вместо изучения граффити пойти на бой фороракосов?

Как ни странно, проголосовали единогласно. Даже сердобольная Лерка хотела посмотреть бой. Может, не так она проста, как кажется?

Мы дружно прошли в театр. Нелли Петровна лично купила в кассе билеты и предъявила их на входе. Народу было довольно много, но мы, видимо, как путешественники с других параллелей, имели преимущества перед остальными, и нам выделили одиннадцать мест в первом ряду. Прямо перед нами арену окружала решетка из толстых металлических прутьев метра в два с половиной высотой. Девчонки облегченно вздохнули. Видимо они побаивались этих неведомых нам фороракосов.

Сначала на арену вывезли просторную клетку, в которой сидела самка. Она была огромной, не меньше двух метров в высоту, с сильным клювом, объемным торсом и длинными куриными ногами. Вместо крыльев по бокам торчали какие-то невзрачные короткие конечности. Лерка с Пятаковой опять заволновались: если у фороракосов такая самка, то какими же огромными должны быть самцы?

Тут на арену выпустили первого претендента, размерами не больше самки. На его спине был нарисован номер один. Он поначалу не заинтересовался самкой и пошел прямо к зрителям. Мы понимали, что перелететь ограждение он не сможет ввиду отсутствия крыльев, но все-равно стало как-то не по себе. Птица подошла к нам и стала протягивать свой клюв в дырку решетки прямо к нашим девчонкам. Лерка вытащила из сумки шоколадку и с опаской сунула ей в рот, вернее ему. Фороракос послушно взял шоколад в рот, попробовал и выплюнул его нам под ноги.

– У меня больше ничего нет, – испуганно зашептала Лерка.

– У кого есть жратва? – спросил я, точно зная, что Бархатов всегда носит с собой несколько бубликов. Не даром у него такое пузо.

Бархатов, зная, что я в курсе, неохотно вынул из барсетки бублик и отдал Лерке. Фороракосу почему-то приглянулась именно Новицкая, и он соглашался угощаться только из ее рук. Бублик ему понравился, но полностью не удовлетворил желудочные потребности. Тут на арену вышел дрессировщик, и увидев, как номер первый нажирается хлебом, стал отгонять его от нас хлыстом. Потом он сам предложил птице что-то съедобное.

– Он дает ему лук и чеснок. Эти продукты повышают агрессивность фороракосов, – сказала нам Нелли Петровна.

Вслед за тем на арену стали выпускать других птиц, но бой пока не начинался. Дрессировщик с хлыстом и дежурные с шлангами с водой не давали особям наброситься друг на друга. А по рядам зрителей стал пробираться букмекер с карточками. Он подошел ко мне и шепнул: «Советую поставить на номер восемь. Он самый сильный». Ну я ради интереса поставил пару сотен кванзатов. Потом он пробрался к сидящему рядом со мной Бархатову и стал шептать ему на ухо. Он не знал, что слух у меня уникальный, и я прекрасно слышал: «Ставьте на номер пять, не прогадаете». Бархатов вообще не хотел ставить, не азартный он человек, но я ска-

зал ему, что он испортит всем удовольствие, если не поставит хоть какую-то мелочь, и он поставил пять кванзатов на номер пять.

Когда ставки были сделаны, дрессировщик ушел с арены, и птицы начали задирать друг друга. Запах самки и действие чеснока обеспечили нам незабываемое зрелище. Птицы распались, нападали один на другого. Они начали визгливо кричать, пытаясь уstrasшить противника. Наши девчонки скорчились от страха и прижались бок к боку. Бархатов побледнел. Неважно выглядел и Кочетков. Остальные ребята держали себя в руках. Схватка становилась все более жаркой. Непонятно было, кто кого лупит. Птицы на арене превратились в огромный визжащий шар. Он то сжимался, то распадался на отдельных птиц, катался по всей арене и ударялся в решетку ограждения. Самка тоже орала. Может у нее в этой стае был какой-то фаворит, но это никого не интересовало. Публика в зале вопила от азарта.

На арене появились следы крови. Номера восьмой и пятый свалились с ног. Их бы заклевали собратья, но тут дежурные окатили фороракосов водой из шлангов, Те возмущенно заорали, но бой прекратили. Раненых птиц утащили за кулисы, и бой возобновился. Я поражаюсь смелости этих людей – ведь разъяренные фороракосы могли их заклевать, но почему-то этого не сделали.

– Они боятся воды, – шепнула Нелли Петровна, видимо по моему лицу понявшая, о чем я думаю.

Вот если бы я вылез на арену, Лерка бы поняла, что я никого не боюсь.

Птицы дрались, пока на ногах не остался один номер четвертый. Я спросил ребят, кто на него поставил. Оказалось, никто. Когда всех поверженных утащили с арены, дрессировщик вышел и открыл клетку с самкой. Она было кинулась на него, но получила удар хлыстом.

Победитель по идее должен был пойти к самке, но ему, видно, стало худо. Он сел посреди арены и замер.

– Зрелище окончено, – объявил распорядитель по громкой связи, и мы стали пробираться к выходу.

– Ах, мальчики, как хорош этот дрессировщик, настоящий мужчина, – пропела Пятакова, когда мы оказались на улице.

Лопатин

Прав был Архипыч: впечатлений в этом отпуске я уже получил немало, а ведь главное еще впереди. После приключений на первой посещенной параллели местное отделение «Зорь Земли» хотело отделаться от нас поскорее.

На следующий день всех экскурсантов загнали на борт автобуса сразу после экскурсии. Чтобы они не сделали попытки разбежаться, им объявили, что отправление состоится вот-вот. На самом деле следующая наша база собиралась принять автобус в двадцать часов по нашему времени. Кстати, оно совпадало со временем принимающей параллели.

Чтобы гости не скучали, фирма отрядила своего сотрудника по имени Артемий, которого очень быстро все стали звать Темой. Сначала я пожалел, что это не миловидная юная дева, но когда увидел, как тяжело приходится Теме, решил, что это испытание не для прекрасного пола.

Утомленные спасательной экспедицией, взбудораженные азартными зрелищамми, раздраженные все откладывающимся перемещением, экскурсанты решительно не хотели развлекаться. Их не привлекали тихие игры за столом, танцевать никому не хотелось, петь хором тоже. Некоторый успех имели фокусы с часами и картами, которые Тема показывал мастерски, но скоро и это зрелище всем наскучило. Бедный затейник выбивался из сил, чтобы не допустить самоволь-

ного ухода гостей, и когда часы показали, наконец, девятнадцать тридцать, с огромным облегчением отправился восвояси.

Оставшиеся полчаса надо было как-то продержаться, и я, с целью подготовки к перемещению и на правах сопровождающего, велел всем разойтись по каютам и лечь на койки. Антон смотрел на меня круглыми глазами, но молчал. Лишь когда госпожа Корсарова, выплеснув на меня весь свой гнев, проследовала к себе, он спросил, зачем я это устроил. В ответ я предложил ему самому найти способ нейтрализовать гостей. Он подумал и молча ушел в рубку.

Сам переход прошел без неожиданностей, то есть совершенно незаметно. Разрешение встать и покинуть свои каюты экскурсанты восприняли с энтузиазмом. Похоже, я напугал их своими требованиями, и теперь они вздохнули с облегчением. После перемещения Антон ушел отдыхать, а я заступил на вахту.

Никак не пойму, что за человек мой первый пилот. Ясно, что он доволен своей работой в «Зорях». Видимо, платят ему хорошо, да еще экзальтированные дамочки дарят свое внимание, а иногда и более вещественные подарки. Вряд ли он мечтает лишиться такого хлебного местечка, а значит, при спасении ученого будет скорее в стане противников. Это опасно, к тому же никого, на чью помощь я мог бы рассчитывать, пока не нашлось. Надо будет поехать на следующую экскурсию, пообщаться с людьми. Да и после приключений

на первой посещенной параллели я, как ответственный сопровождающий, не должен с них глаз спускать.

Насколько я знал, здесь нас ждала морская прогулка, целью которой являлась... что бы вы думали? Атлантида! На нашей старушке – Земле этот таинственный материк затонул, но на других Землях судьба была к нему более благосклонна.

Из гипносна я извлек некоторые сведения об этой Земле. Политическая обстановка здесь сложилась совершенно иначе, чем когда-то у нас. Колумб, если он тут был, никакую Америку не открывал, потому что она была известна весь обозримый исторический период. Развитая цивилизация атлантов играла роль координатора мировых процессов. Европейские страны напрямую с Америкой, которая, кстати, называется здесь Фусан, не общались. Все торговые, научные и прочие связи были завязаны на Атлантиду. Атланты с удовольствием принимали у себя гостей из всех частей света, если они вели себя прилично и соблюдали установленные хозяевами законы. Их столица стала центром наук и искусств, а также местом, куда обращались для разрешения любых конфликтов между странами.

Гостеприимный материк мы и должны были посетить. Для этого фирма «Зори Земли» предоставляла парусно-моторную яхту с командой, которая должна была доставить нас на загадочную землю. О самой Атлантиде я знал немного. Когда-то древний философ Платон в своих трудах описал

устройство жизни на материке. Но современная Атлантида располагалась на другой Земле, да к тому же ушла от Платоновского описания на пару тысяч лет.

В полдень к автобусу подали интересное транспортное средство, которое там зовут ящерицей. К этому моменту все наши экскурсанты проснулись и даже успели позавтракать. Антон каждый день старался удивить их чем-нибудь вкусеньким – то ли так положено, то ли по доброте души.

Сытые и довольные гости лениво выбрались из автобуса и загрузились в эту самую ящерицу. Она представляла собой набор одноместных кабинок, скрепленных в линию подвижным соединением. Колеса расставлены широко, но все равно ящерица достаточно узкая. Благодаря этому она способна пробираться по улочкам старых городов, где могут разойтись только два человека. Гибкая и устойчивая, она развивает приличную скорость. Мне это транспортное средство показалось очень занятным, никогда такого не видел.

Ящерица доставила нас к причалу, где уже покачивалась на волнах красавица яхта. К сожалению, я не специалист в мореплавании, хотя мне и доводилось встречать парусные суда в некоторых мирах. Наша яхта в длину была метров пятьдесят, с низкой осадкой и летящими очертаниями. На ней имелось пятнадцать кают класса «люкс», довольно большой площади и со всеми удобствами.

Мои подопечные проследовали на борт и начали распределяться по каютам. Фирма «Зори Земли» прислала пожи-

лого экскурсовода, который должен был развлекать пассажиров рассказами о неведомой земле, а заодно и руководить всей поездкой.

Ярослав Степанович, так звали экскурсовода, быстро нашел каждому подходящее помещение. Как и ожидалось, с его выбором были согласны все, кроме Виолетты Корсаровой. Она сомневалась в том, что им с мужем достались лучшие каюты, осмотрела несколько разных и выбрала для себя ту, в которой жил капитан. Бедняге и в голову не приходило, что в его незапертое жилище может кто-то проникнуть. Но Ярослав Степанович быстро успокоил ретивую даму, сообщив ей, что во время шторма эту каюту заливают сильнее всего. Виолетта испугалась и послушно прошла в ту, что выбрал для нее старик-экскурсовод. Он при этом хвалил внешность скандалистки и громогласно беспокоился о ее безопасности и удобствах. В результате Корсарова заселилась в пятую каюту, а ее муж, к своему огромному облегчению, занял шестую. В этот раз сдвоенного помещения не нашлось, так что Владимир имел возможность немного отдохнуть от воинственной супруги.

Капитан Носатов оказался славным мужиком. Он ходил по морям уже почти двадцать лет и знал все торговые и туристические пути вдоль и поперек. Основные сведения о яхте я получил как раз от него. Носатов пригласил меня к себе в каюту после ужина, и мы немного поболтали за чашкой чая. Можно было бы и рома выпить, мне давно хотелось попро-

бовать настоящий, а не синтезированный на Гее, но капитан был при исполнении, да и я тоже.

Я рассказал ему о посещении предыдущей параллели, о выпавших на нашу долю приключениях, а он поделился сведениями о яхте, на борту которой нам предстояло провести две недели. Вообще-то парусное судно не успело бы добраться до Атлантиды за такой срок, но наша красавица «Розалинда» в дополнение к парусам имела дизельный мотор, позволявший не терять время в полный штиль. Очертания «Розалинды» относили ее скорее к классу парусных судов: низкая осадка, киль, плавные очертания корпуса. Благодаря этому она не дрейфовала при ходе курсом в полветра, как это случается с моторными судами. Площадь руля у нее больше, чем у моторных судов, а винт меньше, чтобы не создавать торможения при ходе под парусами. Маломощный двигатель предназначался для маневрирования в порту или гавани с извилистым фарватером, а также движения в штиль.

Я слушал эти технические подробности без особого интереса, просто не желая обижать капитана. Мне тогда казалось, что все это не имеет никакого значения. Позже выяснилось, что я заблуждался.

Ярослав Степанович развлекал экскурсантов рассказами об Атлантиде. В древние времена вся жизнь сосредотачивалась в центре материка, на искусственно созданном острове. Он образовался из-за прорытых атлантами каналов, позволявших морским судам подходить к стенам столицы. Сейчас

древний город стал историческим центром. Он поддерживался в идеальном состоянии как по причине ценности для науки и культуры, так и из-за высочайшего качества строительства. Его окружали три стены, наружная была покрыта слоем меди, следующая – оловом, а последняя – орихалком. Что это такое, так никто в наши дни и не знает, а атланты ковырять стену не разрешают.

Вообще, Ярослав Степанович оказался кладезем интересной информации. Вот только все время сносило его то на рыбалку в прошлом году, то на поездку на Красное море и виды тамошних рыб. Держать его в русле экскурсии оказалось непросто, тем более что Кочетков и Гольдман и сами были рыбаками и с удовольствием слушали байки старика.

Благодаря форме корпуса и килю яхту почти не качало на волнах, поэтому бодрые отдыхающие после ужина отправились танцевать. Для этой цели на судне имелся небольшой зал, примыкавший к ресторану. Старик экскурсовод с горя заказал графинчик водки и теперь уже в одиночестве вспоминал свою бурную жизнь. Мне хотелось узнать еще что-нибудь из жизни атлантов, но Ярослав Степанович быстро сошел с рельсов, и все, что я узнал – атланты очень высокого роста. Метра два или два с половиной, так что я со своим средним ростом (метр восемьдесят) буду тамошним девушкам по плечо. С этой грустной информацией я ушел спать, так как деваться с судна экскурсантам было некуда.

Лера

Еще утром вода сияла как зеркало, светило солнышко и легкий ветерок колыхал наши шевелюры, у кого они были. Качка почти не ощущалась. Но после обеда небо заволкли тяжелые тучи, ветер усилился. Волны с шумом обрушивались на борта нашей яхты. Они пока не могли подняться выше палубы, но уже стало страшно. Корабль ходил ходуном.

Команда, которая по прогнозам погоды с суши уже знала о надвигающемся шторме, готовилась к разгулу стихии. Нас пока не пугали, но уже слышались команды капитана:

– Свистать всех наверх! Задрать люки, натянуть леер, зарифить грот, курс бейдевинд, скорость пять узлов.

Он давал еще какие-то указания, в которых я ничего не понимала. Было только ясно, что мы пойдем не на моторе.

Качка усиливалась. Я не страдала морской болезнью, но Виолетте и Кочеткову стало по-настоящему плохо. Их пришлось проводить в каюты, где они все равно не могли справиться с приступами тошноты. Да и бросало нас от одной стены до другой. Мы их еле довели. Я осталась в коридоре, поскольку там предусмотрительно сделали перила, за которые я и держалась, чтобы не упасть.

Море разбушевалось вовсю. Вода стала заливаться в помещение, поскольку люк, ведущий из жилых помещений на палубу, закрыли неплотно.

Все-таки я решила пойти в каюту. Оттуда через иллюминатор можно было наблюдать за волнами. По-моему, их высота уже достигала метров двадцати. Они были явно выше пятиэтажного дома. Я вцепилась руками в полку, на которой спала.

Пассажиров по радио попросили занять свои каюты. Стихия разгулялась не по-детски. Волны заливали палубу и смывали с нее все незакрепленные предметы. В основном это были забытые шезлонги для экскурсантов. Команде уже было не до таких мелочей. Шум стоял, как на аэродроме. Матросы привязали себя спасательными веревками, чтобы их не смыло в открытое море, и, передвигаясь по палубе, держались за леер. Корабль кренился градусов на тридцать относительно горизонтали. Капитан орал в мегафон:

– Зарифить паруса! Отдать плавучий якорь! Пассажирам надеть спасжилеты и оставаться в каютах.

Я сидела, если можно сидеть при такой качке, ожидая команды «Покинуть корабль!». Это бы значило, что нужно добираться до палубы и прыгать в шлюпки, чтобы спасти свои жизни, поскольку корабль начал тонуть.

Психовала не только я. В соседней каюте Виолетта закричала мужу истерику, что она не для того платила бешеные деньги, чтобы погибнуть во цвете сил. Ее вопли нервировали меня, да наверное, и всех пассажиров, которые тоже не хотели погибать относительно молодыми.

Если бы не было так страшно, то можно сказать, что зре-

лице открывалось величественное. Я никогда раньше не видела вживую море в таком состоянии. Действительность превосходила все полотна Айвазовского. Огромные волны заливали иллюминатор полностью. Казалось, что яхта целиком погружалась в воду.

Нас бросало вниз и вверх по волнам около пяти часов. И вдруг все кончилось так быстро, будто ничего и не было. Море успокоилось, тучи ушли в сторону. Ко мне в каюту постучали. Я открыла дверь и увидела зеленого от морской болезни Гольдмана.

– Лера, ты как? – прохрипел он.

– У меня все в порядке, Жорик. А тебе еще плохо? – спросила я.

– Нет, сейчас уже ничего, – ответил он, – я пойду в рубку, спрошу капитана, нет ли повреждений у нашей яхты.

– Тебя проводить? – спросила я.

– Что, я так жалко выгляжу? – криво усмехнулся Гольдман, – это я тебя должен провожать. Но ты лучше сиди тут. Я на обратном пути к тебе зайду и расскажу, что удалось узнать.

Я согласилась и стала ждать Жорика. Я не знала, что случилось с яхтой, но чувствовала, что мы дрейфуем. Гольдман вернулся через полчаса. Лучше выглядеть он не стал. Цвет лица не изменился, а в глазах читался ужас.

– Ну как? – спросила я, – есть поломки?

– К сожалению, да, – ответил Жорик, – сломана грот-мач-

та. Поэтому капитан решил идти на других парусах, забыл, как они называются. И еще, кок пропал. Капитан говорит, что возможно, его смыло волной.

– Ужас какой! Но хоть это все? – ахнула я.

– Нет, не все, – угрюмо сказал Гольдман, – приборы, показывающие наше местоположение, вышли из строя.

– А секстант? – спросила я.

– У него разбиты зеркала, – ответил Гольдман.

– Ну есть же рация, – предположила я.

– Рация не работает, – сказал Жора, – ее кто-то вывел из строя.

– То есть как? Связи с центром управления движением судов нет? – не поверила я.

– Нет, мы предоставлены сами себе, – подтвердил Гольдман, – хорошо, что у нас есть вода и еда. Яхта затаривалась сразу на путь туда и обратно, поэтому дней на десять провианта хватит.

– А кок, значит, утонул? – все еще не могла поверить я.

– Неизвестно, – сказал Жора, – когда я выходил от капитана, вошел боцман и сказал, что пропала одна из двух шлюпок.

– То есть парень испугался, что корабль потонет, прыгнул в шлюпку и решил спастись один, – предположила я.

– Будем надеяться, что так, – проговорил Гольдман.

На что он намекал, я не поняла, но решила сама пройтись по яхте и посмотреть на разрушения от шторма. Кроме

поломанной грот-мачты, снаружи видимых повреждений не было. Все лебедки, блоки и что там еще на палубе находилось, крепились к полу надежно. Другая картина наблюдалась внутри. В коридоре стояла вода, доходя мне до щиколоток. Ковер намок. В столовой все стулья валялись на полу. Столы сдвинулись к стене в одну кучу. Хорошо, что на них ничего не лежало.

Ввиду малочисленности нашей команды пассажирам пришлось принять участие в наведении порядка. Капитан командовал, боцман, заменяя кока, готовил ужин. Нам помогал матрос Коля Ветерков.

Я вместе с Юрой и Веней пыталась убрать лишнюю воду самым первобытным образом – ковер мы выжимали, сливая воду в таз, который принес Коля. Хорошо, что, как сказал Ветерков, были открыты сливы в кокпите. Так что вода постепенно уходила сама. Что такое кокпит я не знала, а спрашивать у Коли не было времени.

Виолетта принимать участие в уборке отказалась, мотивируя это стоимостью путевки на экскурсию. Жора плохо себя чувствовал. Кочетков и Бархатов куда-то пропали. Возможно, просто заперлись в каютах, чтобы к ним не приставали. Маевский лихорадочно зарисовывал в блокноте картины шторма и попросил освободить его от других работ. Вовка Корсаров вместе с нашим сопровождающим Лопатиным и Сеней Протасовым выжимал ковер в противоположной стороне коридора.

Насчет Кочеткова и Бархатова я и не питала иллюзий, но на Марсея обиделась. Хотя, может и зря. Возможно, его не так часто посещает вдохновение.

С этого момента началось наше плавание в неизвестность. Боцман ориентировался по звездам и солнцу, составляя наш маршрут. Но ни он, ни капитан не могли определить наши точные географические координаты. Мы продолжали плыть на запад, надеясь, что корабль не отнесло слишком далеко, и мы движемся к Атлантиде.

Георгий

С Лерой я общался совершенно нормально. Ни я, ни она не напоминали друг другу о моем предложении руки и сердца. Возможно, я зря начал перечислять ей всю выгоду нашего союза. Надо было читать ей стихи и признаваться в любви. Но я не думал, что она верит во всю эту ерунду. Ну хорошо. Если надо, я выучу пару стихотворений и прочту ей. Поскольку наша яхта неспешно плыла по открытому океану и неясно было, когда мы хоть куда-то приплывем, время поучить стихи у меня имелось.

Шел седьмой день после шторма. Поскольку какой-то идиот вывел из строя рацию, мы не могли связаться с Атлантидой. Капитан ходил по судну с невозмутимым лицом. Но он был плохим актером и не мог скрыть беспокойство в глазах.

Эта рация не давала никому покоя. Конечно, могло случиться так, что кто-то из нас заинтересовался ее устройством, стал ее крутить, нажимать на кнопки, пока прибор не сломался. А если кто-нибудь намеренно испортил рацию? Но для чего?

На следующий день к вечеру мы, наконец, приплыли. То есть, набрели на кавалькаду рыболовецких шхун. А они, как известно, не уходят слишком далеко от берега. Одна из них поплыла нам навстречу. Мы не поняли, зачем, но нам это

было на руку. Капитан собирался спросить у них, где мы находимся и далеко ли до главного порта Атлантиды, куда мы держали путь.

Приближающаяся шхуна плыла на моторе. То есть рангоуты у них были – две мачты: фок и грот, но паруса были опущены. Размером она казалась издалека примерно двадцать метров в длину и четыре-пять в ширину. Не доплыв до нас метров двести, команда шхуны спустила на воду четыре шлюпки. Туда спрыгнули по пять матросов и направились к нашей яхте. Мы все еще ничего не понимали, но тут на шхуне появились люди с винтовками в руках. Их предводитель махнул рукой, и нас начали обстреливать.

Я жутко испугался. Капитан заорал: «Лечь! Всем лечь на палубу!»

Все повалились на палубу, но одна пуля достала Сеню Протасова. Хорошо, что его ранили в ногу, а не в какой-нибудь жизненно важный орган. Сеня не успел лечь, стоял рядом со мной, и я видел, как на палубу полилась его кровь. Я приподнялся, схватил его за руку и потянул вниз. Он со стоном повалился рядом со мной.

Тут отличился матрос Коля. Ему удалось добраться до чьей-то каюты. Видимо, он схватил с кровати простыню, намотал ее на швабру и прибежал обратно на палубу. Размахивая импровизированным белым флагом, он встал во весь рост. Нападавшие увидели его и перестали стрелять.

Но их шлюпки добрались до нашей яхты. Используя лест-

ницы с крючками на концах и кошки с канатами, пираты взобрались на нашу палубу. Их было человек двадцать, то есть больше, чем нас. Хотя мы и не думали сопротивляться – у бандитов имелись револьверы и ножи, а мы были не вооружены.

Пираты разделились на две группы. Одна из них, большей численности, начала нас связывать. Чтобы не получить лишних травм, мы не сопротивлялись. Другая группа бандитов полезла в наши каюты в надежде чем-нибудь поживиться.

Как ни странно, один из пиратов перевязал Сене ногу куском нашего белого флага. Я лежал связанный по рукам и ногам и думал. А что еще мне оставалось? А думал я о том, почему пираты на нас напали? Обычно такие разбойники нападают на большие корабли, где можно добыть много денег и ценностей. Наша яхта была маленькой. Сразу становилось ясно, что на ней вряд ли много народа, а значит, и ценностей мало.

Но если пиратам кто-то рассказал, что на яхте плывут очень богатые люди – у одной Пятаковой украшений столько, что хватит новую яхту купить – то все становится понятным. А кто мог связаться с пиратами? Пропавший кок. Тогда и поломка рации становится объяснимой.

Через какое-то время орудовавшая в каютах часть банды появилась на палубе с узелками, сделанными из наших простыней. В каждую шлюпку прыгнул с борта яхты один пират, то есть в шлюпках их оказалось по двое, а остальные стали

бросать им узелки. Я надеялся, что этим дело и закончится, нас оставят в покое, но не тут-то было.

В шлюпки прыгнули еще по одному бандиту. Остальные начали поднимать участников нашей экскурсии и бросать в свои шлюпки. Я уже приготовился, что мне сломают шею. Но пираты ловко ловили связанных пленников и укладывали на дно между лавками.

Мы подплыли к их шхуне, откуда спустили крючки на канатах. К крючку за связывающие нас веревки прицепляли моих одноклассников и поднимали на борт их шхуны. Веревки впивались в наши тела, и было очень больно. Я рассказываю обо всем спокойно, но в тот момент мне было жутко страшно.

Я не понимал, зачем мы нужны пиратам. Может, они каннибалы? Тут я вспомнил прочитанные в огромном количестве в подростковые годы книги о пиратах, и подумал, что нас могут продать в рабство. Но неужели в столь цивилизованном обществе есть рабы?

На этот вопрос ответ мы получили нескоро. А пока нас бросили в пропахший тухлой рыбой трюм их шхуны. Там нас напоили какой-то водой, от которой мы почувствовали такую слабость, что невозможно было шевельнуть ногой или рукой. Все так хотели пить, что отказаться никому не пришло в голову.

Потом нас развязали и оставили в покое. Люк, естественно, закрыли. Когда я немного пришел в себя, то решил об-

следовать помещению. Трюм делился на три части. В одной лежали наворованные пиратами вещи, в другой сидели мы прямо на полу, в небольшой третьей части стояла бочка с пресной водой, наполненная наполовину, и параша, как в тюремной камере. Стало ясно, что воровать людей у этих бандитов – постоянное занятие.

Я, преодолевая отвращение, набрал в руку воды из бочки и умылся. Стало немного легче. Остальные еще не пришли в себя. Я присел около Леры и похлопал ее по щекам.

– Пить, – простонала она.

Я еще раз набрал в руки воды из бочки и осторожно залил ей в рот. Она глотала с жадностью.

– Где мы? – спросила Новицкая.

– Мы в плену у пиратов, – ответил я.

– Все живы? – спросила она опять.

– Не знаю, – сказал я, – сейчас проверим.

Я стал повторять процедуру с хлопаньем по щекам со всеми пленниками. Очень быстро все очнулись. Плохо было только раненному Сене Протасову и нашему экскурсоводу Ярославу Степановичу. У старика от переживаний прихватило сердце или давление поднялось, понять без тонометра было невозможно.

У Сени же поднялась температура. Он весь горел. Я боялся заражения крови, но не знал, чем ему помочь. Тут решительная Лера нашла в отсеке с ворованными вещами зонт на длинной ручке и стала стучать им в люк. Я хотел ее остано-

вить, понимая, что от пиратов не дождешься помощи, а она меня не слушала.

Люк открылся, и здоровый детина в тельняшке и бандане на голове спросил по-русски:

– Чего вам?

– У нас тут больные. У раненного температура высокая, а старику плохо с сердцем, – ответила Лера.

Парень, ни слова не говоря, закрыл люк. Я не ожидал ничего другого. Хорошо еще, что он не причинил Лере вреда.

Но через десять минут люк снова открылся, в него спустили лестницу, и к нам снизошел один из пиратов. В его руке был чемоданчик. Я думал, что там пистолет, и он застрелит раненного и больного, а там оказались медицинские инструменты и лекарства. Лестницу пираты быстро убрали и люк закрыли.

Выглядевший вполне прилично пират в спортивном костюме, с худым интеллигентным лицом и небольшой каштановой бородкой сначала подошел к экскурсоводу, померял ему давление, после чего сделал укол. Потом он подошел к Протасову, перевязал ему ногу, продизенфицировав сначала рану, и тоже поставил ему укол. Затем этот горе-врач позвал к себе Леру и выдал ей упаковку таблеток, сказав, чтобы она давала их по одной Сене каждые четыре часа. Часов у нас не было – все ценное забрали бандиты, но судовой колокол исправно бил склянки, и отсчитать восемь склянок было нетрудно.

Потом врач постучал тем же зонтом в люк, он опять открылся, появилась лестница, и бандит поднялся вверх, после чего все убрали и люк опять закрыли.

– Странно, – сказала Лера, – что это они так возятся с больными?

– Ну, если ты их вызвала, то на это и рассчитывала, – заметил я.

– У меня не было другого выхода, – возразила Новицкая, – но все же странно...

– Этому есть только одно объяснение, – хмуро сказал я, – они хотят продать нас в рабство, а здоровый человек стоит больше больного.

Эта мысль Лере не понравилась, но другого объяснения у меня не было. Мы с ней вернулись от люка, который находился в отделении с наворованным, к остальным пленникам и стали вместе с Лопатиным и Толстоуховым придумывать, как нам сбежать. Хорошей идеи пока ни у кого не возникло.

Фонтанировала дурацкими идеями только Пятакова. То она предлагала проделать в обшивке дырку и вылезти через нее, не понимая, что в отверстие хлынет вода. То хотела лезть через люк. Но там, скорее всего, сидела охрана. Пираты знали, что другого выхода из трюма нет.

У остальных настроение было паршивое. Все понимали, что нам отсюда не выбраться. Оставалось ждать, пока нас продадут в рабство, и пробовать бежать, уже находясь на твердой почве.

Мне было страшно, хотя и занято. В такую ситуацию я попал впервые. Появилось ощущение, что я сплю, и вся бо-
дьяга с пиратами мне привиделась во сне.

Полетели дни в ожидании дальнейшей судьбы. Нас кор-
мили дважды в день копченой рыбой с сухарями. Пили мы
воду из бочки. Вместе с едой нам спустили кружку, и обрат-
но мы ее не отдали. Рыбу к концу путешествия никто не мог
видеть. Наверно, я не смогу ее есть еще несколько лет.

И вот, наконец, шхуна пришвартовалась. Мы почувство-
вали, что она больше не движется. Что нас ожидало дальше,
представить себе было трудно.

Лопатин

Я уже говорил, кажется, что мне пришлось немало полетать. Я был на многих планетах и попадал на них в разные переделки. Как и у других опытных космонавтов, у меня выработалось особое чутье. Приближение опасности вызывает спазм в животе, волосы на спине встают дыбом. Видимо, эта особенность досталась нам от шерстистых предков.

Беспокойство у меня вызвала резкая смена нашего положения. После швартовки мы сидели в трюме еще часа три. Затхлый воздух сгустился, так как исчезло даже то малейшее дуновение, что сопровождало нас в плавании. К тому же, вода в порту, видимо, была не слишком чистой. Дышать стало совсем трудно, и я боялся, что некоторые из пассажиров не выдержат. К примеру, Бархатов, с его изнеженностью и лишним весом, вполне мог лишиться чувств.

Как не странно, женщины держались. Я давно заметил, что по внешнему виду человека трудно судить о его выносливости. Лера – девушка с характером, а вот от Виолетты я ничего такого не ожидал. Но даже она не билась в истерике, не голосила, а молча сидела и ждала. Как и все мы.

Наконец люк открылся, в трюм проник свежий воздух. И пусть он пах протухшей рыбой, водорослями и машинным маслом, он показался нам слаще меда.

Захватившие нас пираты с нами не разговаривали, между

собой они говорили на неизвестном мне языке. Лингвистор, по понятным причинам, мне взять с Геи не удалось, так что понять речь этих оборванцев я не мог. Мне кажется, что-то улавливал только Вениамин. Станный он человек. Определенно, он много знает и понимает, но не спешит делиться имеющейся информацией.

В просвете люка показался один из бандитов, спустил лестницу и знаками показал, что мы должны выходить. Первым героически отправился Георгий. То ли он безрассудно храбр, то ли верит, что с ним ничего не случится.

Впрочем, так и получилось. Мы с Вениамином помогли подняться женщинам и Протасову, остальные вылезли сами. На палубе нас ждал краснокожий человек в элегантном костюме. Виолетта сразу воскликнула: «Какая замша! Я тоже хочу такой костюмчик». Незнакомец обратился к нам с какой-то затейливой фразой, очевидно, принятым в этой стране приветствием. Мы не поняли, что он имел в виду, но радостно заулыбались. Говорил он по-русски, хоть и с акцентом. Очевидно, к нам приставили переводчика.

Все это было странно, странно до ужаса. Рабов, которых доставили в вонючем трюме, не усаживают потом в повозку, не угощают прохладительными напитками. Их сковывают в одну цепь и гонят, как скот.

Нас же поместили на удивительные транспортные средства, я таких нигде не видел. Они представляли собой сиденья, расположенные на горизонтальных складных рамах. В

нижней части повозки толстое деревянное основание, призванное придавать сооружению устойчивость, покоилось на резиновых шарах. В движение повозка приводилась мотором, который явно не использовал нефтепродукты. Запах от него шел странный, видимо, горючую жидкость получали из каких-то незнакомых мне растений.

Особенностью повозки было то, что ее можно было расширять и сужать в зависимости от ширины дороги. Правда, выяснилось это позднее, а пока мы с комфортом отправились по хорошей дороге в глубь страны, оставив за спиной море.

В каждую повозку кроме водителя помещалось только два человека, я оказался в паре с Вениамином. Переводчик ехал в другой машине, так что я решил поговорить и выяснить, что ему известно. Но Вениамин, убедившись, что никто этого не видит, приложил палец к губам. Этот красноречивый жест сказал мне очень много. Очевидно, он не верит, что водители не в состоянии нас понять. В чем же дело? Впрочем, в сравнении с трюмом наше положение значительно улучшилось.

Поскольку разговор пришлось отложить, я стал осматривать окрестности. Мы ехали по большому городу, но какой это был город! Никогда не видел ничего подобного.

Гладкие узкие улицы пронизывали его во всех направлениях. Каждые сто метров вдоль дороги стояли лавочки, на многих из которых сидели люди. Похоже, поскольку движе-

ние в городе в основном было пешим, для отдыха идущих и предусматривались мелкие удобства.

Дома, выстроенные из натурального нетесаного камня, сияли всеми цветами радуги. По преимуществу одноэтажные, они сменялись высокими лишь в центре, лежавшем в широкой долине. Остальные здания располагались на склонах гор террасами. Поэтому любое передвижение по городу состояло из бесчисленных спусков и подъемов.

Мы въехали в узкую улочку, и я стал рассматривать окружающие строения. Некоторые стены слагались из камней разного цвета так, чтобы получалась картина или хотя бы приятный глазу узор. Другие были оштукатурены, а по ровной поверхности шли картины, настолько тонко выполненные, что даже я, полный профан в живописи, понял, что это настоящее искусство.

Наша повозка свернула еще раз и вырвалась из путаницы пестрых улочек. Наш путь лежал к центру, застроенному причудливыми сооружениями. Они представляли собой пирамиды, сформированные четко выполненными террасами. Каждая следующая была меньше нижней примерно на метр. С одной стороны на самый верх вела лестница без перил, но с комфортными широкими ступенями. Все пирамиды сияли ярким красным цветом, но штукатурка это или какой-то минерал, понять издалека было невозможно.

Внезапно повозка остановилась. Мы оказались у входа в пятиэтажное здание со стенами, расписанными странны-

ми фигурами красного, черного и желтого цветов. Водитель спустился на дорогу и жестами пригласил нас следовать за собой. Мы с Вениамином покинули повозку и вошли в здание.

Наши экскурсанты толпились вокруг переводчика. После нас появились женщины. Лера выглядела настороженной, а Виолетта наслаждалась вниманием незнакомых мужчин. Владимир поглядывал на нее неодобрительно.

Переводчик с трудом объяснил нам, что проводит нас в предоставленные нам покои. Он так и сказал: «покои». В его речи, кроме акцента, присутствовали непонятные мне слова. Ясно, что русский на этой параллели отличался от привычного мне, да и, похоже, от того, на котором говорили на Земле XVIIa.

Женщин разместили на третьем этаже, а мужчин на четвертом. Я успел заметить, что первый этаж весь был занят вооруженными мужчинами, охранявшими вход и лестницы. Лестниц было много. Никаких привычных нескольких пролетов. Ряд ступеней, спрятанных за неотличимой от других дверью, вел на следующий этаж. Затем следовало пройти по коридору, делавшему несколько поворотов, и войти в следующую неприметную дверь, чтобы подняться еще на этаж.

Путь наверх занял довольно много времени, но зато я заметил, что все стражники, как я мысленно их называл, сосредоточились на первом этаже. Выше их не было. Одной из причин такого распределения сил было то, что окна в зда-

нии начинались с третьего этажа, да и то, было их немного. По окну обнаружилось в комнатах, отведенных женщинам. Правда, это я узнал позже.

Наших дам увели, а мы проследовали дальше, еще на один этаж. Наконец переводчик распахнул дверь перед Вениамином. Тот вошел, а меня сразу настойчиво пригласили пройти дальше. Но наконец обнаружались и отведенные мне апартаменты.

Я хорошо ориентируюсь, поэтому запомнил дорогу от дверей Вениамина до моих. Интересно, где остальные мужики из нашей компании? Впрочем, это должно было выясниться позднее. А пока я стал знакомиться со своим временным жилищем.

Оно состояло из четырех комнат. Первая, самая большая, была устлана разноцветной циновкой. Стены покрывала художественная роспись, впрочем, довольно угрожающего содержания. Странные воины в головных уборах из перьев и набедренных повязках заносили ножи над какими-то перепуганными щуплыми человечками. В одном углу художник изобразил холм из черепов, в другом что-то вроде театральных масок с зверскими выражениями лиц.

Из мебели здесь были только стол и лавка. На полу валялось несколько ярких подушек с геометрическим узором. Я понял это так, что хозяева старались угодить гостям с разными привычками. Можно было сидеть на лавке, а можно – скрестить ноги и водрузиться на подушку.

В следующей комнате, проходной, мебели не было вообще, зато было окно. Оно располагалось на высоте моего роста и по размеру напоминало форточку. Ужасная живопись присутствовала и здесь.

Следующее помещение предназначалось для сна. В его середине находилось ложе, накрытое меховыми одеялами. К спальне примыкала крошечная комнатенка, выполнявшая функции санузла. Дверей между комнатами не было, закрывалась только входная.

Мой провожатый ушел. Я умылся водой из большого медного кувшина, стоявшего в санузле, и вернулся в первую комнату. Надо было подумать, во что это мы влипли.

Правда, долго думать мне не дали. Пришел наш переводчик и предложил следовать за ним. Он проводил меня по сложной системе коридоров и лестниц на третий этаж. Здесь располагалась столовая. Или пиршественная зала?

Очень большая комната была украшена уже привычными росписями. Всю ее середину занимал низкий стол. На нем стояли причудливые сосуды с какой-то жидкостью. Несколько странных тарелок, по числу гостей, были разложены по краю. Вдоль стен стояли лавки и лежали подушки. Привычная картина.

Женщины подошли к столу и растерянно оглаживались. Все мы хотели есть, но не решались ничего трогать. Поймав взгляд Виолетты, переводчик хлопнул в ладоши, и в комнату тотчас вошли девушки в набедренных повязках. Их длинные

волосы оплетали гирлянды из цветов и жемчуга. Девушки быстро перенесли скамьи к столу, а наш провожатый сделал приглашающий знак рукой.

Мы разместились за столом. Не прошло и минуты, как одна из красавиц внесла поднос с экзотическими фруктами. Вторая – с разным мясом. Что за животное нам подавали, я определить не смог, но пахло умопомрачительно.

Столовые приборы нам не полагались, зато выдали стаканы. По-моему, они были сделаны из какого-то растения.

– Тыква, – коротко бросил Вениамин, которому досталось место рядом со мной.

Похоже, из тыквы были и тарелки. Впрочем, это никого не интересовало. Все потянулись за едой. Вкус у мяса оказался непривычный, но приятный. Честно сказать, на некоторое время я отключился и сосредоточился на еде.

Дивные девушки, доставившие нам еду, унесли опустевшие подносы и взамен поставили на стол что-то вроде кастрюли с горячей жидкостью. Как выяснилось, это был шоколад или, может быть, какао. Потягивая бодрящий напиток, я начал оглядываться по сторонам.

Красотки, обслуживавшие нас, стояли у стен, готовые выполнить любое распоряжение переводчика. Что это были за красавицы! На Гее немного нашлось бы девушек, способных конкурировать с ними. Если бы существовали конкурсы красоты, каждая из них претендовала бы на корону королевы. Тонкие талии, широкие бедра, крепкие округлые груди. Не

зря они носили лишь набедренные повязки. Такую красоту грешно прятать под одеждой.

Вениамин толкнул меня в бок.

– Надо поговорить, – одними губами прошептал он.

Я коротко кивнул. Кажется, наш разговор прошел незамеченным.

Насытившись, экскурсанты поднялись. Женщины начали рассматривать помещение: Лера заинтересовалась росписью, а Виолетта подошла к окну.

– Ой, посмотрите, что там, – вдруг взвизгнула она.

Все бросились к окну. Здание, в котором мы находились, располагалось на склоне холма. Из окна столовой открывался прекрасный вид на центр города.

Долина лежала перед нами, как на ладони. Небольшие пирамиды, о которых я говорил, располагались по ее контуру. В центре, на перекрестке двух широких дорог, стояла большая пирамида той же конструкции, что и малые. А по углам площади находились огромные головы. Они смотрели на большую пирамиду. Каждая голова была высотой с двухэтажный дом и сияла на солнце чистым золотом.

Но переводчик не дал нам насладиться великолепной панорамой. Он любезно, но твердо попросил нас вернуться в свои комнаты.

– После заката, – шепнул мне Вениамин и прошел мимо.

Юрий

После вечерней трапезы, слишком поздней для обеда, но ранней для ужина, нас снова разогнали по комнатам. Не знаю, что чувствовали мои одноклассники, но у меня сложилось четкое ощущение, что это все не к добру. Дура Пятакова наслаждалась услужливостью индейцев, пыталась кокетничать с переводчиком. Правда, он, как истинный индеец, даже бровью не повел. Спокоен, как горы Кавказа. Бархатов с величественным видом принимал услуги, будто он китайский мандарин, а вокруг верные рабы. Неужели никто не понимает, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке?

Впрочем, я заметил, как переглядывались Вениамин и наш сопровождающий Иван. По-моему, он парень простой и звезд с неба не хватает. Хотя, конечно, в физической подготовке ему не откажешь. А вот Вениамин интересуется меня все больше и больше. Он представился нам мелким чиновником, но на какие шиши он тогда поехал на экскурсию? Да и знает он явно больше, чем говорит. Мне показалось, что он понимает язык индейцев. Откуда бы? В обычное время я бы ничего не заметил, но окружающая нас подозрительная и, возможно, опасная обстановка обострила все чувства.

Оказавшись в своей комнате, я лег на кровать. Больше делать все равно было нечего. При моем обычном образе жизни следовало бы использовать это время, чтобы отоспаться.

Но сон не шел, мешало внутреннее беспокойство. В полночь, когда ко мне в окно заглянула почти полная Луна, раздался тихий стук в дверь. Я вскочил, внутри будто пружина разжалась. Все-таки расслабляться здесь нельзя.

За дверью обнаружился Вениамин. Он приложил палец к губам и поманил меня за собой. Я вышел и тщательно закрыл дверь, чтобы никто не заподозрил неладного, но Вениамин покачал головой и вошел в комнату. В считанные секунды из валявшихся в первой комнате подушек он соорудил подобие спящего на кровати человека и лишь потом вышел, бесшумно притворив дверь.

В полном молчании мы прошли по коридору и вошли в отведенное ему помещение. Там уже сидели все наши мужики. Ясно, намечалось совещание. Показав всем знаками, что разговаривать следует тихо и эмоций не выражать, Вениамин приступил к делу.

– Все мы взрослые люди и понимаем, – начал он, – что наше присутствие здесь обусловлено важными причинами. Думаю, никому не надо объяснять, что пираты – не благотворительная организация. Вряд ли они отдали бы нас индейцам, чтобы те, в свою очередь, принимали нас, как дорогих гостей, ублажали и кормили, из чистого альтруизма. Видимо, за нас заплачены хорошие деньги. А если судить по обстановке в комнатах и в столовой, то мы здесь не первые и не последние.

– Зачем же мы им потребовались? – томным голосом

спросил Бархатов.

– Не хочу клеветать на наших хозяев, но раньше индейцы приносили своим богам человеческие жертвы. По крайней мере, на нашей Земле. Для этой цели логично купить чужеземных пленников, а не убивать своих сограждан. Хотел бы я ошибаться, но такую возможность исключить нельзя.

При этих словах у Кочеткова отвисла челюсть, а Бархатов побледнел, как бумага. Признаюсь, мне тоже стало не по себе.

– А женщины? – почему-то шепотом спросил Корсаров.

– Надеюсь, им наша участь не грозит, – спокойно ответил Рыбаков, – они не слишком юны, к тому же не девственницы.

Кочетков не сдержался и хмыкнул. Ярослав Степанович тут же начал рассказывать все, что ему известно об индейцах. По его сведениям, современная высокоразвитая цивилизация от древних обычаев не отказалась. Впрочем, хватило старика ненадолго. Он съехал на какую-то историю из своей жизни, главным героем которой был его ученик. Я так и не понял, то ли его принесли в жертву и съели, то ли он съел кого-то в назидание остальным. Вениамин довольно грубо велел экскурсоводу заткнуться.

Протасов, хоть и раненый в ногу, присутствия духа не потерял.

– Надо как-то выбираться. Никогда не мечтал расстаться с этим миром таким диким способом. Не знаю, правда, на чем мы могли бы покинуть этот гостеприимный берег. Как вы

считаете, Ярослав Степанович, сколько у нас есть времени?

Вместо старика ответил Вениамин:

– Я бы считал, что мероприятие состоится в полнолуние. Я читал, что индейцы приурочивали свои ритуалы к астрономическим событиям. Судя по диску Луны, у нас есть максимум день. Послезавтра – мой прогноз.

– Да, я уверен, что Вениамин прав, – поддержал его Иван с таким видом, будто действительно разобрался в астрономии.

– Я предлагаю распределиться по группам, – подхватил Вениамин. – Семен у нас раненый, Ярослав Степанович тоже вряд ли сойдет за боевую единицу. Кто из оставшихся готов рискнуть ради спасения всех нас?

– Я, – сказал Иван. – К тому же, я ваш сопровождающий, и это мой прямой долг.

– Я тоже хотел бы принять участие, – сказал Георгий.

Глаза его горели, словно нам предстояло не опасное предприятие, а увлекательное путешествие.

– Покинуть это здание непросто. – Вениамин, похоже, уже обдумал какой-то план. – Непросто, но возможно. Охраняется только первый этаж. Но все равно, ни на первом, ни на втором нет окон, оттуда не уйдешь. Остается крыша. Нам придется произвести разведку. Если найдем хоть какой-то приемлемый вариант, используем его, не откладывая. Надо ведь и женщин эвакуировать.

– Женщин? Зачем? – удивился Кочетков. – Сам же говоришь, что их в жертву не принесут.

Вениамин усмехнулся.

– Ты хотел бы, дружок, остаться здесь навсегда? В качестве раба? Или белого прислужника знатного индейца?

Кочетков заткнулся, но взглянул на Рыбакова так злобно, словно хотел испепелить взглядом.

В результате решили, что на следующую ночь Лопатин с Вениамином, как самые спортивные, отправятся на разведку. Если они найдут выход, то сразу позовут остальных. Всем было велено подготовиться и не спать следующую ночь. Предупредить женщин должен был я. Как бы я хотел, чтобы все уже было позади! Откровенно говоря, я не так уж дорожу своей жизнью, но вот Лера... Хотелось бы вернуть ее домой целой и невредимой.

Рыбаков

Мы с Иваном тихо выскользнули из комнаты и направились вдоль коридора. Пришлось снять ботинки и идти босиком. Остальным следовало сидеть и ждать нас, вот только будут ли? Юрий должен был отправиться к женщинам. Задача для него непростая, так как комнат, в которые их поместили, он не знал. Ему пришлось бы обследовать весь третий этаж, найти наших девушек и предупредить, что побег может состояться уже этой ночью. Если мы с Иваном найдем выход, откладывать будет нельзя.

Я проинструктировал всех, чтобы, если мы не вернемся к утру, они часа в четыре разошлись по своим «номерам», а побег тогда автоматически перенесется на следующую ночь. Следить за временем вызвался Юрий. У него сохранились часы, чудом не замеченные пиратами. Видимо, он вовремя снял их и убрал в узкий карманчик джинсов. Оставлять нашу пеструю компанию без присмотра не хотелось, я так и чувствовал, что они все перепутают и где-нибудь проколются, но другого выхода не просматривалось.

Иван шел легко и бесшумно. Отличная форма у этого парня, просто удивительно, как он поддерживает ее на такой работе!

Обходить коридор мы решили, как пещеру, по правилу правой руки. Это позволяло не пропустить ни одной двери

или ниши, где могла скрываться лестница наверх.

Мы медленно двинулись по коридору. Для начала хорошо бы найти путь на пятый этаж. Насколько я заметил перед тем, как нас заперли в здании, он должен быть последним.

Дом вовсе не был безмолвным, он жил какой-то своей внутренней жизнью. Шорохи, звуки капель, приглушенные стоны доносились до нас с разных сторон. Я не из трусливого десятка, но, признаться, порой у меня по телу бежали мурашки.

С десятков шагов – и перед нами оказалась дверь. Я не видел ее, скорее ощутил изменение плотности стены. Прежде чем отворить, прижался щекой к еле заметной щели. Движения воздуха не ощущалось. Ручки не было, но мне удалось нащупать какую-то выпуклость, возможно, часть барельефа. Попробовал сдвинуть ее вправо, потом влево. Ни попытки надавить, ни сдвинуть результата не дали. Тогда я ухватился посильнее и потянул выступ на себя. Дверь открылась.

Внутри царил темнота. Входить в помещение не хотелось. Ни я, ни Иван не имели представления о планировке здания. Передвижение вслепую могло не просто завести нас в засаду, мы рисковали провалиться в специально построенную ловушку.

У меня в поясе всегда есть крошечный фонарик, но в такой кромешной тьме даже слабенький рассеянный луч выдал бы нас с головой. И тут неожиданно Иван протянул мне слабо светящийся камешек. Это был один из тех живых ор-

ганизмов, которые Пятакова притащила в автобус. Оказывается, наш сопровождающий сохранил его для себя. Хотел бы я знать, зачем...

Одинокий камешек по силе света напоминал гнилушку. Разглядеть мы ничего не смогли, но свечение позволило определить, что перед нами не яма, а твердый пол. Бесшумно скользнув в проем, мы принялись ощупывать стену с правой стороны, но никаких новых дверей или тайных коридоров не обнаружили. Оштукатуренные стены покрывали какие-то рисунки, вряд ли отличавшиеся по сюжету от прочих в здании. Разглядеть их в исходящем от камешка свечении не удалось, да это и к лучшему. Страшные красно-черные маски с разверстыми ртами и высунутыми языками лично мне давили на психику и при свете дня. Зато в глаза бросились черные пятна, очевидно, являвшиеся ушами изображенных существ.

Я приник к одному из них и с изумлением услышал голос Протасова. Я довольно много знаю об индейцах на нашей родной Земле, и эти знания подсказывали мне, что весь дом, в котором нас разместили, должен пронизываться слуховыми трубами. Однако следовало сообщить об этом и Ивану, а как это сделать?

Я потянул его за одежду. Я уже говорил, что в коридорах и в найденной камерке царила полная темнота. Мне не привыкать ориентироваться на ощупь и по потокам воздуха, а вот как двигался Иван, я понять не мог, но звуков он не издавал.

Я ухватил его за рукав, взял за руку и попробовал пальцем стучать по его ладони. Вдруг он знает азбуку Морзе?

На мое счастье, так и оказалось. Все это следовало бы обдумать, уж слишком много знаний и умений для экскурсовода, подозрительно. Меня успокаивало только то, что наши интересы в данном случае совпадали. Он наверняка тоже не хотел быть принесенным в жертву индейским богам.

Протасов разговаривал с Юркой. Очевидно, тот решил осмотреть его рану. Они тихо обсудили наш поход, а потом Толстый сказал, что пойдет к женщинам.

Пока я слушал, Иван, по моему примеру, прислонил ухо к другому пятну-провалу. Что он там слышал, не знаю, но явно не то, что я. Очевидно, камера, в которую мы попали, являлась частью слуховой системы.

Теперь Иван принялся стучать пальцем по моей ладони. Труба, доставшаяся нашему сопровождающему, вела, видимо, в караульное помещение. Там бряцало оружие, и вполголоса переговаривались сторожа.

Я решил послушать. Охранники, приставленные к нам, ждали прибытия важной персоны. Насколько я мог судить, ожидался верховный жрец. Из разговора следовало, что этого деятеля разместят в нашем же здании. Хорошо было бы послушать подольше, могли выясниться важные вещи, но вдруг над головой раздался странный звук. Будто железный скребок или грабли проехали по камню. Мы замерли и затаили дыхание.

Странные звуки продолжались не больше минуты, а затем что-то захлопало наверху, на крыше, будто кто-то растилал для просушки корабельные паруса. Хлопанье стихло, но мы еще долго не решались сдвинуться с места. Наконец Иван поднялся, встал и я. Проверив остаток стены и ничего не найдя, мы покинули комнату и двинулись дальше по коридору.

Наше путешествие длилось часа три, а может, и гораздо меньше. Напряжение нервов, необходимость контролировать каждый шаг растягивали мгновения, как резину. Без часов определить время мы не могли, но понимали, что задерживаться нельзя. Даже если наша миссия провалится, и мы ничего не найдем, утром каждый должен лежать в своей постели.

Мы обследовали еще три или четыре помещения, причем Иван крепко держал меня за руку, чтобы вытащить в случае падения. Не знаю почему, я был уверен, что он не подведет. Его рука служила надежной опорой.

За последней дверью оказалась искомая лестница. Мы поднялись и очутились в точно таком же темном коридоре. Шли мы медленно, тщательно ощупывая стену, и поэтому сразу заметили, когда коридор стал сужаться. Если в начале пути я мог достать до противоположных сторон, только раскинув руки, то теперь с трудом протискивался меж каменных глыб, слагавших здание. Потолок тоже стал ниже. Сперва мы опустились на четвереньки, а потом и вовсе поползли.

Неожиданно я почувствовал встречное движение воздуха. Узкий лаз, в который превратился коридор, забирал вверх. Еще одно усилие – и мы с Иваном по очереди вылезли на плоскую крышу, ограниченную по периметру кирпичной стеной.

Я оглядывался, пытался понять, в какую сторону имеет смысл двигаться, а Иван присел на корточки и что-то изучал на полу. Подождав немного, я потянул его за рубашку. Остаться на открытом месте мне не хотелось.

Иван поднялся и схватил меня за руку. Его палец быстро застучал по моей ладони:

– Это что-то вроде вертолетной площадки. Сюда прилетают люди, которые не хотят афишировать свой визит.

– Я не слышал звука вертолета, – ответил я.

Иван с новой силой забарабанил по моей ладони.

– Их здесь и нет. Вместо вертолетов они используют птиц.

Я обомлел. С чего он взял?! Но в свете луны на крыше и впрямь просматривались следы могучих когтей.

– Кто-то прилетел, – выстукал мне Иван. – Надо уносить ноги, пока он не собрался в обратный путь.

Для очистки совести мы быстро, но внимательно осмотрели кирпичный барьер. Никаких принятых у нас пожарных лестниц, никаких путей вниз найти не удалось, а веревку, которая выручила бы нас, взять было негде.

Возвращаться ни с чем не хотелось. Там, двумя этажами ниже, сидели обреченные люди, и мы были их единственной

надеждой.

Мы остановились перед спуском на пятый этаж. Иван снова схватил меня за руку. Он считал, что раз не повезло на крыше, надо двигаться вниз. Вряд ли охрана ожидает, что мы покинем свои комнаты и будем расхаживать по зданию. Стоило поискать другой выход или подвал, который тоже мог сообщаться с улицей.

Стараясь не издавать даже малейших звуков, мы двинулись дальше по коридору. Неожиданно Иван начал валиться вниз, но не издал при этом ни звука! Его выдержке позавидовал бы даже опытный оперативник.

Поскольку мы по-прежнему держались за руки, я смог остановить его падение и вытащил сопровождающего на твердый пол. Мы оба встали на колени и при свете камешка обследовали ловушку. Плита, которая чуть не погубила Ивана, была, очевидно, закреплена на валу и опрокидывалась при появлении нагрузки. Мы надавили на нее, и нашим глазам открылся черный провал неведомой глубины.

– Ого! – чуть слышно прошептал Иван.

Обойдя ловушку, мы пошли дальше, теперь перед каждым шагом убеждаясь, что под ногами надежная опора, и стараясь не касаться стен. С великими предосторожностями мы спустились на второй этаж. Глаза к этому времени настолько привыкли к темноте, что я стал различать цветочные пятна на стенах. Мы часто останавливались и приникали ушами к темным углублениям в стенах. Очень хотелось

понять, как выглядят выходы слуховых труб, ведь от этого во многом зависел успех нашего предприятия.

Спуск вниз не занял много времени: мы оба помнили, как поднимались с переводчиком. Наконец мы достигли второго этажа. Спускаться ниже не имело смысла, там нас сразу же обнаружили бы стражники, охраняющие здание. В отличие от верхних этажей, где располагались «покои» гостей, дверей здесь было мало.

Мы обнаружили отсек слуховой трубы, точно такой же, как найденный нами на четвертом этаже. Отсюда можно было слушать не только пленников, но и каждое слово того, кто прилетел на чудовищной птице. Это оказался сановник высокого ранга. Он беседовал с кем-то, кто отвечал за покупку и содержание пленников. Местный администратор лебезил перед гостем, а тот отдавал четкие указания, не обращая внимания на лесть хозяина дома.

Конечно, их язык отличался от того, который я изучал в школе СОРа, но общий смысл уловить удалось. Действо должно было начаться с восходом Луны. Она в это время года появлялась не сразу. Когда диск взойдет и нижним краем коснется главной пирамиды, следовало произвести ритуальные действия. Похоже, наблюдатель, фиксировавший наступление нужного момента, должен был находиться на площади, у пересечения двух дорог. Все это подкрепляло мои самые худшие опасения, но не давало никакой полезной информации.

Мы тщательно обследовали все помещения, пока не наткнулись на анфиладу комнат, в которой не было выходов слуховых труб. Стены здесь были светлее, чем в коридорах и в наших «номерах», что позволяло разглядеть рисунки более подробно.

Не знаю, сколько времени мы бродили по этим жутким катакомбам. Я сосредоточился на деле и полностью отключил эмоции. За время службы в СОР я не раз попадал в переделки, и всегда помнил, что должен вернуться живым. В конце концов, Иван рисковал только своей жизнью, а за мной маячили Элли и Данька.

Мы решили немного передохнуть перед тем, как отправляться в обратный путь. Иван плюхнулся на большую подушку, почти матрас, уложенный у покрытой ковром стены. Убранство найденных нами покоев резко отличалось от того, что было в наших комнатах. Очевидно, мы обнаружили жилище какого-то высокопоставленного сановника. Об этом говорило и отсутствие средств подслушивания.

Я быстро прошелся по комнатам, внимательно вглядываясь в рисунки и пробуя рукой все подозрительные места. В торце последней комнаты обнаружилась еще одна дверь. Стоило бы выяснить, куда она ведет, но я отложил это на потом.

Мы очень устали, а тут можно было немного расслабиться. Наверное, поэтому я опустил на сваленные у стены подушки и вытянул ноги. За время долгого опасного приключо-

чения мы стали больше доверять друг другу, хотя, по большому счету, для этого не было оснований.

Иван вздохнул и шепотом сказал:

– Уволюсь я после этой экскурсии. Пошли они нафиг, от этого здания у меня кровь в жилах стынет. Хватит с меня приключений. Женюсь на веселой толстушке, будет она мне борщ варить и детей рожать.

Его шуточный тон совершенно не соответствовал моему настроению.

– Да уж, я тоже хотел бы вырваться отсюда как можно быстрее, – ответил я. – Не могу себе позволить так рисковать, у меня сын подрастает.

– А я вообще не могу понять, нафиг ты поперся на эту дорожную экскурсию? Близких друзей у тебя здесь вроде нет, извини, конечно. Сидел бы сейчас дома, с сыном машинки катал, – лениво протянул Иван.

Рассказать ему о задании я, конечно, не мог. Отмалчиваться тоже было опасно, не хотелось вызывать подозрений.

– Решил развеяться, – сказал я. – Сын болеет, нужно дорогое лекарство, а денег на него нет. На государственной службе столько не заработаешь.

– Что же это за лекарство такое? – заинтересовался Лопатин.

– Глизин, – с невольным вздохом признался я.

Как-то сразу накатило. Все неприятности последних дней, даже опасность быть принесенным в жертву отступили на

задний план. Со всей этой ерундой я ни на шаг не приблизился к заветным двадцати тысячам.

– Глизин? Это от каких-то генетических болезней? – спросил Иван. – Месяц надо колоть, чтобы помогло.

У меня странно закружилась голова. Я совершенно здоров, иначе ноги бы моей в СОРе не было, и последняя медкомиссия это подтвердила. То странное излучение мне совершенно не повредило, сказалось только на Даньке, вот ведь подлость какая!

– Месяц? – спросил я.

– Ну да, – жизнерадостно ответил Иван. – Я не специалист, ты у Толстоухова спроси, он тебе точно скажет.

Наверное, я переменялся в лице, потому что Иван вскочил и подошел ко мне.

– Что с тобой? Ты давай не раскисай, нам еще назад идти, там люди ждут.

Меня охватило странное безразличие. Что мне за дело до других людей? Пусть даже они мои одноклассники. Но я поднялся и пошел за Иваном.

Мы приоткрыли дверь, однако коридор был полон людей. Видимо, сановник закончил речь и двинулся на выход. Несколько человек из местного отряда отправились его провожать. Нам пришлось затаиться и переждать процессию.

Наше возвращение никто бы не назвал триумфальным, выхода мы не нашли. Но ребята так нам обрадовались, что мне даже стало неловко. Они хлопали нас по плечам, девчон-

ки бросились обниматься, и даже Вовка не ревновал свою драгоценную Леточку.

Я отвел в сторону Юрку и спросил его про глизин. Опасно было так подставляться, но утерпеть я не смог. Иван оказался прав! И недостижимые двадцать тысяч кванзатов превратились в космические шестьсот!

Георгий

Завтрак на следующий день мало чем отличался от ужина. Нас вновь рассадили на скамье возле длинного стола, а полуобнаженные краснокожие красотки подали нам мясо и фрукты.

Я уже собирался плотно заправиться, как вдруг мне передали кусок лепешки, которого я вовсе не просил. Но сидящий около меня Лопатин указал на корку. Внимательно взглядевшись, я заметил процарапанную на лепешке надпись: «Ничего не ешь и не пей».

Я понял, что Лопатин с Венькой что-то затевают, хотя и непонятно было, почему я должен голодать. Но раз написали такое сообщение, то буду подчиняться. Хотя, если нас принесут в жертву, то это – чуть не последняя возможность насладиться пищей.

Я заметил, что никто из наших не рыдал и не рвал на себе волосы после того, как Рыбаков посвятил нас в планы индейцев. Наверно, так устроен человек, что до конца не верит в возможность своей гибели. Лично я точно не верил и считал, что какой-то выход из положения в конце концов найдется.

Чтобы на меня не обратили внимание, Лопатин передал мне полиэтиленовый пакет, который я сунул за пазуху и в который кидал якобы съеденную пищу. После еды нас опять развели по комнатам. Непонятно было, почему индей-

цы каждому из нас выделили отдельные покои. Возможно, бояться, что будучи все вместе, мы взбунтуемся, поубиваем сторожей и вырвемся на волю. Хотя они не знают, что мы посвящены в их планы. Но явно аборигены – не дураки. Они допустили, что кто-то из нас может знать их язык и подслушать их разговоры. А может, просто у них принято помещать приговоренных в райские условия накануне казни.

С этими мыслями я подошел к окну и стал смотреть на прилегающие улицы, поскольку больше заняться было нечем. И меня вознаградили за любопытство. Я увидел, что, яростно махая крыльями, ко входу в здание подлетели две огромные птицы с всадниками на спине. На первой птице сидел одетый в дорогой офисный костюм человек, один галстук которого, наверное, стоил, как мой месячный оклад. Только краснокожее лицо гостя выдавало в нем аборигена. Его длинные волосы были собраны на затылке в хвост.

Со второй птицы слез индеец в традиционной одежде – хлопковых штанах и рубаше, с головным убором из перьев. Его лицо я не мог хорошенько разглядеть, поскольку оно было изрисовано красными и зелеными узорами. По-моему, на одной щеке рисунок изображал бабочку, а на другой – заходящее за гору солнце. Хорошо, что у меня дальновзоркость, иначе бы я все это с четвертого этажа не рассмотрел. Этот второй слез сам и помог человеку в костюме слезть с птицы.

Прилет этих двоих был ожидаем, поскольку на улице перед нашей гостиницей уже выстроилось в ряд человек де-

сять стариков. У всех были головные уборы из длинных перьев каких-то птиц. Разресованные тела казались покрытыми одеждой, хотя на самом деле на них было только что-то вроде набедренных повязок.

Каждый из стариков по очереди подошел к вновь прибывшим и поклонился тому, что был в европейском костюме. Поклон состоял в том, что старик сгибался вдвое и касался рукой земли, а потом выпрямлялся и целовал свою испачканную ладонь. Длилось все это довольно долго, все-таки старые кости не очень приспособлены для таких упражнений. Потом грянула музыка, если это можно так назвать. Били барабаны, правда, не очень громко. Зато трещетки, напоминающие детские погремушки, грохотали, как проходящий поезд. Какие-то звуки извлекали и другие музыканты, стучащие в огромные панцири черепах, но мое ухо уже не различало отдельных инструментов в этой какофонии.

Потом из дверей выскочили несколько молодых индейцев в набедренных повязках. Они подхватили «европейца», усадили на золоченый стул и на руках внесли в здание. Дальше я уже ничего видеть не мог, но тут раздался скрип, будто кто-то царапал дверь со стороны коридора. Я открыл и увидел пришедшего, это был Рыбаков.

– Ты что скребешься? – спросил я, – тут же нет замков изнутри.

– Это для того, чтобы ты понял, что к тебе не стражник пришел, а друг, – ответил Венька.

– Ты в окно смотрел? – спросил тут же он.

– Да, там двое прилетели на огромных птицах, – сказал я.

– Это верховный жрец и его слуга, – пояснил Рыбаков, – наша единственная надежда на спасение.

– Поясни, – предложил я.

– Некогда. Твоя задача – выяснить, где они разместятся. Вряд ли на первом этаже. Поэтому пойдешь, спустишься на второй и встанешь за дверью лестницы так, чтобы тебя не заметили. Стражи нигде, начиная со второго этажа, нет, – сказал Венька.

– А ты? – спросил я.

– Я пойду к Лопатину обо всем договориться, а потом присоединюсь к тебе. Иди сразу, поторопись, – приказным тоном промолвил Рыбаков.

Мы вышли из моих покоев. В коридоре никого не было. Венька почти сразу исчез. Он знал, где поселили Лопатина. А я дошел до лестницы и начал тихонько спускаться. Хотя я и знал, что вся стража сосредоточилась на первом этаже, сердце билось то ли от страха, то ли от возбуждения. На третьем этаже тоже было пусто, и я пошел дальше.

За дверью второго этажа слышались голоса. Я запаниковал и бросился прятаться. Недалеко от лестницы располагалась широкая колонна, и я спрятался за нее. Голоса приближались. Я понимал, что убежище у меня неважное, но Венька приказал проследить за верховным жрецом, и я стоял, стараясь не дышать.

Дверь на лестницу открылась, и в коридор второго этажа вошли верховный жрец, его слуга и еще двое индейцев. К счастью, они двинулись в противоположную от меня сторону. Я чуть было не издал громкий вздох облегчения, но вовремя сдержался. Я выглянул из-за колонны и смотрел, куда пойдет жрец. Он вошел в третью справа от лестницы дверь. Один из провожатых что-то сказал ему. Языка я не знал, но понял, что это что-то типа: «Здесь вам будет удобно».

Жрец и его слуга вошли в покои, а двое сопровождающих развернулись и пошли в мою сторону. Я уже хотел заорать и бегом двинуться наверх, но здравый смысл победил. Индейцы дошли до двери на лестницу и побрели на первый этаж. Меня никто не заметил.

От ужаса меня прошиб холодный пот. Я еле дополз до своей комнаты, где меня уже ждал Рыбаков.

– Ну что, ты заметил, в какую комнату вошел жрец? – спросил он.

Я рассказал ему о своих приключениях. Венька сказал:

– К сожалению, у нас совсем немного времени. Жертвоприношение запланировано на завтра.

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Ты помнишь, я попросил тебя не есть и не пить? – вместо ответа произнес Рыбаков, – ты знаешь, почему?

– Нет, – ответил я.

– Потому что накануне убийства индейцы подмешивают в еду или питье снотворное, чтобы жертвы не сопротивлялись.

После завтрака почти все заснули. Не спим только ты, я и Лопатин. А действие снотворного вряд ли продлится дольше суток. Поэтому я решил, что ритуал состоится ночью или рано утром. Да и жрец приехал сюда с той же целью. Наша задача – его выкрасть.

– А если он покинет комнату? Как мы его узнаем? – осведомился я.

– Он скорее всего покинет комнату. И вероятнее всего, сменит одежду на ритуальную, и разрисует себе лицо. А узнать его мы сможем по его слуге. Ты заметил рисунки на его лице? – сказал Венька.

– Да, бабочка и солнце, – вспомнил я.

– Насколько я знаю обычаи индейцев, у каждого из них на лице будет индивидуальный рисунок. Но это на всякий случай. Слугу я беру на себя. Твоя задача – заткнуть рот жрецу, чтобы не кричал, и прижать его к полу, пока я его не обездвигну. Нужно застать их на выходе из комнат. Я думаю, покои жреца запираются изнутри, поэтому взять их там не получится. Если же мы упустим их, то будет гораздо труднее, – разглагольствовал Рыбаков.

– Когда идем на дело? – спросил я.

– После обеда, – ответил Венька, – во время сиесты. Тут жуткая жарница, и днем все отдыхают, на улицах никого нет.

Обеда нам не подали. Индейцы знали, что их гости заснули и проснутся нескоро. Часа в три дня – часов не было, но чувство времени у меня развито хорошо – здание затихло.

Мы встретились с Рыбаковым и пошли на второй этаж. Вдвоем идти было не так страшно, хотя мы опасались, что у кого-то из индейцев бессонница, и этот кто-то может нас увидеть.

– Не бойся, – прошептал Венька, – с одним – двумя я справлюсь. У меня для них кое-что приготовлено.

Мы шли тихо, оставив обувь в комнатах, в которых нас разместили. До покоев жреца добрались без приключений. Тут мы остановились и шепотом начали совещаться, попробовать ли открыть дверь или ждать, спрятавшись за колонны. Выбрали второе.

За колонны мы спрятались вовремя. К двери жреца вдруг подошли две краснокожие девушки с тазом и ведром, и, постучав, внесли в его покои прохладную воду для омовения. Я чуть было не чихнул, но, зажав себе нос, сдержался. Венька погрозил мне кулаком, как будто я нарочно захотел чихать.

Девушки ушли, и какое-то время все было тихо. Минут через пятнадцать дверь открылась, и слуга жреца выставил в коридор таз с грязной водой. Я не знал, есть ли тут водопровод, но, возможно, жрец перед ритуалом оmyвается какой-то особенной водой. Пока я размышлял, слуга вдруг покачнулся и упал бы с грохотом на пол, но его подхватил Венька и положил вниз бесшумно. Я заметил, что Рыбаков оторвал пуговицу со своей рубашки. Что он сделал при помощи этой пуговицы, я не уловил.

Рыбаков махнул мне рукой и быстро проник в покои жре-

ца. Я кинулся за ним. Ничего не подозревающий служитель культа сидел перед зеркалом и разрисовывал себе лицо.

– Айя Кхуклоу! – видимо позвал он слугу.

Тут я понял, что пора действовать, кинулся на него и сунул ему в рот заранее заготовленную тряпку – шарфик Виолетты, который мне перед выходом передал Венька. Жрец сопротивлялся изо всех сил, но я недаром дважды в неделю ходил в спортзал. Я свалил его, прижал к полу и ждал, пока Рыбаков его не свяжет. Потом мы вытащили жреца в коридор, а его слугу, так и не пришедшего в себя, напротив, затолкали в комнаты. Хорошо, что на двери был установлен английский замок. Венька осторожно захлопнул дверь, и слуга оказался заперт внутри покоев.

Рыбаков сам по себе выглядит жилистым и довольно тощим. Поэтому я удивился, когда он легко взвалил на плечо связанного жреца и побежал с ним к лестнице.

Сказать, что я не боялся, было бы преувеличением. Просто в компании с Венькой я чувствовал себя увереннее. И еще – все, что происходило, казалось мне сном. Но взглянув на Рыбаковскую рожу, я потерял часть уверенности. Его глаза светились отчаянием и готовностью к самому плохому исходу.

Мы побежали вверх, открывая дверь за дверью, и поднимаясь пролет за пролетом. Мы миновали третий этаж, где спали девчонки, четвертый с нашими комнатами, и наконец взобрались на пятый. Венька твердо знал, куда меня ведет.

На пятом этаже мы пошли медленнее. Я думал, что Рыбаков устал нести жреца, но он шагал крайне осторожно, щупая ногой каждый новый камень на полу. Наконец он что-то нащупал и остановился, сбросив свою ношу рядом на пол. Он показал мне руками, чтобы я помогал, и начал поднимать одну из каменных плит. Я приналег вместе с ним. Мы повернули плиту, под которой оказался глубокий колодец. Очевидно, на четвертом этаже он вел в одну из колонн.

Потом Венька вынул из кармана штанов что-то длинное. Приглядевшись, я узнал в тряпках женские колготы. Да, нашим девушкам пришлось лишиться себя части одежды. Венька обвязал колготами жреца за пояс. Концы колгот он привязал к крючкам, которые торчали сбоку на стенках колодца. Видно это сооружение было предназначено для казней или пыток, иначе – зачем там крючки?

Потом мы вдвоем столкнули жреца вниз. Он повис, подвязанный за талию. Он уже не сопротивлялся – берег силы. Закрепив его как следует, мы вернули каменную плиту на место.

Венька утер рукавом пот. Конечно, он мужик сильный, но нервы же у людей не железные! Я тоже вдруг почувствовал огромную усталость. Пока мы занимались делом, все было в порядке, а как расслабились, организм взял свое.

Индейцы крепко спали, поэтому в покои жреца мы вернулись без приключений. Связанный слуга с кляпом во рту очнулся, но вел себя тихо.

– Интересно, когда жреца хватятся? – прошептал я Веньке.

– Перед жертвоприношением точно хватятся. Он же сюда специально для этого приехал, – ответил тот.

– Слушай, а Лопатин какую роль играет? – тихо спросил я.

– Он страхует. Если вдруг жертвоприношение начнется раньше, он должен поднять бучу, чтобы задержать ритуал как можно на дольше, – сказал Венька.

Юрий

После завтрака меня потянуло в сон, да так, что я еле добрал до своей комнаты. Весь день я проспал, и к вечеру хотел есть, как зверь. Странно, но у меня кружилась голова, а руки и ноги были как чужие. Ужина не было, вместо этого к нам в столовую явился важный незнакомец. Его безукоризненный европейский костюм, начищенные ботинки, золотые кольца на пальцах подчеркивали его высокий статус. Новый посетитель сообщил нам, что мы приглашены на праздник в честь какого-то индейского божества, который состоится в полнолуние.

Он особо подчеркнул, что это огромная честь, и оказывают ее не каждому. Чтобы мы могли посетить великое событие, нас попросили собрать вещи и проследовать в повозки, которые доставят нас к месту торжества. Отправиться туда следовало прямо сразу, чтобы отдохнуть и подготовиться к бессонной ночи.

Венька с Жоркой так и не появились. Наши хозяева не могли этого не заметить, но вида не подали. Нас вывели и снова усадили в повозки по двое. Я успел заметить, что Лера выглядела растерянной. Ее чудесные пушистые волосы немного растрепались, и она все время приглаживала их рукой. Как знаком мне этот жест...

Виолетта держалась, но была близка к истерике. И, честно

говоря, я ее не осуждал. Я и сам поддался бы панике, если бы не ребята. Не зря говорят: «На миру и смерть красна».

Мы с Протасовым оказались в одной повозке. Семен шепотом сообщил мне, что нам не следует ничего есть и пить, особенно вечером. Такое указание дал всем Вениамин. Интересно, он думал, что нас хотят отравить или опоить какой-нибудь дрянью, чтобы не сопротивлялись?

Путешествие было недолгим. Нас привезли к той самой пирамиде, что виднелась из окна гостиницы. Церемонии кончились. Довольно грубо нас затолкали в дверь и пинками погнали по длинному коридору. Коридор освещался самым примитивным способом. Плошки с фитилями выхватывали из темноты красно-черные рисунки. Наверное, их было бы интересно рассмотреть, но для этого требовался фонарь. Удовлетворять наше любопытство никто не собирался. Женщин вели под руки. Мужиков загнали в одну комнату, дам увели дальше.

С нашими хозяевами произошли разительные перемены. Они отказывались нас понимать, даже переводчик делал вид, что не знает языка. В комнате без окон, где мы оказались, освещение обеспечивалось горящими по стенам факелами. Разрисованные ужасными масками-лицами стены нависали над нашими головами и, казалось, злобно улыбались и облизывались.

С нас без церемоний содрали одежду и принялись беззастенчиво рассматривать. Ярослава Степановича быстро за-

браковали. Возможно, из-за возраста.

Дольше всех разбирались с Протасовым. Его поджарое тренированное тело их порадовало, но не понравилась рана на ноге. Индейцы устроили целый консилиум, их собралось человек десять. В конце концов они пришли к какому-то решению и занялись Бархатовым. Вот его белый круглый животик и складочки на боках привели их в восторг. Они с таким умилением рассматривали его и щупали, что Макар покраснел. Это вызвало новый приступ восхищения. И я, и Лопатин, и Рыбаков отбор прошли сразу. Марсель огорчил придиричивую комиссию своей худобой, но, похоже, тоже был признан годным.

Иван поглядывал на Корсарова. Я так понял, что его опасения оправдались. В отсутствие Веньки он, похоже, прикидывал, на кого можно рассчитывать.

Наконец нам вернули одежду и оставили одних.

– Я тут по дороге кое-что заметил, – прошептал Корсарову Иван.

Но тишина в комнате стояла такая, что слышали все.

– Сбежать просто так отсюда не получится, – продолжил Иван. – Но у меня есть кое-какие соображения.

Юрий

Похоже, приближался наш час. Как не странно, я думал не о себе. Меня больше беспокоила судьба Леры. Она не станет жертвой, но какая участь ждет бедняжку? Белой рабыни у богатого индейца?

Впрочем, времени на раздумья оказалось не так уж много. С тех пор, как нас привезли, прошло часа три, значит, приближалось время церемонии. Женщин не было, Венька с Жорой тоже отсутствовали. Ярослава Степановича и Протасова отделили от нас еще раньше. Я не знаток индейских верований, но думаю, экскурсовод слишком стар, а Протасов – ранен. Кто же станет подсовывать богам некачественные жертвы?

Нас, то есть меня, Кочеткова, Вовку Корсарова, Лопатина, Бархатова и Марсея перевели в маленькую комнатушку. Перевели в буквальном смысле слова, под руки, сами идти мы не могли. Нас раздели и покрыли тела какой-то синей краской. Красили нас мужики с боевой раскраской, но обращались с нами бережно, видимо, боялись испортить материал. После процедуры, когда краска подсохла, на нас надели что-то среднее между трусами и набедренной повязкой. Облегающую ткань дополнял длинный язык-фартук, прикрывавший анатомические подробности. В таком виде нас опять под руки вывели на площадь.

Я старался не задумываться, что будет дальше. Раз Веня и Жорка не вернулись, значит, дело у них не выгорело. Возможно, их уже и в живых нет, так что в каком-то смысле нам повезло больше, по крайней мере, наша жизнь оказалась длиннее на несколько часов.

Площадь между малыми пирамидами, которую мы видели из окна столовой, была заполнена людьми. В центре, перед самой высокой пирамидой, находился гладкий длинный камень, вокруг которого танцевали индейцы.

Зрелище было величественное и даже захватывающее. С четырех сторон от камня возвышались подобия чаш, в которых горел огонь. Языки пламени поднимались метра на два, озаряя разрисованные лица танцующих и отражаясь от стоящих в углах огромных золотых голов.

Удивительно, как незаметно и органично слетел налет цивилизованности с наших хозяев. Казалось, тех людей, что встречали нас в европейских костюмах и с модными прическами, никогда не существовало.

Между тем, ночь опустилась на землю, в южных широтах всегда темнеет рано и быстро. На малых пирамидах зажгли факелы по контурам верхних площадок. Я от нечего делать разглядывал все вокруг и вдруг увидел, как на ближайшей к нам пирамиде появились люди.

Различить, кто это, я не мог, но среди стоявших там зрителей ясно различались два белых лица. Я всмотрелся внимательнее. Похоже, в зрительном зале разместились Лера и

Пятакова. На них были какие-то длинные платья, украшенные то ли камнями, то ли вышивкой, отблескивающей в свете пламени.

Круг танцующих возле камня расширялся. К раскрашенным жрецам присоединялись все новые люди, уже и в обычной одежде. Я не обратил внимания сначала, но сейчас в воздухе явно различался сложный ритм барабанов, который задавал темп танцу. Звуки становились все громче, скорость нарастала.

Из-за главной пирамиды выплывала Луна. Сначала показался лишь краешек, толпа замерла в благоговейном экстазе. Тотчас вдоль лестницы, поднимавшейся к вершине, стали загораться факелы. С двух сторон каждой ступеньки вспыхивали огни. Они будто зажигались один от другого, и дорожка пламени поднималась все выше. Наконец вся лестница оказалась освещена, и в этот момент Луна поднялась над вершиной и легла боком на верхнюю площадку пирамиды. По крайней мере, так казалось снизу. Луна была огромная и рыжая.

Бой барабанов усилился. Тревожный ритм достиг апогея, движения танцоров выражали крайнюю степень возбуждения. Тела изгибались, извивались в отблесках огня. Внезапно все четыре чаши вокруг жертвенного камня извергли огромные языки синего пламени: видимо, кто-то из жрецов бросил в огонь специальное снадобье. Все вокруг превратилось в ожидание. Зрители замерли, боясь вздохнуть.

Я ощутил головокружение. Похоже, то, что бросили в огонь, призвано было одурманить толпу. Но я был далек от транса. Тело под синей краской невыносимо чесалось. Шевелиться я не мог, руки и ноги не слушались, я пытался задерживать дыхание, надувал живот, но эти манипуляции несколько не помогли избавиться от зуда.

Зачем они это сделали? Чтобы пленники, измученные щекоткой, сами захотели возлечь на жертвенный камень? Не знаю.

Индейцы явно чего-то ждали. Все лица были обращены к вершине главной пирамиды.

Время шло, но ничего не происходило. Оранжевый круг успел уже подняться над площадкой, и тут на его фоне вырисовались две темные фигуры.

Не знаю, кого ждали индейцы, но это явно были Венька и Жора. На таком расстоянии легко ошибиться, но широченные Венькины штаны и Жорина манера наклонять голову набок подсказали мне, что я не ошибаюсь.

Над площадью и над толпой раздался голос Рыбакова. Удивительная акустика у этих древних сооружений! Дело происходило на открытом воздухе, расстояние составляло несколько десятков метров, и все же каждое Венькино слово долетало до меня, будто он стоял рядом и кричал мне в ухо.

Конечно, индейцы ничего не поняли. Исключение составлял переводчик, который, как выяснилось, сопровождал наших женщин. Я увидел бегущую с малой пирамиды фигуру

и сразу понял, что это он. Навстречу ему поднимались какие-то люди. Барабаны смолкли. Изможденные танцем разрисованные воины попадали на землю. Огонь в чашах пошел на спад, а потом и вовсе угас.

Что было дальше, я помню плохо. Стыдно признаться, но я, похоже, потерял сознание. Так велико было напряжение, что когда я понял, что казнь откладывается, нервная система не выдержала.

В себя я пришел в той же комнатенке, где нас красили, но теперь нас, наоборот, отмывали. Ни с чем не сравнимое блаженство, вызванное соприкосновением зудящей кожи с водой и жесткой мочалкой, привело меня в чувство. Нам вернули нашу одежду и заперли до утра. Что случилось на площади, я узнал много позже, из рассказа Веньки на корабле.

На следующий день после завтрака нас проводили во двор к повозкам, которые доставили всю компанию на причал. Около него стоял огромный белый корабль под названием «Атлантида», где для нас были зарезервированы каюты. Мы попрощались с индейцами как с дорогими друзьями и отправились в качестве пассажиров на родину атлантов.

Георгий

Мы долго сидели вдвоем с Рыбаковым в комнате верховного жреца – выжидали, пока здание опустеет. Старались не шуметь, хотя и заперли дверь изнутри. Но меня охватила какая-то нервная дрожь. Я объясняю это тем, что сидел пассивно, а не действовал, чтобы сохранить наши жизни. Чтобы

немного успокоиться, я шепотом начал выспрашивать Веню, как он представляет себе наше спасение.

– Я надеюсь, что церемония жертвоприношения не может состояться без верховного жреца, что Великий Ицли может принять жертву только из рук говорящего с богами, – прошептал Веня, – недаром этот самый говорящий прибыл накануне с такими почестями.

– А если может? – неуверенно спросил я.

– Тогда мы погибнем вместе с остальными ребятами, – сурово ответил Рыбаков. Мне было не совсем понятно, как человек мог добавить в свой шепот стальной оттенок.

– Жить хочется, – тоскливо пробормотал я. Обычно я люблю риск, но теперь, как никогда, чувствовал себя в шаге от гибели. К тому же, рядом не было никого, кто обвинил бы меня в трусости, а Рыбаков вряд ли кому-нибудь расскажет. Он не болтун.

– Сиди и молча жди, – прошептал мой товарищ по несчастью.

Время тянулось медленно. Индейцы ходили очень тихо, но при каждом шорохе нервы напрягались, и меня будто ударило током. Конечно, если кто-то постучит в дверь, мы просто не откроем, и пришедший решит, что жрец уже отбыл на арену действия.

Наконец через пару часов, показавшихся мне годами, здание опустело. Мы через щель внизу двери увидели, что свет в коридоре погас. К нам так никто и не постучал – видимо,

индейцы боялись потревожить жреца перед церемонией.

– Может, пора? – тихо спросил я.

– Да, – ответил Веня, – для порядка надо бы подождать еще полчасака, но промедление может стоить жизни нашим ребятам.

Веня осмотрел все еще лежавшего без сознания слугу, а потом со знанием дела связал его очередными колготками. Рот бедолаге пришлось заткнуть куском покрывала, лежавшего на постели жреца. Потом Рыбаков подошел к стене с ковром и отодвинул ткань в сторону. За ней виднелась небольшая дверь.

– Откуда ты знал, что здесь есть дверь? – изумленно произнес я.

– Я читал о церемониях, в которых участвует верховный жрец. Он всегда появляется внезапно, его никто не видит до самой кульминации. А внизу могли оставить пару охранников. Это значит, что в комнате должен быть выход в подземный ход, куда никто не заглянет, – сказал Рыбаков.

Он крутанул выступающую пластину, и дверь открылась. За ней была видна длинная лестница, ведущая вниз. Мы стали спешно спускаться. К счастью, в подземелье было светло. Кто-то позаботился о верховном жреце, оставив в держателях на стене горящие факелы. Воздух, как ни странно, вовсе не был затхлым, хотя Веня закрыл за нами дверь, предварительно вернув ковер в исходное положение. Наверно здесь существовала система вентиляции.

– Мы находимся ниже уровня земли, – сказал Веня, когда мы оказались наконец на горизонтальной поверхности в длинном коридоре, – я считал количество ступеней на этажах здания, и эта лестница явно привела нас ниже первого этажа.

Заблудиться мы не могли. От коридора не отходили никакие ответвления. Лаз был достаточно комфортным. Мы шли, даже не наклоняя головы. Вдоль стен продолжали встречаться факелы, освещавшие нам путь.

– Куда мы идем? – спросил я, уже не понижая голос.

– Мы идем путем верховного жреца, – сказал Веня, – и окажемся там, где должен по сценарию оказаться он.

Коридор оказался длинным. Мы шли, как мне показалось, около часа. Я молчал, поскольку Рыбаков отвечал мне раздраженно, и я не хотел в такой ситуации его злить.

Наконец мы дошли до следующей лестницы, которая вела вверх. Она была не менее длинной, чем первая. Мы стали подниматься, хотя у меня почти не осталось сил. Нервы мне потрепали достаточно, а компенсировать это не удалось – есть не пришлось со вчерашнего ужина. Но мне не хотелось выглядеть слабаком, и я молча скрипел зубами.

Мы уже совсем запыхались, когда наконец лестница уперлась в еще одну дверь. Перед ней Веня остановился.

– Слушай меня, Жорка, – сказал он, – что бы ни случилось, молчи. Говорить буду я. Если нам не удастся спастись, то умрем достойно, хотя это будет означать погибель для мо-

их близких.

Я кивнул, не спрашивая, причем тут его близкие, и Рыбаков открыл дверь. Мы оказались на какой-то вершине. Приглядевшись, я понял, что это верхушка пирамиды. От нее ступени вели к площади, где индейцы собрались принести в жертву наших ребят.

Вдоль ступеней также горели факелы. Они окружали и площадку снизу. Небо было темным и звездным, но все вокруг заливал свет от факелов и костров. В середине площадки лежали какие-то обнаженные люди с покрашенной в темный цвет кожей. При нашем появлении индейцы забили в барабаны. И вдруг все смолкло. Внизу поняли, что мы – это не верховный жрец.

– Слушайте меня! – заорал Веня, – Ваш жрец в наших руках. Если вы убьете этих людей, вы его больше не увидите. Но мы готовы отпустить жреца в обмен на жизни наших товарищей. Вы должны будете отвезти нас всех в порт и посадить на отплывающий в Атлантиду корабль, и я в порту скажу вам, где находится жрец.

Среди индейцев, видимо, был переводчик, поскольку Веня орал на русском языке, но нас поняли. После короткого совещания людей с покрашенной кожей подняли с земли и повели внутрь пирамиды. Я понял, что это мои одноклассники, Мы спустились и пошли вместе с ними. В это время два индейца гасили горящие факелы.

Дальше рассказывать особо нечего. Нас отвели обратно в

дом и покормили ужином. А утром после завтрака отвезли в порт, где заранее забронировали нам каюты на уходящем в Атлантиду корабле.

Веня выполнил обещание и сказал, где мы держим жреца. Этот крепкий индеец выдержал в своей ловушке целые сутки, поскольку вечером кораблей в Атлантиду не было, а рассказывать о жреце раньше отплытия Рыбаков отказался.

Лера

Корабль, на который нас определили индейцы, оказался весьма внушительным – четырехпалубным. Это было рейсовое судно «Атлантида», где для нас забронировали несколько кают. Мы с Пятаковой разместились в двухместной каюте на второй палубе, а мужчин разместили в четырехместных. Вещей, естественно, у нас почти не было.

Летка начала бегать по довольно просторному помещению, заглядывая во все уголки. Счастливый у нее характер – опасность миновала, и она про все забыла. Я так не могла. У меня перед глазами стояли сцены нашего заключения у индейцев.

– Интересно, скоро будет обед? – спросила Пятакова.

Я ничего не ответила. Я вновь переживала последний день пребывания на Фусане – материке индейцев.

Я помнила, как меня разбудили среди ночи. Голова была, как деревянная. Я проспала почти весь предыдущий день. Красивая девушка в длинном замшевом платье, покрытом разноцветной вышивкой из лент и бисера, тронула меня за плечо. Я привстала и оглянулась. Посередине комнаты стояли еще две девушки в более простой холщовой одежде. Они поставили на пол большой таз, а рядом с ним кувшин с водой.

Я поднялась с постели. Девушка, которая меня будила,

что-то сказала двум остальным. Они подошли ко мне и стянули с меня майку, в которой я спала. Меня жестами пригласили стать в таз. Я не стала сопротивляться. Одна из девушек принялась лить на меня воду из кувшина, а другая протирала мою кожу губкой с каким-то приятно пахнущим веществом.

Они также помыли мне голову и просушили ее полотенцами, которых я сразу не заметила. Потом одна из служанок вышла в соседнюю со спальней комнату и принесла оттуда одежду, похожую на наряд первой, наиболее богато одетой девушки. Меня одели в платье, украсили бусами. Потом одна из девушек начала меня причесывать, плетя косички и вплетая в них ленты с жемчужными камешками.

– Что происходит? – спросила я, но, естественно, не получила ответа.

Когда я была одета и причесана, мы все вчетвером сели на мою лежанку и начали чего-то ждать. Я чуть не уснула снова. Видно, в пищу вчера за ужином было добавлено сильное снотворное. Так прошло полчаса или час. Вдруг раздался звук то ли колокола, то ли гонга, который разбудил меня окончательно.

Девушки поднялись и сделали мне знак тоже встать с кровати. Главная из них взяла меня за руку и повела в коридор. Мы вошли в соседнюю комнату. Там, так же красиво одетая и причесанная, сидела Пятакова.

– Новицкая, как ты думаешь, что с нами будет? – спросила

она вместо приветствия.

Но главная девушка жестами приказала ей молчать. В этот момент в покои Летки без стука вошел переводчик.

– Доброе утро, прекрасные дамы, – сказал он, – меня поручили подготовить вас к вашей почетной миссии.

– Что за миссия? – нервно спросила Пятакова.

– Вы избраны наложницами верховного жреца. Сейчас будет проведена торжественная церемония жертвоприношения Великому богу Ицли, чтобы он похлопотал за нас перед Великим Кецалькоатлем, который не оставит нас страждущими, а пошлет дожди на наши посевы и здоровье нашим жрецам.

– Что за бред? – не выдержала Пятакова.

– Это не бред, а древняя традиция, которая помогает нашим племенам выжить в жестоком мире, – спокойно возразил ей переводчик, – так вот, после церемонии верховный жрец выберет одну из вас и осчастливит ее своей любовью. А второй придется ждать следующей ночи.

– А кого принесут в жертву? – спросила Летка.

– Вы все сейчас увидите. Пойдемте со мной на жертвенную площадь.

От этих разговоров меня прошиб холодный пот, но сопротивляться было бесполезно, если мы хотим остаться в живых. Мысль о ночи со жрецом была неприятна. То, что меня будет касаться чужой незнакомый мужчина, вызывало чувство гадливости. Но сейчас меня больше волновала судьба

наших одноклассников, чем предстоящее мне грехопадение, и особенно судьба Юрки Толстоухова.

Конечно, я никогда не надеялась хотя бы на его привязанность и привыкла, что мои чувства остаются без взаимности. Но мысль о том, что ему живьем вырежут сердце, как это описывалось в приключенческих романах, наводила на меня ужас. Я боялась и представить себе, что он погибнет. Чтобы как-то отвлечься, я пыталась думать о другом. Но вряд ли мне это удастся, когда я увижу все своими глазами. С этими мыслями мы отправились на площадь, где должен был состояться жуткий ритуал.

Почему-то я запомнила эти события более явственно, чем саму церемонию. Пятакова закончила приставать ко мне с вопросами и стала разглядывать украшения на своем платье и сравнивать их с моими. Все, что происходило на площади, мой мозг воспроизводить отказывался, хотя в конце концов все закончилось хорошо, и Юрка остался жив. Как удалось спастись ребятам, я не понимала, и надеялась, что Рыбаков все нам расскажет. Я помнила, как он появился наверху главной башни вместе с Жориком в ночной тьме, в свете прожекторов и что-то закричал индейцам. Он кричал на русском, но я ничего не понимала. Он кричал что-то такое, отчего они нас отпустили, всех, включая Протасова и экскурсовода, и даже купили нам билеты на корабль.

Тут в каюту постучали. Летка открыла дверь.

– Миледи, обед начнется через полчаса в ресторане на

этой же палубе, – сказал лысоватый стюард в белом пиджаке с черной бабочкой на шее.

– Новицкая, ты бы привела себя в порядок, – оторвала меня от тяжких воспоминаний Пятакова.

Я посмотрела в зеркало. Прическа и впрямь оставляла желать лучшего. Да и платье запачкалось, но другой одежды у меня не было. Я пригладила волосы и потеряла мочалкой, которая лежала на раковине, пятно на юбке. Большого сделать я не могла.

Наша каюта, наверно, относилась к средней по цене. Места тут было много. Из мебели – две кровати с прикроватными ковриками, две тумбочки, зеркало, пара стульев и встроенный шкаф. Давно не мытое стекло в иллюминаторе не давало возможность смотреть на море. В углу примостилась раковина с краном. Около входа еще одна дверь вела в туалет, а вот душ был общим и находился напротив нашей двери. Преимуществом такого положения было то, что мы могли первыми туда зайти.

В дверь вновь постучали.

– Девчонки, вы готовы? – спросил заглянувший к нам Венька.

– Ой, Венечка, – воскликнула я, – заходи. Расскажи нам, как вы с Жоркой нас освободили.

– Расскажу все во время обеда, – обещал Рыбаков, – идите, уже все собрались.

Мы с готовностью последовали за ним. В ресторане было

гораздо чище, чем в нашей каюте. Столы накрыты белыми скатертями. Через вымытые окна во всю стену можно было увидеть волны океана и дельфинов, сопровождающих наш корабль. Вся наша компания сидела за сдвинутыми столами. Место во главе занял Рыбаков.

Пока мы поглощали закуски, Рыбаков рассказал нам, как они с Жориком украли верховного жреца, а потом спрятались в его апартаментах. Как они ждали, пока все не уйдут из здания, а потом по подземному ходу крались к главной башне и забирались на ее верхушку. Как они появились вверху ночью в свете факелов, и Венька крикнул индейцам, что жрец в их руках. К счастью, оказалось, что ритуал жертвоприношения без верховного жреца не состоится, и индейцы согласились отпустить всех пленников в обмен на сведения о верховном жреце.

Как выяснилось, Венька неплохо знал их язык, поэтому поговорил с ними и узнал, что вместо наших мальчиков в жертву принесут двух быков. А нам купили билеты на корабль и долго извинялись, что не смогли предоставить ребятам честь быть убитыми во славу великого Кецалькоатля.

Индейцы оказались порядочными людьми. Хотя Венька, не зная этого, рассказал им, где спрятан их жрец, только в последний момент.

Плавание к берегам Атлантиды длилось несколько дней. Если в первый день нами еще владело возбуждение после опасных для жизни приключений, то постепенно все почув-

ствовали усталость. Лично я уже никуда не хотела и с удовольствием оказалась бы дома. Пятакова разделяла мое настроение. Мы решили, что как только вернемся в «Зори Земли», попросим, чтобы нас отпустили домой.

А пока свободное время я проводила на палубе в шезлонге рядом с товарищами по приключениям. Я старалась быть возле Юрки. После перспективы его потерять я наслаждалась его запахом, голосом. Даже когда он бурчал, что недоволен своим отпуском, мне становилось тепло только от его присутствия.

Георгий

Путешествие на корабле до Атлантиды прошло в целом неплохо, если не считать, что Новицкая снова набивала себе цену и не шла на контакт. Но это ничего, рано или поздно она согласится, что мужа лучше меня ей не найти. А то, что она сопротивляется... Возможно, хочет показать, что порядочная.

Мы прибыли к месту утром. Все столпились на палубе, чтобы рассмотреть Атлантиду с борта корабля. Ничего особенного я в ней не нашел, разве только блестящее каким-то неизвестным покрытием здание порта. Встретил нас атлант по имени Патрик. Неплохой образчик этой супер-цивилизации. Ростом метра два с половиной. Даже я казался рядом с ним ребенком детсадовского возраста.

Патрик помог нам выгрузиться из кают и сесть в длинный автомобиль наподобие лимузина. Кстати, бензином от него

не пахло. Видно, атланты используют какое-то другое топливо.

Я сел рядом с представителем фирмы «Зори Земли». На втором в ряду сидении пристроились наши девушки, остальные ребята сели сзади.

– Скажите, Патрик, чем вы покрываете стены домов, что они так блестят? – спросил я проводника. Как оказалось, он прекрасно говорил по-русски.

– Орихалком. Подождите, вы обо всем узнаете позже. Расскажите лучше о своих приключениях, – ответил он.

Рассказчик я неплохой, поэтому в подробностях изложил все про шторм, пиратов и про то, как нас чуть не принесли в жертву. Вернее, я-то спрятался вместе с Рыбаковым. Но если бы нас поймали, зарезали бы, как ягнят.

Пока я распинался, мы подъехали к гостинице. Она тоже была покрыта орихалком. Еще она явно отличалась от наших зданий высотой этажей. Потолки в ней, видимо, были больше четырех метров. Жаль, что путешествие на лимузине так быстро закончилось, а я не успел расспросить атланта об их цивилизации. И еще один вопрос меня волновал, поскольку надо было перед Лерой выставить себя гуманистом. Она сидела сзади и все слышала.

– Скажите, Патрик, а что стало с членами команды корабля, когда мы попали в плен к пиратам? Я больше ничего не слышал ни о матросе Коле, ни о других.

– Атлантида не следит за каждым человеком, но тут, ду-

маю, могу вас просветить. Обычно команды захватываемых пиратами суден вливаются в ряды пиратов. У них и выхода другого нет – или они станут сотрудничать, или их потопят в море. По крайней мере, думаю, они живы.

– Слава Богу, – покачал я головой и оглянулся на Леру. Она шепталась о чем-то с Пятаковой, но думаю, не пропустила мимо ушей наш разговор.

Мы вылезли из машины и пошли к гостинице.

– Извините, – сказал мне Патрик, – я должен помочь с определением гостей в отведенные им номера. И вошел внутрь.

Я еще не удовлетворил свое любопытство и пошел за ним. Мне было интересно, почему, к примеру, все прохожие, встретившиеся нам на пути, были молодыми, красивыми и сияли здоровьем. Где старики? Я решил подождать Патрика в холле. Там стояли мягкие диваны. Я сел на один из них и от нечего делать стал листать прессу, лежавшую на журнальном столике.

У меня волосы встали дыбом. Оказывается, к атлантам приходят газеты и журналы из всех известных нам параллельных миров. Тут были газеты и с Земли XXVIIIл, и с Земли XIXд, и с нашей старушки XVIIа. То есть эти люди следят за событиями во всем мире!

Я взял газету с нашей Земли и стал ее листать. Довольно скоро мне на глаза попала статья Кочеткова. Вот жук, а врал, что он писатель сценарист! Статья называлась «С Зем-

ли на Землю за два кванзата». Ни фиги себе! Оказывается, на одной из Земель живет ученый Еремей Двадцать пятый, который изобрел средство путешествия по параллельным мирам практически бесплатно. Этот кретин создал какой-то прибор, полностью перечеркивающий основной источник моего дохода! Если средство будет запатентовано и разрешено к продаже, транспортная фирма «Товары из зазеркалья» разорится. А она осуществляет перевозки между мирами. И именно она является наиболее крупным вкладчиком нашего с отцом банка. Цепочка разорений коснется многих организаций, не оставив в стороне и «Зори Земли».

У меня дико забилося сердце и подмышки взмокли от пота. Что же делать?! Тут я вспомнил, что в этой же фирме «Товары из зазеркалья» работает Макар Бархатов. Он там юридический консультант. Надо с ним посоветоваться. Мне уже стало не до Атлантиды. Своя рубашка ближе к телу.

Я посмотрел на стойку администрации. Все уже разошлись. Там сидела длинноволосая девушка ненамного ниже Патрика. Я подошел поближе.

– Вы Гольдман? – осведомилась она, – ваш номер двадцать четыре на втором этаже.

– А вы не скажете, в каком номере поселился Бархатов? – спросил я.

– Да, конечно, – ответила верзила, – он в номере двадцать два.

– Благодарю, – сказал я, – вы отлично выглядите.

Девушка одарила меня дежурной улыбкой и отвернулась к зазвонившему за ее спиной телефону.

Я взял свой пакет с парой белья, зубной щеткой, бритвой и расческой, и пошел к лифту. Номер был класса люкс, со всеми удобствами, но мне некогда было им восхищаться. Я бросил вещи в кресло и пошел к Макару.

Я понимал, что нужно что-то срочно делать с этим Еремеем, а дома я ничего сделать не смогу. Последняя экскурсия планировалась на Землю XXII, и ученый, как следовало из статьи, жил именно там.

– Макар, ты мне нужен для очень важного разговора, – позвал я адвоката.

Макар знает, что мы с ним в одной команде. Как юрист, он в курсе, в каком банке его фирма держит счета. Он внимательно посмотрел на меня, и мы вместе вышли в коридор.

– Пойдем ко мне, – предложил я.

Я захватил из фойе газету со статьей Кочеткова и в номере протянул ее Бархатову. Макар, читая, побелел на глазах.

– Вот зараза, – воскликнул он, – у меня же акции этой компании. Если она разорится, я тоже пойду ко дну! А ну, пошли к Кочеткову.

– Олег, пойдика сюда, – позвал его Бархатов. Они на какой-то неведомой мне почве сдружились, поэтому горе-журналист отозвался мгновенно.

– Что тебе, Макарка? – спросил он, подойдя.

Мы взяли его под белые ручки и повели в мой номер.

– Твоя статья? – спросил я, показывая ему газету.

– Ну моя, – недоуменно ответил он, – а в чем дело?

– Ты что, не понимаешь, что если это не туфта, в нашей стране экономика рухнет? А может, и не только в нашей, – процедил сквозь зубы Макар.

– Ой, я не подумал, – воскликнул Кочетков, – но это не туфта.

– Рассказывай, как ты узнал об этом устройстве! – потребовал Макар.

– Ребята, вы не представляете... – забормотал журналюга, – так получилось... Я месяц назад познакомился в кафе с одним чудиком. Он тоже на экскурсию ездил, в качестве второго пилота. И там встретился с этим Еремеем. Ну, они посидели вместе в пивной, поболтали по пьяни. Этот пилот плакался ученому, что очень дорого по параллельным мирам ездить, а его благоверная сказала, что хочет объездить все миры, и если он это не устроит, она его бросит. Она у него – супермодель Параллель 2645. В конкурсе победила и теперь не может себя в руки взять.

– И что дальше? – прервал его красноречие Бархатов.

– Ну и ученый подарил ему этот прибор. Там только нужно найти источник питания, и путешествоуй сколько хочешь, – сказал Кочетков, – поскольку устройство простое, то ученый сказал, что он себе другое сделает.

– Ни фиги себе, – заметил я, – и что же с этим чудиком дальше было?

– Да ничего хорошего, – сказал Кочетков, – взяли его сразу после этого разговора. С тех пор я ничего не слышал ни о нем, ни об устройстве.

– Наверно, СОР подсуетилась, – задумчиво сказал Бархатов, – да, рано нам домой, как думаешь, Жорик?

После этого мы все пошли обратно в свои номера. Теперь нам точно необходимо попасть на Землю XXII.

На следующий день нас отвезли в аэропорт, откуда мы на самолете быстро долетели до представительства «Зорь Земли», где начиналась наша экскурсия в Атлантиду.

Виолетта

Как же мне надоели эти приключения! Сначала чуть не потонули, потом пираты эти – хамы, с приличной женщиной не умеют обращаться. Затем, казалось бы, индейцы приняли нас со всеми почестями, так оказалось, что нас с Леркой готовят в любовницы жрецу, а мальчиков вообще чуть не убили.

Во время обряда я чуть не разрыдалась. Хорошо, что ресницы не были покрашены, а то бы тушь потекла. Зря я купила ее у бабки на вокзале, польстилась на дешевизну. А ведь сколько сил я потратила, чтобы сохранить косметичку! Прятали ее от пиратов, а потом от индейцев.

Как же я переживала за Вовку! Уже мысли пошли, за кого замуж выйти, если моего Корсарова зарежут. Я лихорадочно начала перебирать знакомых мужиков – Ромка Нестеров женат, Васька Пупков холостой, но не стану же я Пупковой.

Вот наш врач в женской консультации Ефим Михайлович Красовский по фамилии подходит, но он старый и лысый. Я поняла, что замену Вовке мне не найти и ужасно расстроилась. Хорошо, что вовремя на пирамиде появились Рыбаков с Гольдманом, которым удалось спереть жреца. А без него наших мальчиков резать не стали.

Все мы были сыты по горло этой экскурсией. Правда, «Зори Земли» в лице представителей – рыжей престарелой Ларисы и узкоглазого Тимура неопределенных лет, перед нами извинялись. Нас всех поселили в номера люкс местной гостиницы и сказали, что перед следующей параллелью нам дадут день отдыха. А мини баром в номере мы можем пользоваться бесплатно.

Нам с Вовкой дали двухкомнатный номер: с гостиной и спальней. Но ничего особенного в нем не было. Мебель как мебель, только визор большой и вид из окна на океан. Так я на эту воду бесконечную уже насмотрелась. Еще в номере присутствовали средства связи, не знаю, как они здесь называются. Можно было даже родителям в другой мир позвонить. Но я прежде всего позвонила в номера ребятам. Предложила им встретиться в нашей гостиной.

После очень приличного обеда вместо дневного отдыха вся компания завалилась к нам с Вовкой. Лерка в синем спортивном костюме по фигуре выглядела неплохо, но до меня в пеньюаре до пола и с декольте ей было далеко. Удивительно, что эти индейцы вернули нам все наши вещи, только

драгоценности остались у пиратов. Ладно, Вовка мне новые купит.

– Летка, ты молодец, что нас всех пригласила, – начала первой Новицкая, – я думаю, у нас у всех одно мнение. Мы сыты приключениями по горло и хотим домой!

– Ты права, Лерочка, – тихо сказал Толстоухов, но все его слышали. Лерка покраснела, но промолчала.

– Нет, погодите, – возразил Рыбаков, – мы еще не были на третьей параллели. А каждое путешествие – это большие затраченные средства.

– Ну и что? – ответил Протасов, – мы за все заплатили из собственных денег, и решать, когда нам вернуться домой, можем сами.

– Ты что, Сенька, не понимаешь? – воскликнул Гольдман, – каждый переход на другую параллель – труд десятков человек. Если мы откажемся, им зарплату не выдадут.

– Предлагаю скинуться и заплатить им, – сказал Протасов, а фирму попросить отправить нас на нашу Землю.

В эту минуту в наш номер вошел пилот Лопатин.

– О чем спор? – спросил он.

– О том, что мы хотим домой, и никакая третья параллель нам не нужна, – ответила я.

– Но это же невозможно, – растерянно пробормотал Лопатин.

– Вот и мы считаем, что это невозможно, – поддержал его Бархатов, – ребята, ну что вы сникли? Пираты и шторма нам

больше не грозят. Я узнавал. На следующей Земле мы будем находиться на суше.

– Вот что, давайте голосовать, – предложила я, – кто за досрочное возвращение домой?

Руки подняли я, Вовка, Лера, Протасов и Толстоухов. Против проголосовали Гольман, Бархатов, Рыбаков, Лопатин и Маевский. Кочетков воздержался.

– Так нечестно, – крикнула я, Лопатин – пилот. Если он голосует, то нужно спросить и Антона.

Мы все компанией побрели в номер первого пилота. Антон спал на диване и спросонья ничего не мог понять. Лопатин принес из его душевой стакан с водой и брызнул на его физиономию.

– Ты что, охренел?! – заорал Антон.

– Извини друг, важное дело, – смущенно сказал Лопатин.

Мы наперебой стали разъяснять первому пилоту суть дела.

– Вы спятили все, что ли, – изумился Антон, – конечно надо лететь на третью параллель.

Теперь единственным шансом тут же вернуться на Землю стало склонить на нашу сторону Кочеткова.

– Олежек, подумай, – ласково прошебетала я, – разве тебе не хочется домой? Там мама, пельмешки домашние, футбол скоро начнется – межмировой чемпионат.

– Нет, ребята, – сконфужено пробормотал Кочетков, – я думаю, что раз заплатили за всю экскурсию, надо ехать даль-

ше.

– Марсель, а ты почему домой не хочешь? – безнадежно спросила я.

– Леточка, там же новые пейзажи! Где я такие дома найду? И не уговаривай!

Так и получилось, что из-за этих идиотов мы должны были ехать дальше. Только много позже стало ясно, почему часть ребят так рвалась на третью параллель.

Лера

Мы уже были на большой земле, Фусан и даже Атлантида остались далеко в прошлом, а я все не могла забыть ужаса, который испытала, когда Юрку собирались принести в жертву. Внутри у меня все дрожало. Очень хотелось поговорить с кем-нибудь по душам, отвлечься от пережитых кошмаров. Поэтому я даже обрадовалась, когда ко мне в номер постучала Пятакова.

– Лерка, ты что делаешь? – спросила она.

Летка зашла ко мне в розовом прозрачном пеньюаре, под которым проглядывало красное белье.

– Лета, ты с ума сошла? А если кто-то из парней тебя увидит? – ужаснулась я.

– Ну и пусть, – ухмыльнулась Пятакова, – что я, зря итальянское белье покупаю? Корсаров внимания не обращает, так пусть другие полюбуются.

– Иди, я тебе свой махровый халат дам, – предложила я.

– Лер, ты мне лучше про Протасова расскажи. Он женатый? – спросила Летка.

– А зачем тебе? Ты что, собираешься с Вовкой разводиться? – удивилась я.

– Нет, конечно. Просто Сеня – интересный мужик, и богатый, – пропела Пятакова.

– Тут тебе, Летка, не светит, – сказала я, – он давно и на-

дежно женат.

– А кто его жена? – не отставала Пятакова.

– Его жена Лиза – прекрасный человек, – ответила я.

– Небось дома сидит? – процедила Летка, – зачем ей с таким мужем работать?

– Сейчас сидит дома, но это ничего не значит, – холодно сказала я.

– А ты откуда ее знаешь? – продолжала допрос Пятакова.

– Мы познакомились не так давно. Лиза закончила био-фак МГУ, потом аспирантуру и защитила диссертацию. Но после замужества Протасовы хотели родить ребенка. Им с Сеней довольно быстро дали разрешение, но Лиза никак не могла забеременеть. Они с Протасовым всех врачей обошли, к бабкам-знахаркам ходили, и ничего не помогало. И вдруг через восемь лет после свадьбы Лиза забеременела.

– Небось от любовника, – хихикнула Пятакова.

– Зачем ты так говоришь? – укоризненно сказала я, – они друг друга любят.

– Ну ладно, а что дальше? – примирительно проговорила Летка.

– А дальше она родила двойню – мальчика и девочку, и села дома их растить.

– Вот тебе женская судьба, – вздохнула Пятакова, – училась, защищалась, а все равно пришлось детям сопли утирать.

– Глупая ты, Пятакова, – сказала я, – Лиза рада детьми

заниматься. И специальность свою она не оставила. В свободное время она стала брошюры писать для детей на тему естествознания, в форме сказок. Дети их очень любят. Мое издательство их публикует, и они идут нарасхват. На этой почве мы с Лизой и познакомились.

– И все равно, – протянула Летка, – как женщину, она себя потеряла. Наверно, ходит в старом халате и фартуке, на ногах тапочки, и все разговоры с мужем сводятся к тому, у кого из детей сопли и кто как покакал.

– Не угадала, Пятакова! – сказала я.

– Корсарова! – крикнула Летка.

– Так вот, Лиза по дому ходит в брюках и свитере, причесанная, а к приходу мужа подкрашивается, – язвительно сказала я.

– Эх, не везет мне! – протянула Пятакова, потягиваясь, – только соберешься устроить мужу приступ ревности, как объект оказывается занят.

– А ты с Гольдманом пококетничай, – посоветовала я.

– Ты что, Новицкая, дурная? Гошка же только на тебя смотрит. Небось, уже и предложение сделал?

– Ну ладно, Летка, мне некогда. Сейчас мама звонить будет по межмировой.

– Хорошо, я к тебе позже зайду, – пообещала Пятакова, чем вовсе меня не порадовала. Свое дело она сделала – отвлекла меня от мрачных воспоминаний, а обсуждать с ней дальше мужиков у меня желания не было.

Летка вышла, а я заперла номер изнутри на ключ.

Георгий

На материке гостиница отличалась от отеля в Атлантиде только размерами. Там кровати были трехметровой длины, а здесь обычные. И потолки у атлантов метра четыре, а тут не больше трех. А так – стандартный люкс.

Я, конечно, был рад, что удалось убедить ребят довести экскурсию до конца. Но это было даже не полдела. Основное – это нейтрализовать Еремея Двадцать пятого, чтобы он не загубил мне и Бархатову бизнес. Меня это интересовало особенно в данный момент.

Как раз сейчас я втайне от отца аккумулировал свои средства на личном счете, поскольку собирался создать собственное дело. Все было почти готово к открытию моей новой фирмы. Я провел маркетинговые исследования по спросу и предложению лекарственных препаратов, выпускаемых на одной из Земель и почти не поставляемых на другие Земли. Оказалось, торгующих уникальными лекарствами фирм почти не было. А заводы, выпускающие такие средства, находятся на двух Землях. Причем каждый завод производит что-то свое.

Я уже собрал все документы для регистрации фирмы, нашел помещение, купил холодильники для хранения лекарств, дал объявления об открытии вакансий, оформил аренду пары автобусов-межмировиков. Потом их можно будет выкупить.

Бархатову я хотел предложить партнерство – я отвечаю за поставку продукции, он – за реализацию. Также я присматривался к Протасову. Все-таки иметь медика в такой фирме совсем нелишне. Но главным буду я.

И тут этот гад – Еремей со своими изобретениями. О нем я хотел поговорить с Макаром. Ведь не убивать же ученого! Что с ним делать? Может, Бархатов выдаст хорошую идею...

Настроение у меня было паршивое, но я решил не киснуть. Нужно собрать волю в кулак и что-то предпринять. Я взял из мини-бара небольшую бутылку коньяка, налил себе немного на дно стаканчика и выпил. Через пару минут стало заметно легче, и я пошел искать Макара.

Номер Макара оказался в конце коридора. Когда я зашел, Бархатов с мокрым полотенцем на лбу лежал на диване.

– Тебе что, плохо? – испуганно спросил я.

– Будет тут плохо, когда какой-то задрипанный ученый задумал меня разорить, – простонал наш юрист.

– Ну, не только тебя, – укоризненно заметил я.

– Да, Гоша, извини. Тебя это тоже затронет, – убитым голосом сказал Макар.

– Давай я налью тебе коньяка, ты встряхнешься, и мы сядем выработать план, – бодро предложил я.

– Лучше мартини, – просипел Бархатов.

После мартини юрист сел, но полотенца со лба не снял.

– Макар, нужно что-то придумать, – начал я разговор, хотя уже заподозрил, что помощи от него не дождешься.

Конечно, я люблю рисковать – это вызывает прилив адреналина. Например, я с удовольствием ездил спасать Марселя. Тут сыграли роль три обстоятельства – моя любовь к опасности, желание выглядеть героем перед Лерой и до сих пор не заглаженная вина перед Марсиком. Я и сам понимал, что очень давно при поступлении в вуз повел себя по-свински. Но другого выхода у меня не было.

Хотя это все лирика. Теперь обстоятельства грозили моему благосостоянию, а это серьезно.

– Мы должны его увидеть, – сказал я, имея в виду Еремея Двадцать пятого.

– И не только увидеть, его нужно нейтрализовать, – согласился со мной Макар.

– Только как? – задумчиво произнес я.

– Способ один, – ответил мой друг, – убить.

– Ты что, с ума сошел?! – возмутился я.

– Это – единственный способ, – настаивал Макар, – в любом другом случае мы не застрахованы от его изобретения.

– На убийство я не подписываюсь, – твердо сказал я.

– Ну и дурак, – заметил Бархатов, – это сделать очень просто. Крадем у Юрки средство для уменьшения кровяного давления и делаем ученому укол большой дозы. Ты наденешь Толстоуховский синий халат врача, и Еремей ничего не заподозрит.

– Ты мало того, что собираешься убить человека, но еще и возлагаешь это на меня, – саркастически сказал я.

– Просто халат Толстоухова на меня не налезет, – стал оправдываться Макар.

– Я категорически против, – твердо произнес я, – я, конечно, не белый и пушистый, но на убийство не пойду никогда.

– Может, нанять кого-то? – спросил Бархатов.

– Заказчиков убийства судят, как и самих убийц, – возразил я, – убийство – это вообще крайний случай, надо его как-то по-другому нейтрализовать.

– И сделать это так, чтобы на нас не подумали, – дополнил юрист, – нам нужен исполнитель. Причем из тех, кто сейчас находится вместе с нами.

– Ты в своем уме? – спросил я.

– Нужна какая-нибудь пешка, то есть мелкий человечешка, на которого мы сможем оказать давление. Я имею в виду шантаж, – сказал Бархатов, поморщившись от необходимости называть все своими именами.

– Есть такой, – вдруг вспомнил я, – это Кочетков.

– Да ты что? – воскликнул Бархатов, – он же – известный сценарист. Богатый, наверное.

– А вот и нет, – расхохотался я, – он не сценарист и не богатый. Он – журналист желтой газетенки.

– Ты имеешь в виду статью про Еремея? – спросил Макар, – так может, это скромное хобби гения.

– Нет, это его основная работа, – возразил я, – мне Пятакова рассказывала, что Кочетков записывает в блокнот все, что смог про нас нарыть. Она сама читала – там и про то, как

Летка к Антону клеилась, ну и не только про это...

– Пусть даже так. Как ты его прижмешь? – задумчиво произнес Макар.

– А вот послушай историю:

Есть у Олега старый одинокий дядюшка Клим Аристархович. Очень он больной. Как-то ему совсем плохо стало, и положили его в больницу, как раз туда, где Толстоухов практикует. Дядюшке надо было срочно удалять желчный пузырь. Юрка такие операции на раз делает, ему это – как семечку разгрызть. А Кочеткову дядюшка отписал в случае своей смерти приличное наследство – квартиру, загородный дом, увесистый счет в банке. И пошел Кочетков сначала к Юрке. Говорит:

– Юр, ты дядю моего не мучай. Он уже старенький. Зачем ему операция?

Юрка отвечает:

– Ты не волнуйся, друган, твой дядя еще лет пятьдесят протянет. Вырежу ему желчный, и станет Клим Аристархович как новенький.

Кочетков ему:

– Ты не понял. Не надо его оперировать. Я тебе денег дам. Только ты оставь его в покое.

Тут Юрка понял, что к чему, и послал Олега к такой-то маме. Но Кочеткова просто так не возьмешь. Он к главврачу на прием записался. Кто-то ему сказал, что главврач взятки берет.

– И откуда ты все это знаешь? – спросил Бархатов.

– Так денег же у Кочеткова не было для взятки, и он пришел у меня заниматься, – ответил я.

– И чем же история закончилась? – поинтересовался Бархатов.

– Денег я ему дал, а дальше не знаю, – ответил я, – но чем Олега прижать, уже ясно.

– Ну, предположим... – проговорил Макар, – но на убийство Олег не пойдет, чем его не прижимай.

– Вот и хорошо. Я тоже не пойду. Надо придумать что-то другое, – сказал я, – вот что...

Тут я изложил ему только что пришедший мне в голову план, который мы назвали планом Б.

Юрий

Когда лежишь ночью без сна, в голову приходят разные странные мысли. Нереальное кажется реальным, невозможное – возможным. Наяву я давно уже смирился с тем, что проживу всю жизнь один.

Нет, я не монах. Время от времени у меня случаются кратковременные... романы? Связи? Молоденькие сестрички начинают проявлять ко мне интерес после совместных операций, благодарные пациентки желают продолжить знакомство от полноты чувств. Как правило, заканчиваются такие отношения чрезвычайно быстро. Женщина понимает, что проку от меня ей не будет, и все затухает само собой. Это удобно, не мешает работать.

И только ночью иногда кажется, что все еще может быть. Я даже думал сначала, что эта экскурсия – указующий перст судьбы. Две недели рядом! Если Лере есть до меня дело, то это шанс. Даже не для меня, для нее. Захочет – и все повернется по-новому.

И ведь Лерочка мне обрадовалась! Правда, не только мне, но и Вене Рыбакову, и Вовке Корсарову. Даже на Виолетту с симпатией смотрела, хоть никогда с ней не дружила. А какая хорошенькая стала! Даже лучше, чем раньше. Как врач, я этого объяснить не могу, но факт. Наверное, чтобы понять, в чем тут дело, надо быть поэтом... Что-то меня не в ту сто-

рону понесло.

Потом, конечно, оптимизм рассеялся. Улетучился, так сказать. Когда я узнал, что путевку ей оплатил Георгий, сразу как в холодную воду нырнул. И дело не в деньгах только. За деньги Лерочка бы не продалась. Но и в истории с Марселем спасал-то его он, а не я. И с индейцами этими. Я, как курица на кухонном столе, ждал своей участи, а Георгий совершил настоящий подвиг. Пусть вместе с Рыбаковым, но совершил.

Внешне мне до Гольдмана тоже далеко. Этакий высокий, спортивный, волосы черные. Да и характер легкий, веселый. Я на этот счет даже и не заблуждался никогда. Она должна была выбрать его, закон природы. А мне оставалось радоваться, что это хоть не Кочетков. Он ведь тоже у нас теперь состоятельный.

А я богатым никогда ни стану. Слишком уж дорого за это надо платить. Как вспомню ту историю с Климом Аристарховичем... И как только я удержался, морду Кочеткову не набил? Видимо, больница действует на меня отрезвляюще, не дает поддаваться эмоциям.

Когда этот гад, Кочетков, ко мне пришел, я даже обрадовался. Давно не виделся. У него, оказывается, дядя в моем отделении лежал и ждал операции. Родственники пациентов часто к врачам приходят, просят проявить особое внимание, деньги суют, подарки. И я сначала решил, что Кочетков за дядюшку беспокоится. Обещал ему, что сам резать буду и на ноги любимого дядю поставлю.

Как вдруг выясняется, что милый родственничек совсем другого хочет. Пусть, говорит, дядюшка помрет, ты ему только не мешай. Деньги мне предлагал. И так мне противно стало! Представил я вдруг, что возьму у Кочеткова взятку. Прознав об этом, и другие потянутся. Заживу богато, квартиру большую куплю, обставлю, а по ночам буду видеть тех бедолаг, что ждали, да не дождались от меня помощи. Плюнул я под ноги бывшему однокласснику и ушел.

Но на этом история не кончилась. Этот гад отправился напрямиком к главврачу. Анатолий Семенович меня к себе через полчаса вызывает, так и так, говорит, я считаю, что больного Кочеткова оперировать опасно. Вы, конечно, лечащий врач, но должны помнить об интересах больницы. Если он на столе помрет, вы нам все показатели испортите. А в этом году у вас все прекрасно складывается, так что вы первый кандидат на место завотделением.

Я его заверил, что все с этим больным будет хорошо, на ноги его в два счета поставлю. Так на следующее утро выясняется, что Клима Аристарховича перевели в терапию, с сердцем ему плохо стало. Там он через неделю и помер. И о новой должности мне главврач больше не слова не сказал. Вот такие дела.

Последняя параллель. Что-то там, за стеной? Выпавших на нашу долю приключений с лихвой хватило бы на несколько поездок. Уже хочется домой. Перегорел я как-то. Ни во что уже не верю, жду окончания поездки.

Зря ребята настояли на продолжении экскурсии. Видимо, у Георгия с Лерой все сложится, но присутствовать при этом я не хочу. Что ж, в любом случае осталось немного.

Ночь, наконец, отступила. Восемь часов. Я не люблю валяться в постели, все равно не расслабишься. Лучше, пока все спят, выйти на воздух. Переход был вчера вечером, так что у меня появился шанс первым увидеть новую параллель.

Я быстро оделся и вышел из автобуса. Первое впечатление было потрясающее! Кругом – вековой лес! Первые две параллели принимали экскурсию в городах, пусть даже на некотором отдалении от жилой застройки. А здесь платформа стояла на поляне. Я с изумлением смотрел на вздымающиеся к облакам могучие стволы. Густая трава под ногами казалась нетронутой. Тут было чудесное лето средней полосы.

Как оказалось, я все же проснулся не первым. Откуда-то из леса вышел Веня, он радостно улыбался и размахивал, словно веником, букетиком полевых цветов.

– Благодать-то какая! – приветствовал он меня. – Дома в лес не выберешься, хотя и рядом. А тут, за тридевять земель, такая красота! Представляешь, тут белок полно и зайцев. И они меня совершенно не боятся, погладить даже можно.

Но я его восторгов не разделял.

– Не знаешь, какого нас в лесу посадили? Мы что, на карантине?

Веня улыбнулся.

– Чудак! Ты что, ничего про эту параллель не знаешь? Я, когда решил ехать на экскурсию, первым делом про все три мира прочитал. Нашел всю доступную информацию.

– Я здесь не на экскурсии, я работаю. – Нахмурившись, ответил я. – Лучше расскажи по-человечески, куда это нас занесло.

Вениамин не обратил на мои слова о работе никакого внимания. Это даже показалось мне странным.

– Видишь ли, дружище, местные жители лет двести назад или чуть больше устроили себе экологическую катастрофу. Не знаю, что уж и как они производили, их цивилизация ушла гораздо дальше вперед, чем наша. Только они так отравили все вокруг, что почти все вымерли. Оставшиеся люди чудом спаслись в какой-то одной отдаленной от центра цивилизации местности, и теперь у них прямо культ природы.

– Оно и видно, – заметил я. – Даже дорог нет.

– Ошибаешься, Юрка. У них дороги отличные, просто ты не видишь. Очень прочные и долговечные дороги сверху покрыты травой. Ездят здесь на гужевом транспорте, а грузы перевозят на антигравах. Так что следы можно найти только лошадиных копыт, да колес телеги. Скоро сам все узнаешь, у нас тут очень интересные экскурсии запланированы. Только не рви тут ничего и не ломай. Не порти зеленые насаждения, а то как бы не вступить в конфликт с местным населением, – важно продолжал поучать Рыбаков.

– Сам-то букет надрал, – ухмыльнулся я.

– И не говори. Не удержался. Лучше суну в какой-нибудь куст, – решил Веня, избавился от своей добычи, и мы пошли завтракать.

Виолетта

Ночью мы переместились на новую параллель. Я уже так устала от этих путешествий, что с большей охотой оказалась бы в нашем с Вовкой пригородном коттедже. Мы купили его не так давно. Это кирпичный трехэтажный домик и небольшой участок вокруг него – соток тридцать. А в поселке живут сплошь интеллигентные люди – режиссеры, сценаристы, актеры, композиторы. Там так мило, и никто вас не захватывает в плен и не собирает вас завтракать.

Кстати о завтраке, интересно, сколько сейчас времени? Что-то живот подвело. Ой, уже одиннадцатый час! Нужно срочно собираться в столовую. А я еще не накрашена! Ну ничего. Я – актриса, и привыкла делать все быстро.

В нашей автобусной столовой собрались почти все ребята. Дверь на улицу была распахнута, светило солнце, что сразу настраивало на веселый лад. Юрка с Веней уже успели погулять – пришли в грязных ботинках, и брюки снизу у них промокли. Лерка даже не накрасилась! Вот дура! Так она Гольдмана не соблазнит. А Протасов-то ничего... жаль, что прочно женат.

Что у нас тут на завтрак? Опять овсянка и омлет. Надоело. Кто все это накрывает? Мы уже давно путешествуем, а ни одного робота-официанта я не видела.

Интересно, кто нас курирует на новой планете? С этой

мыслью я оглянулась и увидела вполне приличного парня. Рост у него был не меньше ста восьмидесяти, глаза хитрые зеленые, пышные рыжие волосы и на подбородке ямочка. И одет почти как на нашей Земле одеваются. Вполне солидный клиент, решила я. Так вот кто наш экскурсовод... Есть повод выгулять мой новый облегающий комбинезон. Надену его без водолазки, чтобы мужикам хотелось в декольте заглянуть.

Рыжий парень поднялся из-за стола и сказал:

– Меня зовут Аристарх, я буду сопровождать вашу группу на экскурсиях на нашей планете. Сегодня у вас день отдыха. Он не был запланирован с самого начала, но поскольку вам пришлось многое вытерпеть во время путешествия, фирма приняла такое решение. Днем вы сможете погулять по лесу или просто отоспаться, а вечером у нас праздник Земли.

– По какому лесу? – удивленно спросил Гольдман.

– Видите ли, вы приземлились в лесу, – ответил Аристарх, – жители нашей планеты большое значение придают экологии, поэтому городов как таковых у нас нет. Население живет в деревеньках в деревянных домах. Вообще, если вы помните курс истории про те времена, когда еще не было асфальтовых дорог и двигателей внутреннего сгорания, то легко сможете вписаться в нашу жизнь.

– А на чем же ездят ваши жители? – удивленно спросил Кочетков, вынимая из рюкзака планшет.

– Они ездят на повозках, в которые впряжены лошади, –

спокойно промолвил Аристарх.

– А если нужно на другой конец материка отправиться? – не отставал от него Олег.

– Тогда используют антигравы-автобусы. Они имеют приличную скорость. Хотя такие поездки совершают не так часто. Вот мы с вами завтра поедем на экскурсию на антиграве. Поэтому призываю всех на празднике много браги не пить и до утра не гулять, – сказал экскурсовод и улыбнулся. Оказалось, что у него и на щеках ямочки.

– А что это за праздник Земли? – спросила я со всем возможным кокетством.

– Это летний праздник, посвященный плодородию. Все работы по посадке сельскохозяйственных растений уже завершены, а сбор урожая нескоро – осенью. Проводятся только мероприятия по искоренению сорняков и подкормке плодовых культур. Поэтому у населения есть время денек, вернее – вечер и ночь, отдохнуть и повеселиться, – сказал Аристарх.

– А в чем суть праздника? – опять спросил Кочетков.

– Пожалуй, праздник Земли похож чем-то на ночь Ивана Купалы, – произнес экскурсовод, – девушки водят хороводы, гадают на суженого разными способами. Ну и есть некая эротическая нотка. В этот вечер можно целоваться и обниматься с кем угодно. Только надо помнить, что с кем обнимешься ровно в полночь, с тем и проживешь последующие десять лет, – при этих словах Аристарх опять улыбнулся, да-

вая понять, что он в эти приметы не верит.

«Лес, – подумала я, – значит, босоножки на шпильках не подойдут. Хорошо, что я взяла розовые кроссовки. А ведь Вовка ругался, говорил, что я набрала кучу лишней одежды и обуви».

После завтрака нас выпустили из автобуса. Снаружи ярко светило солнышко. Зеленая трава с вкраплениями ярких цветов и тонкие березки окружали нас со всех сторон. Не было даже намека не то что на дорогу, но хотя бы просто на тропинку.

– А комары здесь есть? – спросила я Аристарха.

– Здесь все есть. Вот возьмите репеллент, – ответил он.

Ну вот... Значит, я буду пахнуть не духами, а противным репеллентом! Но делать нечего. Я ужасно боюсь комаров. Пришлось побрызгаться вонючим составом.

Аристарх дал всем задание собирать в лесу ветки для костра, а сам вместе с Лопатиным принялся устанавливать на поляне палатки.

– Это зачем? Мы что, должны на земле спать? – не выдержала я.

– Ну что вы, девушка, – отозвался экскурсовод, – мы надуем матрасы, выдадим спальники, и вам будет не холодно. А если пожелаете ночевать в автобусе, пожалуйста.

– Я вообще спать не собираюсь. Кто же спит в такую ночь? – томно сказала я.

Рыжий парень внимательно посмотрел на меня, но ничего

не ответил.

– Виолетта, вы замерзнете в таком комбинезоне, да и ветки вас поцарапают. Возьмите мою куртку, – сказал Лопатин.

Все-таки эти мужики ничего не понимают. Неужели я буду надевать его задрипанную куртку на свой выходной костюм?

– Спасибо, Иван, я сбегаю за своей, – ответила я. Эта мысль пришла ко мне очень кстати, вместо собирания веток я пойду в номер. Хотя бы тщательно накрашусь. Перед завтраком я успела только немного провести кисточкой по ресницам.

Когда я вышла из автобуса где-то через полтора часа, на поляне уже горел костер. Над ним на деревянной перекладине висел котелок. Лерка помешивала в нем половником.

– Пятакова, иди обед готовить, – крикнула она мне.

– Разве нас не накормят в автобусе? – спросила я, подходя поближе.

– Сегодня у нас обед на свежем воздухе, – сказала Лерка, – Аристарх выдал нам тушенки и овощей, чтобы мы суп на всех приготовили.

– Ничего себе, – проворчала я, – мы платили такие деньги, чтобы самим себе еду готовить...

Новицкая, видно, не расслышала и протянула мне половник.

– А я пойду миски сполосну, – сказала она.

– Куда? – осведомилась я.

– Тут ручей недалеко, – ответила Новицкая.

Миски мыть в ручье! Какая антисанитария! Ну что ж...

Ничего не сказав, я начала помешивать бурду в котелке. Это было не так просто. Чтобы не потекла тушь с ресниц, я старалась находиться как можно дальше от костра, держа половник в вытянутой реке.

Лерка вернулась через четверть часа.

– Еще мешаешь? – спросила она, – уже, наверно, готово.

Мы с ней с двух сторон сняли перекладину с котелком с уключин и поставили емкость на землю. Тут же подтянулись ребята, которые все еще таскали ветки.

– Вкусно пахнет, – сказал Протасов, – давно супа, сваренного на костре, не ел.

Рыбаков с Толстоуховым подкатили к костру бревно, на которое мы должны были сесть, чтобы пообедать. Ужас!

– Летка, я тебе салфетку из автобуса захватил, – сказал мой благоверный, – чтобы ты свой сиреневый комбинезон не испачкала.

Я с благодарностью постелила на дерево довольно широкую тканевую салфетку и села на нее.

– Скажите, Аристарх, а вы женаты? – спросила я экскурсовода, который очень удачно сел рядом.

– Я – нет. А вы? – сказал он.

– Неважно, – ответила я, – сегодня же праздник любви.

– Земли, – поправил экскурсовод.

– Земля, плодородие, любовь – все связано, – интимно

прошептала я.

Тут мой взгляд упал на Вовку, который смотрел на меня с плохо сдерживаемым гневом, и я отодвинулась от Аристарха подальше.

Поскольку благоверный меня приревновал к экскурсоводу, нужно на время переключить внимание на кого-то еще. Я стала разглядывать одноклассников. Гольдман что-то обсуждал с Бархатовым и Протасовым. Кочетков потихоньку делал записи в блокноте. Лерка смотрела на Толстоухова, который уставился на огонь. Рыбаков, как ни странно, о чем-то беседовал с Лопатиным. Что у них общего, непонятно. Я стала вслушиваться в их разговор, но слышала только отдельные слова: «не так, как ты думаешь... не в этом дело... тебе же хуже будет».

После обеда меня разморило, и я сбежала в автобус, чтобы не заставили посуду мыть. Дома посуду моет домработница. А когда мы с Вовкой еще не раскрутились, он сам мыл.

Я задремала в номере, а когда проснулась, уже стемнело. В номер вбежал Вовка.

– Лета, пойдем. Уже праздник начался, – сказал он.

Я быстро, минут за двадцать, поправила макияж и пошла к ребятам. Вовка ушел, пока я красилась.

На поляне костер разгорелся еще больше, чем перед обедом. Эти дурики прыгали через него, подвергаясь опасности спалить брюки и обжечься.

– Летка, давай прыгнем, – возбужденно прошептал Во-

вка, – если не обожжемся, значит еще десять лет проживем вместе мирно, без скандалов.

– Что я, дура? – возмутилась я, – да мне хоть миллион заплати, и то я не стану прыгать! И я не замечала раньше, что ты суеверный. А, поняла. Ты выпил.

– Мы все выпили немного местной браги, пока ты спала, – ответил Корсаров, – но от нее в голове ничего не происходит, только ноги плохо слушаются.

– Ну вот, а ты с такими ногами хочешь через костер прыгать, – умиротворяюще сказала я, – мне-то браги оставили?

– Возьми у Аристарха, – холодно произнес Вовка. Видно, ему не хотелось, чтобы я разговаривала с экскурсоводом.

– Корсаров, ну что ты ревнуешь? – проговорила я, – Аристарх же не миллионер, чтобы к нему ревновать. Я тебя не променяю на голь перекатную. А где Лерка?

– Она у ручья, ушла гадать, – сказал Вовка, – сплела венок из цветочков и пускает его по ручью.

– И что это за гаданье? – полюбопытствовала я.

– На суженного, тебе не актуально, – ответил Корсаров.

– Не злись, – сказала я и пошла пить брагу.

Лопатин

Проснулся я рано, но вставать не стал. Это означало новое погружение в жизнь экскурсантов, пустую болтовню, а мне надо было подумать. Наконец мы достигли цели моего путешествия. Где-то за стенкой автобуса мирно дремлет или уже просыпается мой Еремей. Как убедить его поехать с нами? Как спрятать от остальных экскурсантов?

Мне очень, очень нужен помощник. Одному это дело не провернуть, я уже понял. Лучше всех подошел бы Вениамин, но он может представлять и другую сторону, тех, кто охотится на моего изобретателя, чтобы его ликвидировать.

Архипыч сразу предупреждал, что Еремея хотят уничтожить. Конечно, любой или почти любой из наших экскурсантов может оказаться тем, кому поручено это черное дело. Жаль, что наши не смогли дать мне подробной информации обо всех участниках поездки. Наверное, не успели добыть сведения в короткие сроки. На мой взгляд, больше всех на роль киллера подходят Георгий и журналист. Но если Гольдман и в самом деле успешный предприниматель, зачем ему это?

Журналист – скользкий тип. Выглядит слабым и хлипким, но кто там его разберет – может, он с утра до ночи тягает гири, а мешковатый костюм прикрывает упругие мышцы.

Можно было бы заподозрить Антона, но на мой взгляд, он

глуповат. Возможно, убийца и вовсе не связан с нашей экскурсией, но если выбирать из своих – самая реальная кандидатура все-таки Рыбаков.

Мелкий государственный чиновник, насколько я мог заключить из разговоров наших путешественников, вряд ли зарабатывает столько, чтобы разгуливать по параллельным мирам. Или Рыбаков занимает серьезный пост, причем секретный, или он здесь на задании. Я склоняюсь ко второму. Если бы он был важной шишкой, то не лез бы в рискованные авантюры, да и выглядел бы иначе. Начальство редко бывает таким жилистым и тренированным. Взять хоть спуск в ледяную расщелину. А уж про похищение жреца я и не говорю. Он мало дорожит своей жизнью, и это неспроста.

Я должен принять решение, и ошибиться нельзя. С этой мыслью я покинул койку и отправился на прогулку. Не успел я отойти от автобуса и на сотню метров, как увидел за деревьями нашего доктора и Вениамина. Они мирно беседовали и меня не заметили. Рыбаков много знает про эту параллель! Он с умным видом просвещал Толстоухова, а я пытался понять: его знания – результат любопытства, чтения проспектов «Зорь Земли» или основательная подготовка оперативника?

Переждав гуляющих экскурсантов, я отправился в здешний офис Зорь. Домик-теремок притаился на лесной поляне, со всех сторон закрытой густым подлеском. Здесь пахло хвоей, грибами и ночной свежестью. Где-то неподалеку жур-

чал ручей. Идиллическое местечко.

На мой стук на крыльцо вышел парень такого роста, что мне пришлось даже задирать голову. Правда, он стоял на ступеньках. На хозяине терема были подвязанные веревкой штаны и мягкая широкая рубаша. Он улыбнулся мне во весь рот, продемонстрировав ямочки на щеках. Наверняка понравится нашим дамам, особенно жене режиссера.

– Вы из автобуса? – спросил парень. – Давайте знакомиться. Я Аристарх.

– А я Иван, – ответил я и поднялся на две ступеньки, чтобы пожать ему руку. – Второй пилот и сопровождающий. У вас здесь все так ходят? – спросил я, указывая на подвязанные веревкой штаны.

– Не волнуйтесь, перед вашими экскурсантами я представлю при всем параде, – усмехнулся Аристарх. – Когда живешь в чужой стране, поневоле начинаешь одеваться, как они. Да и вообще... Я подойду к вам после завтрака. Будем развлекать гостей изо всех сил.

Мне надо было узнать, где искать Еремея Двадцать пятого, но как подступиться к этому вопросу, я не знал. Аристарх неожиданно помог мне сам.

– Завтра повезем вас на русалочью ферму. Очень занятное место, ни на одной параллели такого нет. Здешний ученый, занятный такой старикашка, Еремей, сумел вывести целую стайку. Или косяк? Не знаю, завтра сами спросите.

Я заверил Аристарха, что обязательно поеду с экскурсан-

тами и поспешил назад. Теперь надо было решать вопрос с Рыбаковым. Вот только как?

Оказалось, «Зори Земли» решили устроить нашим страдальцам праздник, чтобы компенсировать перенесенные лишения. Вернее, праздник устраивали местные жители, а наших просто туда позвали, освободив целый экскурсионный день.

Надо сказать, я знал, что последняя из запланированных параллелей живет в единении с природой, но не представлял себе, как это выглядит на самом деле. Для меня природа – это искусственные леса, парки и пляжи Геи, где никаких опасностей не может быть по определению. Здешние же леса полны животных. Местные умеют с ними ладить, а вот я не хотел бы встретить на опушке медведя. Да и другие звери вызывали у меня естественные опасения.

Не знаю, смог ли я объяснить... Это все равно, что смотреть по сенсовизору видовую программу и вдруг очутиться внутри. Все оказалось гораздо более вещественным, если можно так выразиться. Высоченные деревья закрывали верхушками небо, дул ветер, довольно сильный и пахнувший дымом. Ходить приходилось прямо по траве, в которой тут и там торчали головки неизвестных мне цветов. Сначала я старался перешагивать эту красоту, а потом плюнул. Все равно ничего не получалось.

Аристарх заверил меня, что все под контролем, и звери гостям не грозят. Он затеял строить палаточный лагерь, что-

бы наши экскурсанты смогли переночевать на природе. Мы с ним здорово приноровились, пока устанавливали брезентовые домики. Женщины в это время варили на костре обед.

Мне не раз приходилось жить в полевых условиях, но всегда это были неизведанные места на других планетах, опасные и враждебные. Отдых в лесу показался мне чем-то сродни сказке. Это и придавало сил, и расслабляло.

К вечеру вокруг нашего костра стали собираться местные жители. Удивительный народ! Женщины в длинных рубашках или платьях, вышитых цветными нитками. Длинные волосы заплетены в косы. Мужчины, а скорее, мужики, с бородами, в холщовых портках и рубашках. На фоне леса, костра, в густых сумерках они воспринимались, как часть этого мира. Это мы в своих кроссовках, джинсах, со стрижками и без бород казались чужими в волшебной стране.

И гости, и хозяйева расположились на огромных бревнах, которые заменяли здесь скамейки. Я сел рядом с Рыбаковым, чтобы не упускать его из вида.

Аристарх с помощью одного из мужиков прикатил здоровенный бочонок и предложил всем желающим отведать местной бражки. Юная красавица принесла деревянные кружки. До чего ж хороши у них женщины! Никакой макияж нашей примадонны Виолетты не мог сравниться с их естественной прелестью. И как всегда, вместо того, чтобы познакомиться со славной девушкой, я должен был работать. Судьба такая...

От браги пахло медом и лесными травами. Я приготовился выпить антидот, чтобы не захмелеть, и тут заметил, что Вениамин украдкой сунул в рот таблетку. Тогда я, уже не таясь, сделал то же самое. Пусть видит, так даже проще.

После обеда молодежь затеяла прыгать через костер. Бревна мы оттащили подальше, чтобы те, кто лишен духа авантюризма, могли наблюдать за этим развлечением издали. К ребятам присоединились и некоторые из моих подопечных. Георгий прыгнул первым, и довольно удачно. Может, штаны и попортил, но не обжегся. Все-таки мне кажется, что он какой-то безбашенный. Считает, что с ним не может случиться ничего плохого.

Глядя на него, прыгнула и Лера. Я испугался, что она плюхнет в костер, но девушка легко перелетела опасную зону и приземлилась прямо в руки Толстоухова. Доктор с самого начала был наготове, чтобы оказать ей первую помощь.

Аристарх усмехнулся.

– Такого давно у нас не было!

– Чего? – хором спросили мы с Вениамином.

– Примета такая: кто поймает девушку над костром, проживет с ней до старости. Но поймать трудно. Некоторые влюбленные специально стараются, договариваются, но попасть точно в руки очень тяжело. А тут даже без подготовки! Видно, судьба...

Мы замолчали. Я думал о том, что хорошо бы эта примета сбылась. Я в них не очень-то верю, но Толстоухов заслужил.

Пусть ему повезет.

Незаметно на поляне появился еще один мужичок. Он возник на опушке, словно сказочный персонаж. Ни одна ветка не хрустнула, ни звука не раздалось с той стороны – а он уже перед нами.

Аристарх поднялся.

– Какими судьбами?

– Да вот, решил познакомиться с людьми с других Земель. Ехать далековато, но мой Воронок давно уж застоялся, – ответил мужичок. – Передохнет пока, а там и домой.

– Позвольте представить вам нашего русалочьего начальника. Еремей завтра покажет всем свою ферму, единственную на всех земных параллелях, где он разводит прекрасных сказочных сирен, – с пафосом провозгласил Аристарх.

– Что ты говоришь, Аристаша, – мягко возразил мужичок. – Разве русалок можно разводить? Это же разумные существа. Я с ними сотрудничаю.

Еремей произвел на меня странное впечатление. И с чего Аристарху вздумалось называть его стариком? Он казался фольклорным персонажем без возраста, на манер Бабы Яги или Деда Мороза. Густые темно-русые волосы, окладистая борода, а глаза темные и добрые-добрые.

– Еремей Двадцать пятый? – спросил Рыбаков.

– Вы уже слышали о нем, да? – обрадовался Аристарх.

Я понял, что откладывать больше нельзя.

– Я здесь по его душу, – шепнул я Рыбакову.

Вениамин поднял на меня глаза.

– Ты не представляешь, что это за человек! Он изобрел аппарат для перемещения между параллелями размером в ладошку. Раз – и ты уже в другом мире! А здесь Еремею грозит опасность, надо его эвакуировать.

– Тебе-то что за дело? Мы и так в другой мир добрались, – пожал плечами Рыбаков.

– Так сейчас на это сколько денег надо! – продолжал я на подъеме. – А с его аппаратом каждый может задаром переместиться.

– Какая разница? – Рыбаков отвернулся, но я не отставал.

– Как это – какая разница? – сказал я. – Взять хоть твой глизин.

– Он куда не мой, – грустно улыбнулся Вениамин.

– Знаешь, из чего его получают?

– Нет. Откуда? – тема явно была Рыбакову неинтересна.

– На триста двадцать третьей параллели растет такой сорняк с мелкими фиолетовыми цветочками. Раньше его уничтожали, а потом оказалось, что он содержит вещество, обладающее лечебным эффектом. Из глизатании, так называется сорняк, начали получать глизин. Одна ампула стоит там на ваши деньги два кванзата.

– На наши? – сразу смекнул Рыбаков.

– На ваши, – подтвердил я. А двадцать тысяч – это за доставку, ну и прибыль поставщика.

– К чему ты это все?

– К тому, что Еремей изобрел приборчик. Берешь его в руку и переносишься на ту параллель, которая тебе нужна. Можно и за глизином смотаться, купить кванзатов на двадцать или тридцать, и хватит на весь курс лечения.

Рыбаков смотрел на меня, прищурившись, и ничего не отвечал.

– Ну, смотри сам, – сказал я, поняв, что больше давить не стоит. – Ведь кроме твоего Даньки и другие дети есть, которым без этого глизина не жить. Так что решай.

Я встал и ушел к себе в каюту, чтобы лишить Вениамина оппонента. Пусть спорит сам с собой, а я буду надеяться, что победит добрая сторона его души.

Георгий

Наутро после праздника Земли у меня побаливала голова – перебрал вчера браги. Но думать об этом некогда. Вчера мы наконец увидели воочию своего врага – Еремея. С виду простой мужик, парикмахерскую несколько месяцев не посещает, отрастил здоровую бороду и волосы почти до плеч. Но это только видимость. На самом деле он – враг. Хочет меня разорить! И я намерен ему этого не позволить.

Постанывая, я поднялся и выпил обезболивающее. Часы показывали всего семь утра. До завтрака осталось полтора часа. Есть время еще раз побеседовать с Макаром.

Я оделся, вышел в коридор и стал стучать в его дверь. Он долго не открывал. Потом послышался топот и его заспанный голос: «Ну кого еще там принесло спозаранку?»

– Открой, Бархатов, это я, – отозвался я.

– Гольдман, ты сдурел? Еще час, как минимум, спать можно! – недовольно сказал Макар, открывая дверь. Он был в синей пижаме и в вельветовых тапках на босу ногу.

– Пока все спят, мы можем беспрепятственно обсудить подробности нашего плана, – объяснил я.

– Ты же уже все сказал, – зевая, проговорил Бархатов.

– Нет, не все. Я подумал, что неплохо бы привлечь на нашу сторону пилота, – возразил я, проходя в комнату и садясь в кресло около торшера.

– Которого? – спросил Макар, присаживаясь на разобранную кровать.

– Антона. Он же потеряет денежную работу, если Еремей добьется своего, – ответил я, – нужно ему это объяснить.

– Зачем он нам? – осведомился Макар.

– Ну, в плане Б он должен вовремя выйти из рубки, – напомнил я.

– А если он не согласится? – засомневался Бархатов.

– Тогда мы его подкупим, – предложил я, – посулим ему большие деньги.

– Ты будешь платить? – скептически произнес этот толстосум.

– Можно и не платить, а предложить ему должность в «Зорях Земли» с хорошим окладом, – озвучил я свою мысль, – ты же можешь замолвить за него словечко.

– Могу в принципе. Это все, что ты хотел сказать? – спро-

сил Макар.

– Нет. Нам еще понадобится кто-то, чтобы стоять на стреме, – сказал я, – возможно, все-таки придется использовать Кочеткова.

– Ты хочешь надавить на него, используя ту старую историю с дядюшкой? Но кто ее теперь подтвердит? – поинтересовался Бархатов.

– На этот случай у меня есть средства, – похвастался я, – чтобы он нам помогал, я записал наш с ним разговор, когда он приходил ко мне деньги занимать на взятку врачу. Если эту запись передать куда следует, ему грозит судебное разбирательство, обвинение в убийстве дяди и наказание.

– Ну ты даешь! – восхитился Макар, – ты же тогда про Еремея ничего не знал! Зачем же записывал?

– Я привык наводить для себя страховочные мосты, – пояснил я, – чаще всего они пропадают зря, но в этом случае понадобились.

Я откинулся на спинку кресла и задумался. Самое трудное – это выкрасть ученого. Остальное – дело техники.

От Макара попахивало потом и перегаром. Видно, он вчера лег спать, не приняв душ. Он как будто прочел мои мысли.

– Слушай, ты иди, – сказал Бархатов, – я хочу до завтрака еще в душ залезть.

Я вышел и вернулся в свою каюту. Наш план постоянно вертелся у меня в голове, постепенно обрастая новыми подробностями. В конце концов я решил не использовать ни

Кочеткова, ни Антона.

Рыбаков

Ночь после праздника я не спал. Интересно, откуда взялся этот Лопатин на мою голову?

В СОР я пошел за романтикой. Сразу после школы поступил в училище. Тогда я готов был спасать все человечество, восхищался ветеранами и мечтал о подвигах.

Надо сказать, что в основном СОР действительно занимается экстремальными ситуациями не просто так, людей спасает. Мне и самому приходилось эвакуировать население из поселка на склоне проснувшегося вдруг вулкана, дежурить в закрытом подземном госпитале, в который привезли заболевших неизвестной болезнью, разбирать завалы после землетрясений.

Бывают и другие случаи, конечно. Когда химик Логси открыл новый наркотик, дающий своим жертвам необыкновенные ощущения и награждающий их бесплодием, я уничтожил плоды его трудов, запасы сырья и продукции. Да и с самим ученым не церемонился, по правде говоря. Но это все было иначе. Там я всегда чувствовал, что правда на моей стороне.

За годы службы я привык выполнять приказы, не обсуждая. Но Еремей... Если Иван прав, то сколько же горя и вреда принесет выполнение моего задания! Задумай я обвести второго пилота вокруг пальца и уничтожить Еремея, я смог

бы это сделать шутя. Лопатин славный парень, и физическая подготовка у него отличная, но он слишком доверчив. Не знаю уж, откуда он взялся, но там, в его мире, видимо, гораздо меньше лжи и коварства.

Почему, почему СОР взялся за это дело? Кто-то дал кому-то большую взятку, чтобы сохранить бизнес? Ведь открытие Еремея продвинуло бы человечество вперед на огромное расстояние. Конечно, к таким открытиям надо относиться осторожно, но не закрывать же их! И что изменит ликвидация Еремея? То, что изобрел один, вскоре сможет повторить другой. Следовало бы взять изобретение под контроль, на мой взгляд. Чтобы недобросовестные путешественники не нанесли вреда чужим параллелям. Но сам человек?

Впрочем, все это общие рассуждения. Выходит, что выполнение задания не только не поможет Даньке, а способно вообще его погубить. Даже в самом лучшем случае я не добуду для него больше одной дозы глизина, да и та под вопросом. А с переместителем можно обеспечить ему полный курс. Вот тут и думай...

Утро пришло в свой черед и принесло с собой ясность. Я понял, что такой шанс не упущу. Если помогу Лопатину, потребую прибор за труды. Хотя это и глупо, конечно. Иван явно не наш, откуда он, я не знаю, да и не узнаю, наверное, никогда. Для меня это неважно. Главное, что если он заберет Еремея с собой, СОР не сможет предъявить мне никаких претензий. Человек пропал, тело не найдено, для отчета оно

мне и не нужно. В общем, я решил.

Ивана я увидел за автобусом. Похоже, он ждал меня. Я не стал ему ничего говорить, просто подошел и хлопнул по плечу.

На ферму мы поехали сразу после завтрака, так что не было никакой возможности подготовиться. Что прятать Еремея мы будем в каюте Лопатина, я не сомневался. Не зря там установили такой надежный замок, что даже я не смог его вскрыть. Интересно, как Иван собирается его похищать? На глазах у всей экскурсии это не так-то просто. Ну, все выяснится со временем.

Везли нас на гравилете, который удивительно напоминал использующиеся в Соре. Похоже, наши закупили машины на этой параллели. Интересный расклад! Но все к лучшему, такую модель мне водить уже приходилось.

Проще всего было бы вывезти ученого, пока все на экскурсии или на обеде, а потом вернуть гравилет на место. Еще Еремея нужно переодеть. По комплекции клиент ближе к Лопатину, чуть ниже меня ростом и плечи широкие. Лучше всего было бы синтезировать комбинезон, но сделать это я не успел. Ладно, можно быстренько изготовить его, пока Лопатин покараулит ученого в своей каюте.

Дорога до фермы заняла минут сорок. Машину пришлось оставить на краю леса. Еще с километр мы шли пешком по узкой тропинке. Ферма встретила нас потрясающим зрелищем. Нам открылось большое озеро, окруженное вековыми

соснами. В спокойной воде отражались голубое небо и верхушки деревьев. У ближнего к нам берега из воды выглядывала женщина с обнаженной грудью. Ее длинные черные волосы спускались по плечам, но совершенно не прикрывали наготу. Я не понял, сидела ли она или стояла. Не знаю, могут ли вообще русалки сидеть?

Вся мужская часть экскурсантов замерла в охотничьей стойке. Виолетта презрительно наморщила носик, и лишь Лера смотрела на женщину со спокойным интересом.

– Доброе утро, – произнесла красавица, ее голос, похожий на человеческий, обладал дополнительными нотками. В нем звучало то ли журчание воды, то ли звон серебряных колокольчиков.

Я оглянулся. Георгий впился глазами в незнакомку и сжал зубы. Кочетков открыл рот, глаза Бархатова стали маслянистыми. Толстоухов лишь мельком взглянул на русалку и снова повернулся к Лере. Он напоминает мне подсолнух: его голова всегда следует за его личным солнцем.

Вперед выступил Еремей.

– Что ж ты гостей смущаешь, Ладушка? – спросил он.

– Да разве я смущаю, Еремеюшка? – ласково ответила русалка. – Я вот жду-дожидаясь, когда вы приедете. – Добро пожаловать, гости дорогие.

– Что, можно прямо к вам? – спросил Кочетков, на ходу сдирая с себя пиджак.

– Можно, ежели не боишься, – сказала русалка. – Водица

вот только прохладная, смотри, не застудишь.

Лопатин взял Кочеткова за плечо.

– Купание отменяется, – командирским тоном заявил Иван. – Мы здесь на экскурсии. Держите себя в руках.

Аристарх, ответственный за это развлечение, согласно кивнул.

Заслышав наши голоса, появились и другие русалки. Они удивительно похожи на людей, но чем-то все-таки отличаются.

Водяные дивы устроили для нас целое представление. Оно напоминало соревнования по синхронному плаванию, но при этом русалки двигались так изящно и грациозно, так естественно, что даже не тревожили водную гладь. Их слаженные движения гипнотизировали. В это время Лопатин увлек Еремея подальше от публики и принялся его в чем-то убеждать. Бедный Иван! Он с восторгом смотрит на каждую особу женского пола, а тут такое представление!

В голове начало мутиться, я старался не поддаваться, но тут русалки запели! Я на автомате включил диктофон. Забегая вперед, скажу, что на нем не оказалось ни звука. Видимо, они пели не голосом, а передавали мелодию прямо в наши незащищенные головы. Мужики, как кролики перед удавом, начали покачиваться в такт музыке. Не зря моряки всегда боялись встретить в море сирен! Это пение способно увести за собой в любые глубины, даже в пасть к морскому чудовищу.

Я всадил себе в руку булавку, всегда приколотую для этой цели к клапану комбинезона. Наваждение сразу отступило. Надо было действовать, не откладывая.

Пока публика внимала русалкам, я огляделся по сторонам и увидел, что Еремей с Иваном сидят на бревне и о чем-то беседуют, причем Еремей согласно кивает. Видимо, наш второй пилот сумел убедить ученого в необходимости покинуть эту параллель.

Я подошел к ним. Иван поднял голову, посмотрел на меня и сказал:

– В нашем распоряжении час. За это время надо доставить ученого в автобус и вернуться обратно.

– Тогда пошли, – ответил я. – Придется выжать из гравилета все соки.

Мы быстро покинули берег озера.

– Ваши красавицы не утопят экскурсантов? – встревоженно спросил Лопатин, бросив взгляд на пританцовывающих мужчин.

– Нет, голубчик. Они шалят, но вреда никому не причинят, – успокоил его Еремей.

Мы быстро загрузились в гравилет, и я дал по газам. На экскурсионной машине тут стоял ограничитель, который мне пришлось сорвать. Ничего, исправлю, когда буду возвращать наш транспорт экскурсантам.

До автобуса мы добрались за двадцать минут. Лопатин повел Еремея к себе, а мне пришлось возвращаться на озе-

ро. Если бы меня спросили, где я был, пришлось бы что-то врать, но увлеченные русалками экскурсанты даже не заметили нашего с Иваном отсутствия.

Георгий

С вечера у меня свербело в носу. Даже непонятно, где я смог простудиться. Погода последние дни была хорошая. Может, вспотел, когда прыгал через костер, а потом переохладился? На русалочьей ферме я чувствовал себя хорошо, а сейчас расклеился. Пришлось принять средство от простуды и лечь спать.

И как назло, ранним утром постучали в дверь. Я посмотрел на часы – половина пятого. Кого это принесло? Оказалось, стучит Аристарх.

– Ты что? – недовольно спросил я.

– У нас беда, – ответил он, – ученый пропал.

– Какой еще ученый? – сказал я, ничего не понимая спросонья.

– Еремей, – пояснил экскурсовод, – понимаешь, он вчера ускакал в лес за травами. А поздно вечером конь вернулся без седока.

– Ну мало ли, – предположил я, – может, он решил отдохнуть от дел, а конь отвязался и прискакал домой.

Очень мне не хотелось выходить из каюты. Утром мне стало намного лучше, но насморк пока не отпускал. Нужно отлежаться денек, и все будет в порядке.

– Видишь ли, Жора, – сказал Аристарх, – он так никогда не делал. Нам придется пойти поискать его в лесу. Я бы не

тревожил туристов, но на русалочьей ферме людей всего ничего, да и те в основном женщины. Из мужиков только коных Гурий и истопник Дормидонт. Мы с ними втроем лес не прочешем.

Тут я окончательно проснулся. Ученый пропал – как здорово! Не придется реализовывать наш план Б. Конечно, придется его поискать, но особо стараться я не буду. А на случай, если найду, надо подобрать в лесу дубинку. Огрею по башке так, чтобы он про свое изобретение забыл!

– Я сейчас, только оденусь и фонарь поищу, – сказал я.

– Выходи, мы будем снаружи около дверей, – согласился Аристарх.

Через десять минут я был готов. Нашел у себя фонарь и веревку, которую взял с собой на всякий случай. В параллельных мирах типа этого магазин трудно найти, а может понадобится хотя бы ту же вязанку дров к костру принести. С веревкой сподручнее.

Около входа в автобус стояла вся мужская часть группы. Отсутствовал только Лопатин, который дежурил в рубке. Протасова с его больной ногой отправили обратно спать, а остальным выдали люминесцентные фонарики, которые здесь называются светоны, компасы и, чего я не ожидал от этого мира, рацию. Если мы разбредемся по лесу, сможем друг с другом переговариваться.

Про фонарики я спросил у Аристарха, как они работают. Оказалось, что яркий свет излучают генно-модифицирован-

ные светлячки, которых выводят на ферме. Снаружи стояла непроглядная темень. Рассвет ожидался только через час, поэтому светоны были кстати, хотя я решил пользоваться своим фонарем.

Аристарх построил нас в цепочку. Каждый находился метрах в пяти от своих соседей. Таким образом мы и должны были двигаться по лесу. Гурий и Дормидонт замыкали наш ряд с двух сторон. Эти два мужика напоминали мне богатырей на картине Васнецова – такие же мощные, только без доспехов.

Слева от меня шел Рыбаков, а справа – Марсель. Глаза последнего горели. Было видно, что он готов тут же изобразить нашу шеренгу на полотне.

Собственно, сами поиски ничего интересного не представляли. Сначала мы часа три шли, спотыкаясь о корни деревьев и отстраняя еловые ветки от лица, прочь от автобуса, потом пошли обратно. Фонарики выключили где-то через час после начала похода, поскольку рассвело. Рация понадобилась только раз, когда Марсель загляделся на какую-то необыкновенную, по его словам, бабочку и отстал от процессии. Но это быстро заметили и вернули его в строй. Ученого мы не нашли, чему я был очень рад. Хотя, как оказалось, радовался преждевременно.

Аристарх взволновался не на шутку. Он сказал, что если Еремея нет в лесу с поломанной ногой или чем-то в этом роде, то, видимо, произошло преступление. Ученого убили или

украли. Поэтому нужно обыскивать русалочью ферму и наш автобус. Также он пошлет сообщение в центр, чтобы выслали подмогу. Ученого могли увезти и спрятать и по другую сторону от фермы, а вовсе не в нашем автобусе. Но там его будут искать другие люди.

– А кто будет обыскивать автобус? – спросил Марсель.

– Добровольцы, – ответил Аристарх, – надеюсь, такие найдутся.

Я подмигнул Бархатову, и мы тут же выразили желание искать в автобусе. Как ни странно, пассивность проявил Рыбаков.

– Веня, ты что отмалчиваешься? – спросил Корсаров.

– Я, конечно, приму участие, – тут же заверил его Рыбаков.

– Завтрак вы уже пропустили, – заметил экскурсовод, – пойдите сначала перекусите, а потом займетесь поисками. А мы с Гурием и Дормидонтом будем обыскивать ферму.

Кони, на которых прискакали эти трое, паслись на полянке. Аристарх с мужиками ловко вскочили в седла и поскакали в сторону русалочьей фермы.

В автобусе мы поели холодного мяса и салата. Кофе из автомата оказался отменного качества и очень горячим. Мне с моим насморком это было кстати.

Пока я ел, стал обдумывать свои дальнейшие действия. А что, если ученый в автобусе? Ну вот увижу я его, и что делать? Была бы у меня какая-нибудь отравленная игла или

стреляющая ручка, как в детективах описывают. Но ничего такого у меня не было. Это и понятно – я же не ожидал, что придется кого-то лишать жизни. Оставался наш план Б, но воплотить его не так легко, как кажется.

После перекуса я отозвал Макара и предложил ему искать вместе, чтобы если найдем пропавшего, попробовать провести его в рубку. Ну а там уже – дело техники.

Мы пошли по каютам. Начали с номера Толстоухова. Тут я увидел, что вовсе не все каюты одинаковые. У нашего доктора из мебели стояла только полуторная кровать, высокий шкаф, стол и стул. Еще была дверь в совмещенные удобства – туалет и душ. Не даром путевка у него была дешевле, чем у нас с Бархатовым. Естественно, у Юрки никого в комнате не было. Сам он обыскивал каюты с другой стороны коридора.

Потом зашли к Протасову. У него кроме кровати стоял пластиковый диван с бархатным чехлом и такого же рода кресло, а около кресла – торшер. В шкафу у него был мини-бар со спиртными напитками и минеральной водой. Туалет и душ, естественно, отдельные. На стене висела картина – копия «Девочки с персиками» Серова. Сам хозяин дремал на широкой кровати. Будить его мы не стали. Открыли потихоньку шкаф, санитарные комнаты – нигде никого.

У Кочеткова царил полный бардак. Его самого не было, и куда он делся, непонятно. Каюты на той стороне коридора вместе с Толстым обыскивал Рыбаков. Лопатин и Марсель искали ученого на первом этаже. Наверно, наш Олежка где-

то строчил скандальную статейку в свою желтую газетенку. Лучше бы в каюте прибрался. На полу валялись ботинки и носки, на кровати – мятые рубашки попеременно с несвежим нижним бельем.

В моей каюте мы глянули быстро – если бы там кто-нибудь был, я бы заметил. Да и как бы здесь мог оказаться Еремей? Дверь я всегда запираю. За моим номером следующим шел номер Лопатина, но он, как всегда, был закрыт.

Тут мы встретились в коридоре с Толстоуховым и решили поменяться сторонами поисков – возможно, мы на что-то не обратили внимания. Юрка хотел посмотреть сам. Нас это устраивало. Таким образом, мы получим шанс осмотреть другие каюты. Ученого там, скорее всего, нет, но я хотел посмотреть, кто как живет. Не знаешь, что впоследствии тебе может пригодиться.

Мы двинулись в каюту Марселя, но тут открылась дверь в номер Лопатина, и он вышел оттуда в своей толстовке с надписью на спине «Мы изучаем Вселенную». Я ее еще на празднике Земли у него видел. Только странно, что второй пилот надел на голову капюшон. А может и не странно. По-мыслу человек голову, а сушиться не стал.

– Видел? – прошептал Бархатов мне на ухо, – кто это, интересно?

– Как кто? Лопатин, – ответил я.

– Мне кажется, что Лопатин выше ростом, и плечи у него шире, – возразил Макар.

– Тебе показалось, – сказал я, – он же в рубку пошел. Кто туда ходит, кроме пилотов? Разве что Виолетта ходила кокетничать с Антоном.

Бархатов пожал плечами, и мы пошли дальше. Ничего необычного мы не заметили. У Марсея, естественно, все было обляпано красками. Корсаровы жили в сдвоенной каюте. И, ожидаемо, у Пятаковой в комнате было полно шмоток и косметики. Лера жила в скромной каюте, как и Толстоухов. К Антону мы не попали – заперто.

Антон и Корсаров искали ученого на третьем этаже, где были служебные помещения. Режиссера туда в виде исключения допустили. Но они все равно ничего не нашли.

После операции, которая продолжалась почти до самого обеда, Макар подошел ко мне и потянул с собой в свою каюту.

– Осталось две возможности, – сказал он, – ученый либо в каюте Лопатина, либо Антона.

– То есть они его прячут, – подытожил я.

– Да. И я думаю, в толстовке Ивана как раз и был Еремей. Он пошел в рубку, потому что была смена Лопатина. Значит, второй пилот имеет отношение к его краже, – поддержал меня Бархатов.

– Теперь, вспомнив, я тоже так думаю, – сказал я, – тот тип в ветровке действительно был ниже второго пилота. А жаль. Лопатина лучше иметь в друзьях. Он человек непростой, как мне кажется.

– Как бы то ни было, – возразил Макар, – нам с тобой ученый мешает. Поэтому будем действовать, как и решили.

Лопатин

Я расслабился, совершенно непозволительно. Почему-то меня больше всего волновало, как я буду уговаривать Еремея лететь на нашу Землю. Но он согласился очень легко, видно, и сам чувствовал, что на родной параллели оставаться опасно. И вот – пожалуйста!

Простить себе не могу, что мы с Вениамином не установили дежурство. Надо было глаз с ученого не спускать. Я, конечно, понадеялся на его здравый смысл, но не рассчитал.

Моя вахта начиналась перед ужином, поэтому я быстро перекусил в столовой, синтезировав себе самые простые яичницу и хлеб, и отправился в рубку. По дороге решил заглянуть в каюту, чтобы узнать, как чувствует себя мой новый приятель.

На стук никто не ответил. Решив, что Еремей устроился спать, я открыл дверь своим ключом и обнаружил, что каюта пуста. В первый момент я просто удивился, потом подумал, что Еремей передумал и решил с нами не лететь. Это было уже невозможно, в обеденное время я переместил автобус на свою родную Землю, на расчищенный участок. Время выбрал специально, чтобы никто ничего не заметил. Так и вышло, даже Антон не вздрогнул.

Надо сказать, что наша параллель уже много десятилетий нежилая. Человечество в двадцать первом веке так обраща-

лось с родной планетой, что чуть не погибло. В последующие века лучшие умы бились над проблемой выживания, и кончилось это тем, что была создана Гея. Искусственная планета размеры имеет меньшие, чем Земля, но идеально приспособлена для жизни. Я точно знаю, я там родился.

Но оставлять загаженную планету без использования совершенно неэтично. Когда люди обустроились в новом доме, они задумались о приведении в порядок старого. Собственно, уговаривая Еремея лететь с нами, я и просил его помочь с восстановлением природы на старушке – Земле. Их цивилизация осталась жива после похожей катастрофы, и ученый согласился поделиться знаниями с незадачливыми жителями нашей параллели.

Так что Еремею деваться было некуда. Любая бригада заметила бы человека без защитной одежды в опасной зоне и проводила бы его назад. Да и сама расчищенная территория, на которой мы находились, была невелика.

Я собрался уже идти наружу, искать своего потеряшку, но тут в дверях показался Рыбаков.

– Слушай, Иван, на ужине нет Толстоухова. Может, он просто не хочет есть, но все остальные на месте. Ты был на третьем этаже, не видел, в медотсеке пусто?

– Веня, Еремей тоже куда-то подевался. Вдруг ученому нездоровиться, и доктор оказывает ему помощь? – вопросом на вопрос ответил я, хоть и понимал, что быть такого не может.

Толстоухову неоткуда было узнать, что ученый на борту, поиски ведь ничего не дали. Но так хотелось верить, что все хорошо!

Рыбаков все понял сразу.

– Надо проверить медотсек, на всякий случай. Иначе...

– У меня вахта начинается, – сообщил я.

– Тогда я сам, а потом зайду к тебе в рубку, – Вениамин развернулся и быстро скрылся в глубине коридора.

В рубке я застал Антона, непривычно нервного и растерянного. Он сидел с бумажным судовым журналом в руках. На автобусах, курсирующих между мирами, кроме обычного судового журнала, ведут еще и старинные, бумажные. На случай, если электроника откажет. К тому же, электронный журнал заполняет автоматика, бесстрастно фиксируя все происшествия на борту. Пилот может дополнить и прокомментировать эти записи, но изложить свою версию происшедшего можно только на бумаге. Она сохранит информацию при любом скачке напряженности электромагнитного поля. Отчасти это анахронизм, но бывали на моей памяти случаи, когда только такой журнал и позволял понять, что случилось с судном и командой.

К чему я это говорю? Антон явно пытался что-то объяснить, но, судя по всему, получалось не очень.

– Что случилось? – спросил я.

– Меня теперь точно выгонят, – уныло ответил Антон.

– За что? Рассказывай давай, – я печенкой чувствовал, что

неприятности только начинаются.

– Понимаешь, я тут сдуру отлучился из рубки на пару минут, а когда вернулся, увидел такое...

– Какое такое?

– Виолетта зашла, позвала фотки посмотреть, я и вышел. Мы же на месте стояли, – забубнил Антон.

– Ну? Дальше что было? – подбодрил его я.

– Возвращаюсь, а тут Макар с Георгием стоят у главного пульта и кнопки нажимают. Я, конечно, их выгнал, нажал «Возврат», но они-таки успели куда-то переместить автобус, может, даже не один раз.

– Выгонят тебя правильно, – жестко заявил я. – Если ушел, так хоть дверь бы запер.

– Дверь я захлопнул. Но, понимаешь, когда эти дураки ушли, я обнаружил, что замок скотчем заклеен. Выходит, они заранее собирались в рубку проникнуть?

Но я думал уже о другом. Зачем вдруг нашим приятелям потребовалось экспериментировать с перемещениями? И как это связано с отсутствием двух человек?

Для начала надо, конечно, обследовать весь автобус. Нам вдвоем с Рыбаковым этого не сделать. Три этажа, множество помещений. Естественно, большая часть технических кают надежно заперта, но вдруг у этих экспериментаторов есть ключ? Придется привлекать пассажиров к поиску.

Когда я вошел в столовую, ужин еще не кончился. Стоило мне появиться, как все взоры устремились на меня.

– Друзья, у нас произошло неприятное происшествие, – стараясь сохранять невозмутимый вид, сказал я. – В нашем автобусе находился эвакуированный со своей параллели ученый, Еремей. Вы все его знаете. Простите, что пришлось держать вас в неведении, но ему грозила серьезная опасность. Он был доставлен на борт и собирался переместиться вместе с нами. К сожалению, он пропал.

Бархатов хмыкнул.

– Опять?

– Видимо, он заблудился. Прошу всех, кто может, оказать помощь в его обнаружении. Он мог пострадать, зайдя в помещения, для людей не предназначенные. Кроме того, мы не можем найти нашего доктора. Вероятно, они находятся где-то вместе.

– Юрка! – ахнула Лера, и негодующий взгляд Георгия был ей наградой.

Тут в дверях показался Рыбаков. Он заговорил, и ни у кого из пассажиров даже мысли не возникло ему возражать.

– Мы с Георгием и Макаром возьмем на себя верхний этаж. Девочки осмотрятся здесь, только в гравитационный отсек не ходите. Все опасные помещения проверит Иван, поскольку Антон на вахте. А Володю и Семена попросим осмотреть все каюты. Олег останется здесь для координации действий. Записывай все, что тебе доложат остальные.

Что делали в рубке Георгий и Макар? Неужели это связано с нашими потерянками?

Я боялся об этом даже думать, но если они не найдутся, если остались на какой-то другой параллели, определить, где они сошли, мы не сможем. Я сам, собственными руками отключил записывающую аппаратуру, чтобы спокойно доставить Еремея на свою родную параллель и не выдать ее координаты.

Заседание Совета

Огромный светлый зал Совета Геи был заполнен до отказа. Кроме членов Совета и лиц, обслуживающих заседание, в помещение набились сенсовизорщики со своей аппаратурой и множество посторонних, которым посчастливилось проникнуть в здание под разными предложениями.

Лопатин вошел, когда свободных мест уже не осталось. Ему довелось однажды побывать в этом зале, но в прошлый раз повод был совершенно другой, он просто докладывал результаты работы на Фионе.

Широкие окна глядели в голубое небо, солнечные лучи отражались от стен, кружились по потолку. Зал находился на тридцатом этаже административного корпуса Совета, но прекрасный вид на город и реку открывался лишь тем, кто сидел у самых окон.

На возвышении в дальнем конце зала расположились члены Совета. Они без суеты устраивались на привычных местах, не обращая внимания на возбужденные лица в зале.

Минутная стрелка больших часов над столом Совета коснулась двенадцати, и в тот же миг раздался мелодичный звонок, оповещающий о начале заседания. Хрустальный звон оборвал все разговоры.

Председатель Совета Геи окинул взглядом собравшихся и негромко сказал:

– Друзья! Благодаря прямым трансляциям сенсовидения вся планета знает о том, что произошло на борту экскурсионного автобуса Алая Молния. Напомню, ученый с параллели XIXд, Еремей Двадцать пятый, был эвакуирован посланным с этой целью пилотом Лопатиным с родной параллели. На родине ему угрожала смертельная опасность. Еремей должен был прибыть на нашу параллель, но пропал во время экскурсии. Экспедиция по его эвакуации готовилась в течение нескольких месяцев. Все мы хорошо знаем, что Гея старается не вмешиваться в дела других параллелей, нам хватает дел на своей. Но Еремей представляет такую ценность для человечества, что его спасение потребовало исключительных мер. Поразительные возможности этого ученого могли обогатить человечества всех параллельных Земель, но на родной Земле его научная деятельность вызывала серьезное недовольство властей.

Сегодня нам предстоит принять сложное решение. Все вы в течение последней недели могли слышать показания участников экскурсии, приведшей к драматическому финалу. Для прояснения ситуации просим пройти сюда пилота Космофлота Геи Ивана Лопатина.

Лопатин не успел даже опомниться и собраться с мыслями. Что говорить?!

– Уважаемые члены Совета, я уже рассказал подробно, что произошло на борту экскурсионного автобуса, принадлежащего фирме «Зори Земли». Осталось добавить немно-

гое. Как вы уже знаете, я незаметно для первого пилота и пассажиров переместил автобус на нашу Землю. Здесь ученый должен был сойти, а остальные – вернуться на родную параллель. Оповещать о присутствии на борту еще одного человека я никого не собирался. Но когда я обнаружил пропажу Еремея, пришлось все рассказать. Те, кто находился на борту, отправились на поиски. Мы с Вениамином Рыбаковым подозревали, что ученого может уже не быть в живых. Поэтому после того, как все экскурсанты собрались в столовой и доложили об отсутствии результатов поиска, мы с Вениамином решили искать уже трупы. Мы обследовали машинное отделение, зону гравитаторов, складские и подсобные помещения. К счастью, тел мы не нашли.

Должен сказать, что для себя лично я пришел к выводу: они сошли на неизвестной мне параллели. На такую мысль наводит заклеенный замок в рубку. Видимо, или Еремей с Толстоуховым решили тайно покинуть автобус, или кто-то из пассажиров автобуса высадил их насильно. Вариант, при котором Толстоухов действовал против Еремея, мы с Рыбаковым не рассматривали, так как оба успели разобраться, что представлял из себя наш доктор. К тому же, не было решительно никаких причин, чтобы у Юрия возникли трения с ученым.

– Пилот Лопатин, подозреваете ли вы кого-нибудь из присутствовавших на борту в умышленном перемещении доктора Толстоухова и спасенного вами Еремея Двадцать пято-

го на неизвестную параллель? – спросила сидевшая рядом с председателем женщина.

Все семь членов Совета избирались из числа самых уважаемых граждан Геи. Многоступенчатые выборы длились долго, зато те, кто становился полновластными руководителями государства, обладали и нужной квалификацией, и безупречной репутацией.

Лопатин поежился под строгим взглядом спросившей. Заслуженная учительница планеты умела внушать почтение не только своим ученикам. Ответить на ее вопрос означало обвинить кого-то из тех, кто провел с ним последние две недели. Кого-то из тех, с кем он спасал пропавшего художника, готовился стать жертвой индейцев, попадал в плен к пиратам. Даже привыкшему брать на себя ответственность капитану кораблей, бороздивших глубокий космос, это было нелегко.

– У меня нет причин обвинять пассажиров или первого пилота автобуса. Небольшой вопрос хотелось бы задать лишь Барахатову и Гольдману. Их странное поведение, появление в рубке незадолго до исчезновения ученого показали мне... Не могу сказать: подозрительными. Просто не знаю, как все это объяснить. Да и не хотелось бы мне бросить тень на Георгия. Он вел себя отважно в опасных ситуациях, мы, если можно так сказать, сражались плечом к плечу.

– Вы понимаете, что речь идет, возможно, о покушении на жизнь человека? – не отставала учительница. – Есть ли у

вас предложения Совету, как разобраться в ситуации?

– Я считаю, единственное, что мы можем предпринять – определить, на какую параллель высадились или были высажены пропавшие. Я тут прикинул: мы знаем, какой энергией обладал автобус до перемещения на нашу параллель. Запас энергии после возвращения тоже известен. Разность между ними составит удвоенную величину энергии, потраченной на высадку на чужую параллель. Это дает нам возможность вычислить расстояние до той Земли, на которой сейчас находятся Толстоухов и Еремей. Если этот мир обитаемый или, по крайней мере, пригоден для жизни, мы можем попытаться их спасти.

– Какова, на ваш взгляд, вероятность того, что пропавшие покинули автобус по своей воле?

– Я в это не верю, – тяжело вздохнув, ответил Лопатин. – У Еремея вообще не было никаких причин покидать экскурсию, он добровольно согласился переехать в наш мир. Что касается Толстоухова, то у него тем более нет никаких мотивов. Он влюблен в Леру Новицкую и по своей воле никогда бы с ней не расстался.

В зале воцарилась тишина. Лера покраснела и опустила глаза. Она чувствовала себя, как на сцене, под внимательными взглядами всего зала. Георгий неодобрительно хмыкнул, но даже головы не повернул.

И в этот момент дверь в зал распахнулась. Человек в форме почетного караула Совета ввел в зал двух усталых муж-

ЧИН.

Георгий

В тот день после обеда я немного побродил в коридоре, потом ушел в свою каюту, но дверь оставил открытой. Мое терпение вскоре было вознаграждено. Я увидел, как Иван подошел к своей комнате и постучал сначала три раза, потом через пару секунд еще два. Если бы там никого не было, второй пилот не стал бы стучать. Так что все сомнения в том, что в его номере скрывается ученый, отпали. Теперь выманить Еремея из каюты Лопатина представлялось простой задачей.

Дольше тянуть было некуда. Пришла пора реализовывать план Б. Начали мы с того, что Макар зашел в рубку и спросил у Антона, когда мы прибываем в исходную точку. Пока они разговаривали, я за широкой спиной Бархатова заклеил скотчем язычок замка так, чтобы дверь не захлопывалась при закрывании. Обычно пилот, отлучаясь с дежурства, просто закрывал дверь, и замок срабатывал автоматически. Но нам это не годилось.

Затем я опять ушел в свою каюту, оставив щель для наблюдения, и стал ждать. Второй пилот вскоре вышел из своей каюты и пошел по направлению к лестнице. Видимо, он решил побывать на третьем этаже в служебных помещениях. Нельзя было терять ни секунды. Я вызвал Бархатова, который тоже удалился к себе, и предложил ему заняться Виолет-

той, а сам наблюдал за ними из-за чуть приоткрытой двери.

Пятакова отдыхала в своем сдвоенном номере. Вовка, как сказал мне потом Макар, читал какой-то сценарий, а его жена скучала, поэтому она обрадовалась, когда к ней пришел одноклассник.

– Виолетта, тебе, наверно, скучно сидеть в каюте? – спросил ее Макар.

– Да уж, веселого мало, – согласилась она.

– Пойдем-ка выйдем, – предложил ей Макар.

Летка с легкостью согласилась. Последовавший дальше разговор я слышал лично.

– И ты не одна скучаешь, – загадочно произнес Бархатов, стоя с Пятаковой уже в коридоре, – Антону, наверно, жутко тоскливо сидеть на вахте, когда автобус никуда не движется. Ему совершенно нечего там делать.

– На что ты намекаешь? – спросила Летка.

– Предлагаю тебе немного развлечь первого пилота, – ответил Макар.

– Чем же я его развлеку? – кокетливо произнесла Пятакова.

– Ну, ты же фотографировала на русалочьей ферме, – пояснил Бархатов, – у тебя, наверно, куча фотографий голых русалок. Любой мужик заинтересуется этими фото.

– А ты не хочешь на них посмотреть? – спросила Летка.

– Я позже посмотрю, сейчас у меня другие планы, – пояснил Макар.

– А зачем тебе, чтобы я развлекала Антона? – поинтересовалась Пятакова.

– Да просто мне его жаль. Ну и я подумал, что ты тоже скучаешь, – ответил Бархатов.

– Это странно, но твоя идея мне нравится. Пойду схожу в рубку. Только где бы нам фотки посмотреть, чтобы Корсаров не видел? – задумчиво произнесла Летка.

– Да хоть в столовой или в концертном зале. Там сейчас никого нет, – предложил Макар.

Окрыленная Виолетта побежала в рубку. И действительно, через несколько минут вышла оттуда вместе с первым пилотом. Путь был свободен.

Когда Пятакова с Антоном ушли, я постучал в номер второго пилота тем же стуком, что и хозяин. Дверь тут же открыли, и я увидел ученого в толстовке Лопатина.

– Еремей, как я рад, что вы нашлись! – воскликнул я.

Тот, увидев меня, немного испугался и попробовал закрыть дверь.

– Постойте, – сказал я, – я хотел сказать, что вам на своей планете грозила немалая опасность, но теперь все в порядке. Тут вас никто не обидит.

– Вы уверены? – спросил Еремей.

– Конечно, – подтвердил я, – все самое страшное закончилось. Вы можете смело отдыхать и ни о чем не беспокоиться. Я удивляюсь, что Иван не рассказал о вашем прибытии экскурсантам. А все мы – самые доброжелательные люди. Я

лично очень ценю ученых и изобретателей, которые своими открытиями двигают прогресс и облегчают нам жизнь.

– Я очень рад, – облегченно вздохнул Еремей, – действительно, мое последнее изобретение сильно упростит путешествия между мирами, а значит, они станут доступны широкому кругу людей.

– Это здорово! – сказал я, – Но к делу. Я хотел сказать, что второй пилот зовет вас в рубку.

– Странно, – засомневался Еремей, – Вроде бы мы с ним недавно виделись.

– Видимо, появились какие-то новые обстоятельства, – ответил я.

– Ну что же, пойдете, – согласился ученый.

И мы вместе пошли в рубку, в которой в это время никого не было.

– Постойте, но тут же нет пилота! – запротестовал ученый уже в рубке.

Тут появился Макар.

– Не беспокойтесь, – сказал он, – Лопатин скоро придет. Его срочно вызвали в служебный блок.

– Может, я пока пойду к себе? – засомневался Еремей.

– Не стоит, – ответил я, – давайте пока посмотрим на пульт управления. Я его вижу в первый раз. Вот что это, например, на экране? Вот эти зеленые точки...

– Видимо, это наш маршрут, – сказал Еремей.

– Тогда вот эта крупная точка, наверно место нашей сто-

янки, – заметил Бархатов. – А как нам переместиться в другое место?

– Вот, посмотрите, – сказал я и нажал несколько кнопок на пульте, – видите, мы перемещаемся.

Автобус слегка вздрогнул, что подтверждало мои слова.

– Пойдите, нужно скорее возвратиться назад! – воскликнул Еремей.

– А давайте сначала посмотрим, куда мы прибыли, – предложил я и нажал зеленую кнопку справа.

Как открывается запасной выход, я видел, когда Виолетта охмуряла Антона, а я нечаянно оказался рядом, и вот пригодилось! Дверь наружу, которую, если не знать о ней, сразу не увидишь, открылась.

– Да там же кислород, как и у нас. Посмотрите, Еремей, – сказал я. Ученый смотрел на меня испуганными глазами, поэтому Макару пришлось толкнуть его наружу спиной вперед.

– Пойдите, что вы делаете? – заорал появившийся неизвестно откуда Толстоухов, – Еремей, давайте руку!

Тут я не растерялся и двинул Толстого по спине. Тот вылетел вслед за ученым. Я быстро закрыл дверь. Она щелкнула и заблокировалась.

– Что вы тут делаете? – воскликнул появившийся в рубке первый пилот.

– Антон, ты не кипятись, – ответил я, – мы тут учимся автобусом управлять, и я нажал какие-то кнопки.

– Идиоты! – закричал тот в ответ и, быстро подбежав к

пульту, вернул нас обратно туда, где мы были до завершения плана Б.

– Вы же знаете, что сюда доступ закрыт! – не успокаивался пилот, – теперь мы потратим больше энергии, чем было запланировано.

Я соорудил виноватую мину.

– Мы как-то не подумали. Понимаешь, нас любопытство одолело.

– Идите в свои каюты, – сухо сказал Антон, и мы с Макаром с готовностью ушли к себе.

Юрий

Я даже не понял, что случилось. Вот только что Бархатов напал на невесту откуда взявшегося Еремея, и вдруг – солнечный свет и падение. Я рухнул на четвереньки и при этом заехал Еремею головой в живот. Аж шею скрутило. Думаю, что и ему мало не показалось.

Пока я приходил в себя, извинялся и удивлялся, назад не смотрел, а когда глянул – ахнул. Автобуса не было. Мы с ученым оказались в совершенно незнакомой местности.

Перед нами простирался океан. Впрочем, возможно, и море, но я почему-то был уверен, что океан. Мы оказались на широком берегу, его дальняя граница отстояла метров на сто от воды. Эта вовсе не был пляж: песок включал массу камней разного размера, довольно острых. Заканчивался берег обрывистой стеной. Мне почему-то пришли на ум меловые склоны английского побережья, хотя я никогда там не был. Вертикальные стены венчала зеленая лужайка, но до нее было метров десять.

– Где это мы? – спросил я, хотя Еремей знал не больше моего.

– Трудно сказать, – ответил тот. – Похоже, мы попали на какую-то другую параллель. Когда я отлаживал свой переместитель, меня порой заносило в неведомые края. Как тебя звать, я запомнил?

– Юрий. Для своих просто Юра, – машинально ответил я. Что-то здесь было не так. Другое небо, другая вода, другой воздух. Воздух! Дышалось как-то особенно легко, у меня даже закружилась голова.

Еремей посмотрел на меня и сказал:

– Ты приляг пока. Здесь в воздухе кислорода много. Обвыкнись, а я огляжусь.

Я опустился на песок, отшвырнув пару булыжников. Действительно, похоже, здесь состав воздуха другой. Значит ли это, что атмосфера параллели представляет для нас опасность? Впрочем, переживать по этому поводу нет смысла, все равно не дышать мы не можем.

Тем временем Еремей решил, что с берега пора уходить.

– Вставай, Юра, – сказал он. – Время за полдень, а нам надо еще о ночлеге подумать.

Я поднялся и поплелся за ним. Внизу у отвесного берега лежал большой валун. Мне сразу подумалось, что это место подойдет для временного лагеря. Между стеной и камнем можно устроиться на ночь, если закрыть проход с одной стороны. Я предложил это Еремею, но его мой план не вдохновил.

– Видишь, какой обрыв? – заметил он. – Сплошной песок. Стена потому и отвесная, что порода отходит большими кусками. Здесь нас может засыпать. Лучше подняться наверх и попробовать устроиться там.

Пришлось согласиться. Мы долго плелись вдоль обрыва,

увязая в песке и спотыкаясь. Не создан я для таких передрыг! Конечно, стоять часами у операционного стола тоже не сахар, но там я точно знаю, что делать. А здесь...

Впрочем, Еремей не терял хладнокровия. Мне очень хотелось спросить его, как он попал в автобус, но с этим можно было подождать. Наконец мы достигли относительно пологого участка склона и вскарабкались наверх. Перед нами растянулось обширное равнинное пространство. Вдали возвышался лес. Ничего похожего на дорогу или жилье видно не было.

Откровенно говоря, я уже хотел есть, просто зверски. Такие длительные прогулки на свежем воздухе мне непривычны, остались далеко в детстве.

– Жаль, что вместе с нами не выкинули какой-нибудь еды, – судорожно глотнув, заметил я.

– Найдем что-нибудь, – задумчиво ответил Еремей. – Труднее будет выбраться отсюда.

О том, как возвращаться, я старался не думать. Лично мне казалось, что шансов у нас нет. Но, с другой стороны, мы пока были живы, а это уже вселяло оптимизм.

Мы долго брели по равнине, которая оказалась не такой уж и ровной. Ноги путались в траве, кочки и крупные камни заставляли глядеть, куда наступаешь. В конце концов мы очутились на лесной опушке. Но что это был за лес! Я не увидел ни одного знакомого дерева.

Еремей выглядел удивленным, но не растерянным.

– Да, далеконько нас забросило. Ну, ничего. Давай пройдем немного вглубь, чтобы нас не было видно издалека.

Мы углубились в странный лес. Высокие стволы были зелеными! Удивительные запахи, необычные цветы, огромные бабочки. Солнечный день не радовал, скорее пугал, открывая глазу все новые и новые странности. Под ногами был мох, настоящей травы не видно. В одном месте ветром повалило громадное дерево, корни его, вернее, корень, напоминал трубу, какие прокладывают под шоссе и заполняют кабелями.

Яма очень заинтересовала Еремея.

– Пожалуй, сегодня ночевать будем здесь, – заявил он. – настелем листьев, хорошо бы под них камни уложить, но это если найдем. А вон там, подальше, костерок организуем.

Я смотрел на него с удивлением. Этот лесной житель и не думал впадать в уныние. Казалось, наше положение его забавляет.

По его указанию я принялся собирать сухие листья растения, напоминающего папоротник. Листья были огромные и неудобные, зато легкие. Я таскал их к будущему костру и ломал на части. Еремей тем временем подбирал зелень, которой он собирался выстилать нашу яму.

Мы как-то очень быстро стали обрастать хозяйством. Даже я, отходя от поваленного дерева на значительное расстояние, возвращался будто бы в лагерь. Когда листьев образовался целый стог, Еремей разгреб площадку от мха, сдвинул

сапогами растительность до самой земли. В центре он положил четыре больших камня, по паре с двух сторон, а сверху бухнул еще одну каменюку с углублением, напоминающим большую миску. Под эту миску он сложил обломки сухих листьев и высек искру, ударив камень о камень. Сушняк занялся сразу. Большое количество кислорода в воздухе способствовало горению.

Поддерживать огонь пришлось мне. Еремей ушел куда-то и довольно долго отсутствовал. Вернулся он с клубнями неизвестного растения.

– Это наш обед. Запечем сейчас и будем есть. Воды вот только принести не в чем. Там, метрах в двухстах, есть ручей, но зачерпнуть можно только ладонями.

Я порылся в карманах и нашел пластиковый пакет, оставшийся от какого-то медицинского оборудования. Не знаю, когда я его прихватил, но теперь он оказался очень кстати. В него вошло бы литра полтора жидкости. Еремей молча забрал у меня пакет и отправился к ручью.

Когда золы оказалось достаточно, я зарыл в нее Еремеевы клубни. Тут и сам ученый вышел из леса.

– Воду будем кипятить, – сказал он. – Мало ли, какая тут водится зараза.

Он налил воды в каменную чашу, стоящую над остатками костра. Мы вытащили клубни и снова развели огонь. За всеми этими делами стало смеркаться. Бесконечно длинный, нервный и утомительный день подходил к концу.

Наконец начало темнеть, мы сели ужинать. Когда принесенные Еремеем клубни были съедены, а вода выпита, все дела кончились. Мы с Еремеем сидели у костра. Ничто не мешало предаваться размышлениям о случившемся и строить предположения об ожидающем нас будущем.

Не знаю, о чем думал Еремей, а меня мысли сразу унесли к Лере. Я думал о том, что мы с ней никогда больше не встретимся, и все же воспоминания о ней останутся для меня самыми светлыми, сколько бы мы не прожили на этой чужой параллели.

Ночь прошла спокойно, нас никто не потревожил. Весь день прошел в хлопотах. Мы делали крышу над нашим убежищем, заготавливали дрова. Еремей попутно рассматривал все попадавшиеся камни, что-то искал.

Это был странный мир. Мне здешняя растительность казалась незнакомой. Похоже, геологическая история этой параллели сильно отличалась от нашей. Я не занимался ботаникой с институтских времен, но некоторые растения были мне известны. Однако же большинство выглядело так, что наводило на мысль о древних окаменелостях. Животных мы пока не встречали, но мирное сосуществование гигантских папоротников и калины казалось мне по меньшей мере странным.

Вдруг в небе появился странный объект. Я голову бы дал на отсечение, что это летательный аппарат. Пришлось ткнуть в бок Еремея. Он взглянул на приближающуюся точку и ска-

зал:

– Прятаться поздно. Нас выдал костер.

Пятно все увеличивалось и скоро превратилось в открытую платформу, на которой восседало странное существо. Сначала мне показалось, что это птица.

Платформа снизилась в двух метрах от нашего костра, и на землю сошел... динозавр.

Оирон

Оирон зевал за рабочим столом. Если бы это увидел директор контрольной бригады Экунс, ему бы по меньшей мере сделали замечание. Ведь как любой контролер, он должен настраиваться на телепатическую связь с любым существом, находящимся в его секторе контроля, а желание поспать мешало его восприимчивости. Но разве Экунс не знает, что они с Алуной ждут появления на свет малыша? Жена так волнуется из-за здоровья своего первенца! Супруга плохо спит по ночам, и Оирону приходится ее успокаивать, а ведь утром ему на работу.

Стояла прекрасная погода – бабье лето властвовало в городе и в пригородных лесах. Такой теплой погоды в середине осени контролер давно не помнил. Вечером Оирон собирался сразиться в раслер со своим другом Умилтом. Они дружили давно – еще при поступлении в Академию заметили друг друга на экзамене и сели вместе. Прошло почти десять лет. Умилт был еще не женат, и поэтому часто телепатировал другу свое желание встретиться и весело провести время. Оирон не мог ему все время отказывать. Поэтому Алуне придется опять коротать вечер перед экраном телепатовизора.

Раслер в прошлом году вошел в число всепланетных видов спорта. Умилт мечтал попасть на планиаду, но до это-

го ему было далеко. Он мог побывать там только в качестве зрителя, хотя по сравнению с Оироном играл превосходно. Как правило, Умилт выигрывал, поэтому так любил встречаться на раслеровой полянке со своим другом. Контролер же соглашался с ним играть только иногда, по старой дружбе, предпочитая проводить время со своей молоденькой женой.

«Может, отказаться от встречи с Умилтом? – думал контролер, – Алуна в плохом состоянии. Возможно, ей даже требуется консультация психолога, а я буду махать палкой вместо того, чтобы ее поддерживать. Пожалуй, свяжусь с этим гулякой и откажусь от встречи».

«Даже не думай отменять наш матч, – прозвучала в мозгу Оирона телепатограмма от друга, – ты меня уже два месяца кормишь завтраками. Алуна посмотрит дома какой-нибудь плаксивый сериальчик, а мы с тобой сразимся. Обещаю после игры угостить тебя и твою нервную жену стаканчиком травяного сока, вне зависимости от того, кто победит. Витамины очень полезны дамам, волнующимся из-за скорого пополнения семейства».

«Вот странно, – думал Оирон, – как это Умилту удается наладить со мной телепатическую связь именно в тот момент, когда я думаю, как уклониться от игры в раслер?».

Тут он подумал, что друг сейчас читает его мысли, и перестал ломать голову над этим вопросом.

Умилт стал врачом. Он не закончил Академию, и после третьего курса сдал экзамен в Медицинский. Теперь он счи-

тает, что лучше друга понимает состояние его жены в самый ответственный период ее жизни. Но медицина заняла второе место в предпочтениях друга. Первое принадлежало раслеру. Интересно, изменится ли что-нибудь после его женитьбы? Хотя, невесты у Умилта не было. По крайней мере, Оиرون ничего об этом не знал.

«Другу всегда все давалось легко, – продолжал думать контролер, – в Академии самые красивые девушки мечтали встречаться именно с ним. Он умел рассказывать смешные анекдоты, прекрасно играл на гусях, элегантно носил на шее шарфики модных расцветок. Если Оиرون стеснялся однокурсниц и часто молчал в их присутствии, его друг никогда не терялся в компании».

А как легко Умилту далась смена профессии! Оиرون бы на его месте долго мучился, не решался бы забрать документы из Академии и в конце концов доучился бы до конца. А друг не сомневался даже дня. Сказал как-то, что ошибся с выбором профессии, а на следующей неделе уже перестал ходить на занятия.

Видно, придется идти на этот проклятый раслер. Бедная Алуна, как она хотела, чтобы он пришел с работы пораньше и посидел бы с ней и с малышом. Вечером должен прийти доктор Инкад послушать младенца. Он был дома у супружеской пары всего неделю назад, но придет снова, чтобы успокоить будущую мать.

Тут Оирон немного отвлекся от личных мыслей, поскольку-

ку ему показалось, что во вверенном ему секторе появилось слабое телепатическое поле. Слова были ему непонятны, но в мозгу вдруг возникла картинка – шалаш из веток, двое подростков у костра.

«Безобразия, – подумал он, – снова беспорядки в математическом интернате доктора Юхонда. Эти талантливые дети совершенно не умеют себя вести. И что им еще надо? Живут в прекрасных условиях, на свежем воздухе. Обучают их известные профессора. Пищу в интернат доставляют самую свежую. У учеников выходные каждые пять дней. Есть время пообщаться с родными или поиграть друг с другом. В их спортзале полно различных снарядов, а позади интерната построен крытый бассейн. Оирон сам был бы непрочь пожить в таких условиях, а эти негодяи постоянно сбегают в лес, как тюремные узники».

«Что там у тебя?» – раздался вопрос Умилта.

«Да тут двое негодяев опять сбежали из интерната», – протелепатировал другу Оирон.

«Нужна моя помощь?» – спросил тот.

«Нет, спасибо, я сам справлюсь», – ответил контролер.

Он нажал зеленую кнопку на столе, открывающую телепатический канал к дежурной тройке.

«Ребята, ваш выход, – мысленно произнес он, – двое подростков заблудились в лесу».

«Прости Оирон, – прозвучало в ответ, – мужики пошли обедать. Твои беглецы потерпят полчаса?»

«Безобразие, – протелепатировал Оирон, – вы должны быть на месте весь день, без перерывов. Я буду жаловаться!»

«Тебе легко говорить, – начал оправдываться абонент, – у тебя небось в термосе горячий сок, а в пластиковой коробке котлеты. А мы весь день без пищи».

«Ладно, – смилостивился Оирон, – готовь магнитет. Я сам съезжу в лес».

Оирон

Зрелище, представившееся взору Оирона, повергло его в шок. В осеннем лесу на поляне около костра сидели совсем не динозавры, а какие-то странные животные. Но нет, это были не животные. Они же телепатировали ему свое беспокойство! К тому же, никакой зверь не смог бы развести в лесу костер. Их странный облик не вызывал никаких ассоциаций. Невысокого роста, не больше местного подростка, два существа смотрели на него. Оирон уловил их ужас и готовность бежать.

Желая их успокоить, Оирон телепатировал чужакам вопрос:

– Откуда вы, и есть ли у вас имена?

Но странные существа молчали. Похоже, они были не способны улавливать телепатическую волну. Хорошо, что в сумке Оирона лежал лингвигатор. Над ним все смеялись, говоря, что в его рюкзаке можно найти даже магнит для магнитофона. Он не обижался. Иногда, вот как теперь, его предусмотрительность спасала в самые трудные минуты. Оирон повторил свой вопрос в лингвигатор, приведя его в режим передачи и распознавания образов. Чаще всего прибор работал с языками, но это был более сложный случай.

– Мы попали сюда с планеты Земля XVIIa. Меня зовут Юрий, а это Еремей, – ответил длинный тощий экземпляр с

оттопыренными ушами.

– Разве на Земле XVIIIa живут не динозавры? – крайне удивился Оирон.

– Нет, все известные нам параллели населены людьми, такими же, как мы, – ответил лопухий.

Он общался, произнося звуки пастью. Но она была так мала, что Оирон засомневался, способны ли чужаки есть через такие маленькие отверстия. Может быть, они потребляют необходимые организму вещества при помощи других органов или вообще всей кожей? В пользу такого предположения говорило и то, что на их телах имелись защитные покровы, а видимые участки тел казались нежными и легко повреждаемыми. Оирон отметил для себя, что защитные покровы следует изучить. Ни одно из известных ему живых существ на Земле не использовало покровов, дополняющих собственные, данные природой.

– Как вы сюда попали? – спросил динозавр.

– О, это чистая случайность, – вступил в разговор второй с пышной растительностью на том, что Оирон определил, как лицо, – нас случайно столкнули во время движения автобуса по параллельным мирам.

– Не такая уж случайность, – мрачно возразил ему лопухий, – они хотели нас столкнуть на необитаемую планету, не зная, что тут есть жизнь.

– Столкнуть? – удивился Оирон, – но зачем это им надо?

– Это долго объяснять, – поморщился тощий.

Но Оирон настаивал на своем, и в конце концов тощий рассказал, что у них возникли разногласия с другими путешественниками по параллельным мирам. В результате этого их спутники обманом поместили их на эту планету.

– Как странно, – задумчиво произнес динозавр, – все очень странно. У нас на планете никто не умеет путешествовать по параллельным мирам. Ученые утверждают, что это в принципе невозможно. Я было подумал, что вы меня обманываете, но теперь вижу, что ошибался. И вы хотите сказать, что на вашей Земле существует цивилизация таких существ, как вы?

– Да, – подтвердил Юрий, – мы называемся «люди», а если один, то «человек».

– Но как получилось, что вы оказались тут вдвоем? – продолжил опрос Оирон.

– Наши противники хотели избавиться от него, – тощий указал на своего товарища. – Я бросился его спасать, и заплатился за это, – объяснил первый.

– А чем вы занимаетесь на своей планете? – поинтересовался Оирон.

– Я – врач, лечу людей, – ответил ушастый, – а он – ученый.

– Скажите, на чем это вы прилетели? – с интересом спросил лохматый.

– О, это простейший магнилет, – рассеянно ответил Оирон, – я сейчас вам покажу, как с ним летать, и мы втроем

отправимся в город.

Путешественники не возражали. На дворе стояла осень, и ночь ожидалась холодная, а в городе наверняка есть теплые дома.

Люди подошли к странному аппарату и забрались на высокую открытую площадку. Лететь стоя было рискованно, и путешественники сели прямо на пол. Оирон показал им, как нужно закрепить специально предусмотренные для этого ремни. Потом динозавр нажал кнопку на пульте, и они полетели.

Вскоре показался город. Магнилет снизился у одного из домов, прямо у двери.

– Это гостевой дом. Идите в столовую, вас покормят. А затем покажут вам спальню, – сказал Оирон, пропуская путешественников перед собой.

Он отдал распоряжение дежурной, старой Албуле, чтобы та накормила найденных им существ, предложив понемногу как можно больше блюд. Кто знает, чем питаются эти странные животные? Сам же Оирон оставил незваных гостей. Он направился в совещательный дом, чтобы созвать чрезвычайное заседание Ученой комиссии. Внеплановое собрание он назначил на шесть вечера.

Первым на совещание явился доктор Умилт. Они с Оироном представляли в Комиссии среднее поколение. Из стариков в ранге советников ожидалось Лотан и Прогел. Ромна и Одиль представляли молодежь. Почему молодые динозав-

ры делегировали в Комиссию двух девушек, Оирон не знал. Видно, нынче пошла мода на женщин на руководящих постах.

Когда все собрались, слово взял Оирон.

– Дорогие друзья, – сказал он, – я вызвал вас в связи с чрезвычайными обстоятельствами. На нашей планете появились чужестранцы из параллельного мира.

Не дав ему договорить, члены Комиссии зашумели.

– Как интересно, – закричала Одиль, – а как они к нам попали?

Девушка оказалась в столь высоком собрании, потому что недавно написала серьезную работу об ископаемых видах. Ее исследования привлекли внимание общественности, что и привело к назначению Одиле на такую важную должность. Но Оирон полагал, что не меньшее значение имели и нежные розовые перья и длинные синие ресницы молодой красавицы.

– Это возмутительно, – громко произнес Лотан, – теперь к нам повадятся гости из других миров.

Ромна и Прогел тоже что-то кричали, но их слов Оирон не разобрал.

Пользуясь правом председателя, он зазвонил в колокольчик, и советники замолчали.

– Это не все, что я хотел сказать, – строго проговорил Оирон, – дело в том, что эти путники – не динозавры.

– Как? – ахнула Ромна, – а кто же?

– Это какой-то неизвестный нам вид млекопитающих, – пояснил председатель, – я пока не выяснил у них, куда на их параллели делась цивилизация динозавров.

– Их нужно доставить сюда, – крикнула Одиль, – чтобы они ответили на этот вопрос.

Эта невыдержанная особа все время повышала голос, но Оирон старался не показывать, как его это раздражает.

– А я думаю, – вступил в спор Умилт, – что их нужно подвергнуть медицинскому обследованию. Возможно, они – предки динозавров. Просто их цивилизация находится на более низком уровне развития.

– Но это же негуманно! – воскликнула Одиль.

– Вы не поняли, – возразил Умилт, – я обследую их во сне, без всякого вреда для здоровья.

– А если и повредите, ничего страшного, – цинично заметил Лотан, – нам тут гости из других миров не нужны.

– Необходимо отобрать у них прибор, который позволяет им путешествовать по параллельным мирам, и сломать его, – поддержал его Прогел.

– У них нет никакого прибора, – сказал Оирон, – прибор поехал дальше, а они остались здесь. Они называют это устройство автобусом. К тому же, их версия прибытия вообще сомнительна. Наша наука опровергла возможность существования параллельных реальностей. Друзья, давайте голосовать, кто за то, чтобы подвергнуть гостей медицинскому обследованию?

Все проголосовали «за».

– А что с ними потом делать? – задумчиво произнес Прогел.

– Кто они по специальности? – спросила Ромна.

Ее в Комиссии побаивались, так как она приходилась родственницей Великому. Кажется, мать Ромны высиживала яйца его жены.

– Один – врач, другой – ученый, – ответил председатель.

– Нужно пристроить их к работе, – предложила Одиль.

– Вы горячитесь, дорогая, – снисходительно произнес Ойрон, – мы не можем привлекать чуждых нам существ к работам и интегрировать их в наше сообщество.

– А что такого? – возмущенно произнесла Одиль.

– Возможно, они агрессивны, – поддержал друга Умилт.

– Прежде у них нужно узнать про цивилизацию динозавров, – напомнил Лотан, – вдруг люди их поубивали? Тогда нужно этих путников тоже убить.

– Пока следует их изолировать, пусть ждут, когда этот «автобус» за ними вернется. Но здесь их присутствие лучше скрыть, не надо волновать общественность, – сказала Ромна.

– У нас три предложения, – подвел итог председатель, – пристроить к работе, убить или изолировать до отправки домой или до естественного конца. Я раздам карточки. Каждый напишет, за что голосует, и мы подсчитаем голоса.

– Все же стоит привести их сюда, чтобы они рассказали о динозаврах на их планете, – напомнил Лотан.

– Сделаем это, когда они отдохнут, – сказал Оирон, – так что давайте голосовать.

Динозавры проголосовали и сдали свои ответы председателю. Он посмотрел результаты и снова взял слово.

– Пристроить к работе – один голос, убить – один голос, заставить уехать отсюда – четыре голоса, – объявил он.

В это время путешественники поели и успели немного вздремнуть. Старая динозавриха проводила их в комнату, в которой лежали огромные мешки с мягким наполнителем. Лохматый плюхнулся на ближайший, и мешок сразу принял форму тела. Покрытым перьями аборигенам одеяла были не нужны, но для голокожих путников динозавриха принесла пушистые покрывала, сотканые из нежных волокон. Усталые путешественники провалились в сон.

Юрий

Динозавры – это, кажется, отряд или даже надотряд наземных позвоночных. Но в тот момент нам было не до классификации. В наших книгах и фантастических фильмах они обычно коричневые или зеленые, но этот представитель ископаемых был совсем другим. Его роскошное оперение заставило бы удавиться от зависти любую тропическую птицу. Фиолетовая в целом голова была украшена зелеными и ярко-синими вставками. Ниже цвет становился менее ярким, зато добавлялись новые оттенки. Длинный хвост, мощные нижние лапы и маленькие передние, а также вытянутый череп не оставляли сомнений в его видовой принадлежности.

Прилетевшее существо явно было разумным, поскольку ловко управлялось со своим летательным средством. Рост динозавра составлял метра три, что начисто исключало для нас возможность бегства или сопротивления.

Происходящее казалось мне дурным сном, как бывает после плотного ужина. Мир, населенный доисторическими чудовищами, мог пригрезнуться только на переполненный желудок.

Я смотрел на пришельца, как замороженный, а живое ископаемое не сводило с нас своих странных глаз и будто чего-то ждало. Мы не могли понять, чего оно от нас хочет и чем это грозит. Наконец динозавр вытащил какую-то шту-

ковину и приложил к своему лбу. Через пару минут оттуда послышался скрипучий нечеловеческий голос, однако слова разобрать было можно. Он говорил по-русски!

– Откуда вы, и есть ли у вас имена? – донеслось из прибора.

Короткие переговоры привели к тому, что нам было велено залезть на платформу. Летательный аппарат поднялся в воздух и понес нас в неизвестном направлении. Лететь стоя мы не решились, пришлось сесть прямо на платформу. Динозавр показал, как нужно закрепить специально предусмотренные для этого ремни. При этом он старался ни в коем случае не дотронуться до кого-нибудь из нас, то ли брезговал, то ли боялся повредить. Потом динозавр нажал кнопку на пульте, и мы полетели. Это было так здорово! Почти как на пузырелете.

Где-то через полчаса мы оказались в городе. Город состоял из расположенных на значительном расстоянии друг от друга высоких одноэтажных домов. Это и понятно. Трехметровым тяжеленным динозаврам, наверно, трудно было бы взбираться по лестницам. В окно любого строения с легкостью прошел бы слон, такие это были окна.

Магнилет снизился у одного из домов, прямо у двери огромной ширины и высоты.

Теперь я понял, откуда в нашем мире взялись гигантские строения и так называемая полигональная кладка! Все здания в городе этих полуптиц – полуящеров были выполнены

именно в такой технике! Скажу сразу, как они это делали, я узнал позже, а тогда только удивлялся.

Нас привезли в одноэтажный дом, возможно, местную гостиницу. Помещение, в котором мы оказались, земляне никогда бы не назвали бы столовой. Зал с высоченными потолками напоминал католический собор. Посредине возвышался постамент высотой около двух метров. Похоже, он служил хозяевам планеты столом. Возле него обнаружились невысокие подставки, возможно, табуретки. Даже встав на одну из них ногами, я не смог бы использовать постамент, как стол, невысокий Еремей тем более.

Возникла некоторая заминка. Я надеялся, что нас собираются покормить. Поесть было бы неплохо, испеченные Еремейем клубни только раздражили аппетит, но меня не покидало некоторое беспокойство. В частности, будем ли мы на трапезе гостями или экзотическим заморским блюдом?

К счастью, оказалось, что мы не еда, а гости.

– Это гостевой дом. Вас сейчас покормят, а затем покажут вам спальню, – сказал привезший нас динозавр.

Обслуживала нас пожилая динозавриха. О ее возрасте можно было судить по выцветшим перьям и тяжелой по сравнению с нашедшим нас динозавром походке. Принесенная ей табуретка была заставлена квадратными блюдами с незнакомыми кушаньями явно растительного происхождения, а на огромные подушки можно было сесть, как на стулья. Еремей долго нюхал и рассматривал принесенное, по-

ка не указал на пару блюд, которые можно было рискнуть съесть.

Есть пришлось руками, но позже нам стали давать маленькие деревянные лопатки. Не знаю, делали их специально для нас или они использовались обычно для каких-то других целей. Размером с широкую вилку, они позволяли есть густые разваренные блюда. Чем нас кормили, мы так и не выяснили, да может, это и к лучшему.

После трапезы нас отправили спать. Надо сказать, что стульев у динозавров нет, есть только подставки хитрой конфигурации, позволяющие опираться больше на хвост, чем на ноги – видимо, так удобнее работать за столом.

Кровати их, в которых пришлось спать и нам, представляли собой что-то вроде гнезда из мягкого материала, но гнезда не круглого, а овального. Учитывая размеры наших хозяев, мы смогли лежать довольно комфортно. Я думал, что от впечатлений длинного тяжелого дня не усну, но провалился в сон сразу, как только вытянул уставшие ноги.

Утром я проснулся первым, Еремей еще сладко похрапывал в своем гнезде. Следовало бы обсудить наше положение, но я пожалел его будить: что нас ждет – неизвестно, а сейчас он наверняка мыслями дома, на своей русалочьей ферме.

Описывать подробно нашу жизнь в течение двух месяцев смысла нет, но надо заметить, что наше появление динозавров не обрадовало. И тут я могу их понять. Представить себе, что в других мирах все твое сообщество вымерло и замени-

лось другим видом существ, крайне неприятно. Попади мы на параллель, где человечество исчезло, а его место заняла цивилизация насекомых, мы бы точно смотрели на них, как на врагов.

Динозавры общаются между собой телепатически. Нам это не дано, так что подслушать их разговоры возможности у нас не было. И тем не менее, как слепой чувствует солнце, мы могли ощущать отголоски их мыслей. Понять выражение лица таких чуждых нам существ мы не могли, но от одних из них исходило любопытство, другие прямо излучали враждебность. Оирон менее других выказывал нам неприязнь, но рассчитывать на то, что он сможет и захочет нас защищать, не приходилось.

Возможно, влияние на нашу судьбу оказало заседание, на которое нас вызвали сразу после завтрака. Председательствовал на нем Оирон.

Председатель сидел около стола на странной табуретке, как нельзя лучше подходившей для его снабженного хвостом тела, а нам опять предложили высокие подушки. Когда все устроились, Оирон заговорил:

– Меня и других советников интересует, что стало с динозаврами на вашей планете.

Мы с Еремеем смущенно переглянулись.

– Видите ли, точных сведений у нас нет, – осторожно сказал я, – к сожалению, цивилизация динозавров на нашей планете погибла много миллионов лет назад, задолго до появле-

ния человека.

– Да, да, – поддержал меня ученый, – мы считаем, что в Землю врезался огромный метеорит, порушив все, что можно. Динозавры погибли. Поэтому позже развилась цивилизация людей.

– Как это печально, – сказал Оирон.

В уголках его глаз появились слезинки. И неудивительно – столько народу ушло в лучший мир.

– Ну что ж, – продолжил контролер, – Собрание Ученой Комиссии решило, что вы должны ожидать, пока за вами не вернется прибор, который позволит вам покинуть нашу параллель. И позже вы не должны будете приезжать к нам. Мы – слишком разные.

Нас проводили обратно в гостевой дом.

– Наше появление заинтересовало Ученую Комиссию? – спросил я Оирона.

– Хоть по специальности я контролер, – объяснил динозавр, – но являюсь также советником Комиссии – это моя общественная работа. Это очень почетно. У нас многие хотели бы заседать в ней. Но в Комиссии всего шесть мест, и определенные группы населения выбирают своих представителей, которые в свободное от основной работы время решают важные вопросы. Я счел своим долгом доложить Комиссии о вашем прибытии.

– Очень разумное устройство общества, – похвалил Еремей.

На этой ноте мы попросились с динозавром и остались в доме одни, не считая старой динозаврихи. Ойрон запер за собой дверь и спустил на окна поначалу не замеченные нами крепкие решетки из неизвестного материала. О побеге нечего было и думать.

С самого начала мы думали о том, что нам надо как можно скорее покинуть столь отличный от нашего мир. Для этого необходимо было собрать Еремеево устройство, но тут возникли сложности. Для изготовления переместителя его конструкции, очень простой, как он утверждал, требовались все же кое-какие материалы.

Тут надо рассказать, как устроена жизнь на параллели динозавров. Техники в нашем понимании у них очень мало. И не потому, что они отстали от людей в развитии, скорее наоборот. Просто многообразие видов существ, живущих на их Земле, позволяло им обходиться мускульной силой животных. И это не мешало им иметь магнитет, на котором нас доставили в город.

Разобраться во всех особенностях их цивилизации нам не удалось, да мы и не ставили перед собой такой цели. Но нам нужна была медь, определенные породы дерева и некоторые минералы. Где их взять, когда находишься на положении животного в зоопарке?

Несмотря на эти трудности, Еремей не терял надежды на возвращение. Он заставлял меня вспоминать экраны в рубке покинутого автобуса. Я видел их мельком, Еремей рассмат-

ривал дольше. Чтобы вернуться туда, откуда мы стартовали на эту параллель, следовало сообразить, куда, собственно, возвращаться.

Мы нарисовали на земляном полу нашей спальни прямоугольник и пытались восстановить точки, светившиеся на экране. По выдвинутой ученым теории, каждая из них являлась параллелью, на которую можно попасть с помощью автобуса. Ближайшие, находившиеся на расстоянии одного энергетического скачка, обозначались зеленым цветом. Те, для которых требовалось больше энергии, светились другими цветами. С этим я мог согласиться. Если считать, что центр экрана – это место пребывания автобуса, то все сходилось. Вот только точного расположения зеленых точек мы не помнили.

Но я думаю, Еремей был прав: наши противники нажали на одну из близлежащих зеленых точек. Если бы это было не так, автобус не смог бы переместиться в заказанное место, и ничего бы не случилось. А перенастроить приборы на другой объем энергии ни Гольдман, ни Бархатов не могли. Не было у них для этого времени, да и знаний соответствующих.

Каждый вечер мы сидели и вспоминали зеленые точки. Их было пять или шесть, это мы постепенно установили. На какую из них нажал Бархатов, я не помнил, но знаю твердо, что рука его дернулась вправо. Этот жест почему-то врезался мне в память. Еремей как-то рассчитал, что энергии автобуса должно было хватить на шесть прыжков: четыре плановых

и два запасных. Возможно, он был прав или просто хотел в это верить. Запас мог быть и больше или меньше, но нам это ничего не давало.

Мы обсуждали с ним, куда Бархатов мог переместить автобус, я разгорячился и крикнул:

– Если судить по сетке...

– По какой сетке? – прервал меня Еремей. – Ты великий человек, Юра. Точно, была сетка, а я-то запамятовал. Вспоминай теперь, какие-то цифры вверху или сбоку светились?

Я помнил только тройку над точкой в центре, и это несказанно обрадовало моего товарища. Он заявил, что теперь знает путь, осталось только найти необходимые для переместителя материалы.

Динозавры относились к нам бережно и заботливо, но от одного из посещавших гостиницу исходила такая враждебность, что я испугался. Наверное, если бы он мог, он съел бы нас обоих на месте.

Затягивать пребывание в этом удивительном во всех отношениях мире нам вовсе не хотелось. Но как бежать?

Однажды мы уговорили Оирона провезти нас по окрестностям. Он согласился организовать экскурсию при условии, что мы не будем пытаться покинуть магнитет.

И вот в один прекрасный, о да, прекрасный день мы разместились на летающей платформе и понесли над городом. Нам открывались поразительные виды. Вот в огромном бассейне плещутся небольшие особи, вероятно, дети. Там ги-

гантский зверь с длинной шеей поднимает могучие бревна на высоту пятиэтажного дома. Никаких парков или садов у местных обитателей не было, но за чертой города начинались огороженные территории, предназначенные, видимо, для одной семьи или что там у них было. В центре такой территории стоял дом, как правило, одноэтажный. Как в человеческом доме, в нем были окна и двери, но только в виде проемов. Видимо, климат и богатое оперение позволяли обитателям не заботиться о тепле в помещении.

Оирон так же, как поступил бы на его месте и человек, направился к своему участку. Как оказалось, он и его самка ждали детеныша. Оирон волновался и хотел проверить, все ли дома в порядке. Он рассказал нам о своей семье, и это было так по-человечески, что я на минуту даже забыл, с кем имею дело.

Магнилет опустился неподалеку от дома. В огромный дверной проем мы с Еремеем увидели, как самка динозавра с ярко-зеленым оперением переворачивает огромное яйцо. Время от времени заботливая мамочка изрыгала из пасти язык пламени, согревая будущего детеныша, а после поворачивала яйцо другой стороной, чтобы поддерживать постоянную температуру. Оирон вошел в дом и застыл, видимо, мысленно переговариваясь с подругой. Я, как замороженный, смотрел на супружескую пару.

Еремей оказался гораздо сообразительнее, чем я. Пока магнилет стоял на поверхности, он соскочил с него и быстро

собирал с земли какие-то камешки и другой мелкий мусор. Он едва успел вскочить обратно на платформу, как Оирон вернулся, и наше путешествие продолжилось.

Я ни о чем Еремея не спрашивал, и как выяснилось, правильно сделал. Когда вечером мы остались одни в своей спальне, он вытряхнул из карманов добычу и присовокупил к ней обеденную лопатку.

– Теперь у нас все есть. Если нас не потревожат, утром будем на месте, – уверенно заявил он.

Оказалось, что подруга Оирона своим огненным дыханием обработала некоторые минералы на участке. Среди сгоревшей травы Еремей нашел малюсенький кусочек меди, несколько нужных ему камешков, а деревянная лопатка послужила основой, на которой он смонтировал свой переместитель.

Работа затянулась до самого утра. Скоро нас должны были позвать на завтрак, но тут Еремей заявил, что можно двигаться. Мы взялись за руки, я закрыл глаза... А когда открыл их, мы стояли в середине какой-то помойки. Отвратительный запах не давал дышать. Со всех сторон к нам бежали люди в комбинезонах и защитных шлемах.

Лера

То, что вместо родной параллели мы оказались на чужой, да еще потом переместились на другую планету, повергло всех в шок. Выражался он у всех по-разному. Протасов насупился и недовольно молчал, Кочетков ныл и причитал, а Летка, напротив, помалкивала. Видно, боялась.

Меня удивило и то, что Ваня Лопатин, казавшийся совсем обычным парнем, был отсюда, да еще и кем-то вроде спасателя. Еремеев мне было жалко, но все мысли, конечно, занимал Юрик. Как пусто и бездарно закончилась моя любовь! Нет, она не закончилась, конечно, но больше я его не увижу, никогда. От этой мысли хотелось выть...

Наверное, если бы не случилось этого кошмара, посмотреть планету было бы любопытно. Здесь жили совсем другие люди, и жили по-другому.

Просторный зал Совета, их высшего органа власти, отличался простотой и удивительным удобством. Все было видно и слышно с любого ряда. Местные жители относились к нам с сочувствием, как к больным или маленьким. Сильно переживали, что мы потеряли друзей.

Выступления ребят я почти не слушала, меня заинтересовали только показания Гольдмана. То, что сделал Жорка, в голове не укладывается. Просто чудовищно...

Макар никогда не вызывал у меня особых симпатий. Толь-

ко в автобусе он показался мне близким человеком, наверное, потому, что это часть ушедшего детства. Но Гольдмана, при всех его закидонах, я всегда считала хорошим парнем.

Да взять хоть путевку, которую он мне оплатил! Ведь без него не видать бы мне параллельных миров никогда. А как он сразу, без разговоров бросился спасать Марсея, хоть и знал, как это опасно?!

Допустим, у индейцев он рисковал и ради себя самого, но все остальное? И из-за уменьшения, просто уменьшения, а не потери доходов убить человека, даже двух! Я не могла в это поверить, никак.

Я полностью ушла в свои мысли, и даже прослушала показания Лопатина, когда вдруг уловила неприятный запах пота около себя. Я повернулась – рядом сел Олег Кочетков.

– Слышала, что Гольдман говорил? – возбужденно прошептал он.

– Да, конечно, – ответила я.

– Я так думаю, что его Бархатов склонил к преступлению, – поделился Олег своими мыслями.

– А сам Гольдман – белый и пушистый? – недоверчиво осведомилась я.

– Ну я не знаю, – покачал плечами Кочетков, – но ты же помнишь, каким был Бархатов еще в школе?

– Кое-что помню, – неопределенно промолвила я.

– Он же давал списывать домашние задания за полквантата. А только ответ посмотреть – за десять цетов, – напом-

нил мне одноклассник.

– Это я знаю. Он один раз у меня домашнее задание по математике списал, а потом его продавал желающим, – неохотно согласилась я.

– Но есть еще кое-что, чего ты не знаешь, – закатил глаза Кочетков.

– И что же? – спросила я.

– А то, что его дядюшка после окончания Макаром Юридического института устроил племянника работать на завод, где производили двигатели для гравилетов. Но Макарка решил, что так много денег не заработает. Вышел на конкурентов и продал им коммерческие секреты завода. После этого ему пришлось уволиться. Хорошо, что по собственному желанию. Могли бы и по статье выгнать. Так он, недолго думая, купил акции фирмы «Товары из зазеркалья», и теперь работает у них юристом. Получает очень приличную зарплату и входит в совет директоров.

– А ты откуда все это знаешь? – презрительно сказала я.

– Я – журналист, обязан все знать, – загадочно улыбнулся Кочетков.

Мне стало противно. Почему всегда так? Почему Юрка пропал, а Кочетков здесь? Разве это справедливо? Слезы навернулись на глаза, и я, наверное, разревелась бы самым неприличным образом, но тут в зал вошли какие-то люди, и среди них я увидела Толстоухова!

В зале поднялся шум. Лопатин, выступавший перед Со-

ветом, развернулся и бросился к прибывшим. Сквозь слезы я разглядела и Еремея. Он спокойно улыбался и доброжелательно кивал окружившим его людям.

Иван бросился к нашим, обнял Юрку так, что тот чуть не задохнулся, принялся трясти руку Еремею и вообще радовался так, что слезы у меня сразу высохли.

Председатель Совета потребовал сообщить всем, что произошло. На этот раз о бегстве с неизвестной планеты рассказывал Еремей. С помощью его прибора им с Юркой удалось вернуться на ту планету, откуда стартовали Гольдман с Бархатовым. Их подобрала бригада, работавшая на расчистке территории, и доставила на Гею.

Толстоухов протиснулся ко мне, согнал Кочеткова и сел рядом. Я взглянула на него и отвернулась, чтобы он не понял, что со мной творится.

Юрка увидел мое состояние и попытался утешить.

– Не горюй, Новицкая. В этом мире вряд ли Гольдману грозит что-то серьезное. Не убивайся так. Вернут тебе твоего кавалера.

Юрка говорил так зло, с такой досадой, что я сразу вскипела.

– Мои кавалеры тебя не касаются! Ты дурак, Толстоухов!

– Тише, тише, – смущенно зашипел Юрка. – Давай выйдем, на нас люди смотрят.

Он почти силком вытащил меня из зала, и тут я не выдержала. Я бросилась ему на шею и закричала:

– Ты дурак! Ведь я могла никогда больше тебя не увидеть! Тебе все равно, у тебя своя семья, а мне ты всю жизнь сломал!

– Какая семья, что ты, Лерочка? – бормотал Толстоухов. – Не плачь, моя хорошая. Смотри, что творится. Вокруг нас народ собирается.

Но я не могла взять себя в руки. В голове словно что-то взорвалось. Я то обнимала Юрку за шею, то била кулаками по спине. Он все пытался меня успокоить, даже потряс немного, а потом применил метод, которым мужчины испокон веков успокаивали женщин.

Мы целовались так, словно до конца света осталось всего несколько минут, и надо все успеть. Окружавшие нас люди разошлись, а мы все не могли остановиться, так что чем кончилось заседание, я не услышала.

Рыбаков

Вот и все. Завтра отправляемся домой. Не все, конечно. Совет вынес приговор. Георгия и Макара приговорили к сну! Уровень доброты у здешних жителей просто зашкаливает.

По их меркам, наши одноклассники совершили ужасное преступление. Покушение на человеческую жизнь считается здесь чем-то немыслимым. Мне все время казалось, что жители Геи не столько возмущены, сколько поражены их поступком. У них в головах просто не укладывается, как такое возможно.

В результате оба будут спать по полтора года. Конечно, не просто спать, а видеть наведенные сны, невероятно близкие к реальности. Во сне их высадят на незнакомую планету, каждого в отдельности. И им придется выживать в неизведанной враждебной среде. Не знаю, почему каждый должен пройти этот путь в одиночку. Может, их техника пока не позволяет наладить взаимодействие между спящими, а может, хозяева планеты боятся, что один начнет выживать за счет другого, и вместо воспитательного процесса получится безобразная склока. Не знаю.

У Зорь Земли будут, конечно, большие неприятности. Вряд ли Жоркин папаша оставит арест сына без последствий, наверняка обвинит во всем фирму. Но и у Зорь позиция неслабая, ведь они не могли помешать экскурсантам

совершить преступление на чужой параллели.

Я много думал о своей роли во всем происшедшем. За долгие годы работы в СОРе мне не доводилось пережить столько приключений, как за одну эту экскурсию. Задание мое, прямо скажем, выглядело сомнительным. Наверное, следовало бы бросить службу и уйти, но я все-таки решил остаться. В основном СОР действительно помогает людям, выручает в опасных ситуациях, а такие задания, как мое последнее – это исключение. Хорошо бы выяснить, кто был его инициатором. Вряд ли мне это удастся, но попробовать стоит.

Как не странно, свои обязательства перед организацией я выполнил. Еремея на родной параллели больше не увидят, так что претензий ко мне не будет. Знакомство с этим славным мужиком решило все мои личные проблемы. Он подарил мне переместитель и научил им пользоваться, так что теперь я не только достану сыну сколько угодно глизина, но и смогу еще раз навестить и Ивана, и Еремея. Правда, встречаться придется не на Гее, а на их пока еще нерасчищенной Земле. Но я надеюсь, что с помощью нашего подопечного дела пойдут веселее.

Иван вообще предлагал мне переселиться на Гею вместе с семьей, но я отказался. Конечно, их мир хорош, и люди совсем другие. Может быть, когда-нибудь так будет и у нас. Я сделаю для этого все, что в моих силах. Ведь это мой мир, моя параллель, моя Земля.

Эпилог

Сияли люстры, тугими складками спускались со столов белоснежные скатерти. Протасов взял в руку бокал с шампанским и поднялся. Нога его уже совершенно зажала, он выглядел здоровым и отдохнувшим. Все смотрели на него и радостно улыбались.

– Друзья! Сегодня исполнился ровно год с того дня, как мы отправились в путешествие с «Звездами Земли». Предлагаю отметить этот день. По поводу нашей встречи приглашаю всех вас на экскурсию...

У слушателей отвисли челюсти, и только Рыбаков, Толстоухов и Лера хором сказали:

– Нет!